

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 3 (50)

Июль — сентябрь 2016

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА.**

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН,
Институт социологии РАН,
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

**Главный редактор
М. Л. Белоножко**

Редакционная коллегия
О. М. Барбаков, В. В. Гаврилюк, В. Е. Генин, Б. З. Докторов,
А. П. Егоршин, З. Т. Голенкова, В. И. Звонников, В. К. Левашов, Н. П. Нарбут,
В. В. Пленкина, О. М. Рой, А. Н. Силин, Н. Г. Хайруллина (зам. главного редактора)

Редактор – О. С. Булдакова
Оператор электронной верстки, редактор – Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 314
Тел./факс: 8 (3452) 28-30-76
E-mail: nursafa@inbox.ru

Включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993-1824

© ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
Социология. Экономика. Политика, 2016

MINISTRY OF RESEARCH AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

№ 3 (50)

July – September 2016

NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

SOCIOLOGY. ECONOMICS. POLITICS.

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002

Registration Certificate of SMI PI № FS 77-39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications

Industrial University of Tyumen

Co-Founders

Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by «Cabell», the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief
M. L. Belonozhko

Editorial Board

Oleg M. Barbakov, Boris Z. Doktorov, Vera V. Gavriluck, Vlad E. Genin,
Zinaida T. Golenkova, Nursafa G. Khayrulina (Deputy Editor-in-Chief), Viktor K. Levashov,
Nikolai P. Narbut, Vera V. Plenkina, Oleg M. Roy, Anatoliy N. Silin,
Alexander P. Yegorshin, Victor I. Zvonnikov

Editor – O. S. Buldakova
Computer Design, editor – N. V. Shuvaeva
Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, offices 314
Telephone/Fax: +7 (3452) 28-30-76
E-mail: nursafa@inbox.ru

Included in the RF Ministry of Education and Science SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications

ISSN 1993-1824

© NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS
Sociology. Economics. Politics, 2016

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ MANAGEMENT PROCESSES

Устинова О. В., Артюхов А. В.

Ustinova O. V., Artyukhov A. V.

Управление карьерой менеджеров: объект- и субъект-ориентированные подходы 6
Career management of managers: object- and subject-oriented approaches

Чупашева Е. В., Майер В. В.

Chupasheva E. V., Maier V. V.

Формирование специфических профессиональных компетенций менеджера 9
The formation of specific professional competencies of a manager

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

Барбаков О. М., Киричук С. М.

Barbakov O. M., Kirichuk S. M.

**Проблемы развития фермерских хозяйств юга Тюменской области
(по результатам социологических исследований)** 13
The problems of development of farms of the south of the Tyumen region
(by the sociological research results)

Кольцова Т. А., Садыкова Х. Н., Новрузова З. Д.

Koltsova T. A., Sadykova Kh. N., Novruzova Z. J.

Российская практика налогообложения игорного бизнеса 17
Russian tax practice gambling business

Мухаметшина Н. С.

Mukhametshina N. S.

**Общественное мнение в условиях социально-экономических рисков:
миграционный аспект** 22
Public opinion in the context of social and economic risks: migration aspect

Намруева Л. В., Королевских А. Н.

Namrueva L. V., Korolevskikh A. N.

О процессе уменьшения численности крестьян в современной Калмыкии 26
About the process of reducing the number of peasants in present-day Kalmykia

Пелькова С. В., Хайруллина Н. Г.

Pelkova S. V., Khairullina N. G.

**Налогообложение особых экономических зон в России и странах АТЭС:
сравнительный анализ** 30
Taxation of special economic zones in Russia and APEC:
comparative analysis

Фомичев И. Ю.

Fomichev I. Yu.

Социология потребления: диагноз и предчувствие

Sociology of Consumption: diagnosis and foreboding

34

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ **POLITICAL AND LEGAL PROCESSES**

Джахбаров Ю. А., Махмудова Д. М.

Jakhbarov Yu. A., Makhmudova J. M.

Законодательные возможности сокращения уровня преступлений

Legislative reducing the level of crime

38

Исаев Н. А.

Isayev N. A.

Уголовное право и теории постсовременности

Criminal law and post-modernity theories

45

Розанова Н. Н.

Rozanova N. N.

Репутационное пространство региональной власти

The reputation space of the regional power

48

Соломатин А. В.

Solomatin A. V.

Идея национализма в трудах российских мыслителей

The idea of nationalism in the works of the russian thinkers

52

Халил-заде Фуад Афган

Khalil-zadeh Fuad Afghan

Пропорциональная избирательная система —

международный опыт и Азербайджан

Proportional electoral system — international experience and Azerbaijan

57

Шестаков С. А., Павлов Д. А.

Shestakov S. A., Pavlov D. A.

Патриотическое воспитание в постсоветской России

в ракурсе нормотворчества

Patriotic up-bringing in post-soviet Russia from the view of regulatory framework

59

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ **CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS**

Гаврилюк В. В., Маленков В. В.

Gavrilyuk V. V., Malenkov V. V.

Векторы развития России в сознании жителей российской провинции

Vectors of Russia development in the conscience of Russian province residents

65

Гаврилюк Т. В. Gavrilyuk T. V. Креативный потенциал молодежи российской провинции Creative potential of the Russian province youth	70
Демерле Е. Б., Белоножко Л. Н. Demerle E. B., Belonozhko L. N. Формирование читательских потребностей современной молодежи как залог духовного климата общества Formation of the contemporary youth readers' needs as a pledge of the society's spiritual climate	75
Косинцева Т. Д., Шлык К. Ю. Kosintseva T. D., Shlik K. Yu. Особенности динамики ценностных ориентаций российских студентов Peculiarities of russian students' value orientations dynamics	78
Мархинин В. В., Удалова И. В. Markhinin V. V., Udalova I. V. Доминантные ценности и возможные риски в развитии народов Севера: по материалам социологического опроса в Югре Dominant values and possible risks in the development of the northern peoples: based on the sociological survey in Yugra	83
Толмачева С. В., Колтунова А. А., Колтунова Ю. И. Tolmacheva S. V., Koltunova A. A., Koltunova J. I. Социальная девиация молодежи и формирование правовой культуры Social deviation of youth and formation of legal culture	90
 ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENCE AND EDUCATION DEVELOPMENT	
Зубчик О. А. Zubchyk O. A. Университет — основа конкурентоспособного общества University — as a basis of competitive society	94
Макарова Г. И. Makarova G. I. Образовательные процессы в вузах Татарстана Educational processes in higher education institutions of Tatarstan	99
Рязанова Е. В., Ребышева Л. В. Ryazanova E. V., Rebisheva L. V. Социологические аспекты формирования имиджа высшего учебного заведения Sociological aspects of formation of image of the educational institution	103
Фарахутдинов Ш. Ф. Farakhutdinov Sh. F. Типология профессиональных приоритетов студентов инженерного вуза Types of professional priorities of engineering university students	107

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 338.2

УПРАВЛЕНИЕ КАРЬЕРОЙ МЕНЕДЖЕРОВ: ОБЪЕКТ- И СУБЪЕКТ-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПОДХОДЫ CAREER MANAGEMENT OF MANAGERS: OBJECT- AND SUBJECT- ORIENTED APPROACHES

О. В. Устинова, А. В. Артюхов
O. V. Ustinova, A. V. Artyukhov

Ключевые слова: менеджер; карьера; управление карьерой
Key words: manager; career; career management

В теории управления организацией проблема воздействия на процесс развития деловой карьеры работников разработана не в полной мере. Это, в свою очередь, на практике отражается в существовании множества проблем в области развития и продвижения кадров. В современных условиях в большинстве российских организаций управление карьерой персонала не имеет научного обоснования, оно бессистемно. В статье рассматриваются субъект- и объект-ориентированные подходы в управлении карьерой менеджеров.

In the theory of organization management the impact on the development process of business career of employees are not developed fully. This, in turn, in practice, is reflected in the existence of many problems in the development and advancement of personnel. In modern conditions in most Russian organizations career management staff has no scientific basis, unsystematic. The article deals with the subject - and object - oriented approaches in career management of managers.

Ключевой идеей современной теории и практики управления персоналом выступает отказ от традиционных взглядов, предусматривающих управление кадрами на базе оценки итоговых результатов деятельности. Современный подход ориентирован на формирование комплексной системы управления персоналом, предусматривающей корректировку процесса управления за счет мониторинга его состояния по заранее определенным критериям. Исходя из этого, трансформируются и взгляды на проблему управления персоналом и обеспечения карьерного роста менеджеров [2, 4, 5, 6, 7].

Вопрос построения карьеры менеджеров рассматривается в контексте системы развития персонала, имеющей целостный характер. Так, по мнению М. Александровой, «развитие персонала – это система взаимосвязанных действий, элементами которой являются выработка стратегий, прогнозирование и планирование потребности в кадрах той или иной квалификации, управление карьерой и профессиональным ростом, организация процесса обучения» [1].

Выбор карьеры осуществляется во многом субъективно, хотя автор не исключает возможности внешнего воздействия на процесс карьерного самоопределения. Такое воздействие возможно в нескольких проявлениях в рамках системы развития персонала организации, основными из которых являются следующие.

- «Выращивание» или объект-ориентированный подход, под которым понимается деятельность высшего руководства или собственников по отбору, найму, обучению, развитию наиболее перспективных менеджеров с целью дальнейшего замещения ими вакантных руководящих постов в организации. В данном случае карьера менеджера определяется степенью его восприимчивости к оказываемому на него воздействию в процессе «выращивания», а ее содержательная сторона зависит от потребностей конкретной организации.

- «Персональное развитие» предполагает субъект-ориентированный подход к построению карьеры менеджера и основывается не на «приспособлении» его к требованиям конкретной организации и должности, а на развитии именно его компетенций и сильных

сторон, а также на уменьшении его слабых сторон при одновременном восполнении недостающих знаний и опыта. При таком подходе весьма вероятно дальнейшее развитие менеджера за пределами данной организации.

При кажущейся непривлекательности второго подхода для высшего руководства организации предпосылки к его применению достаточно очевидны и продиктованы, скорее, филантропией с расчетом на дальнейшую лояльность и возможность взаимовыгодного использования сформированного социального капитала в будущем: большинство современных предприятий и учреждений не имеет такого количества должностей и вакансий, какое может быть востребовано менеджерами высокой квалификации. Кроме того, в зависимости от субъективно следуемого типа карьеры некоторые менеджеры могут не проявить желания двигаться вверх по карьерной лестнице, равно как и потенциал роста способностей у многих перспективных менеджеров может оказаться ограниченным.

Поддержка развития карьеры в компаниях, как правило, включает в себя раскрытие информации о потенциальных вакансиях, личные интервью и советы по карьере в рамках собеседований со специалистами службы по управлению персоналом, предоставление сведений о возможностях обучения и повышения профессиональной квалификации, а также проведение семинаров по развитию лидерских навыков.

Эффективная поддержка карьерного роста менеджеров очень важна не только для них самих, но и для организаций в которых они работают. Для обеих сторон это должно являться частью стратегии, направленной на получение более широких возможностей.

Указанное, в свою очередь, обуславливает необходимость эффективного реагирования на происходящие изменения и учета ряда аспектов карьеры, в том числе следующих:

- карьера неразрывно связана с образованием, так как сотрудники в ходе карьерного роста и продвижения получают новые профессиональные навыки и более высокий уровень знаний;
- развитие карьеры представляет собой расширение знаний и навыков и их «перенесение» на новое рабочее место одновременно с продвижением сотрудников. Передача знаний и их совместное использование необходимы для обеспечения гибкости управления в организации;
- карьерное продвижение трактуется как развитие культуры и ценностей организации – то есть «связующее» между организацией и сотрудниками за счет создания и укрепления сети личных контактов.

Поддержка развития карьеры, предлагаемая работодателями, в большинстве случаев не лишена ряда недостатков. Проведенный автором анализ широкой базы информационных источников, представленных как монографическими исследованиями, так и исследованиями общественного мнения, проводившимися на систематической основе, позволил выделить ряд проблемных аспектов, связанных с практикой управления карьерным развитием менеджеров.

В частности, можно назвать следующие проблемные моменты.

- Зачастую внимание сосредотачивается работодателем только на определенных группах работников, в то время как другие сотрудники остаются без внимания. Это приводит к тому, что работодатель ущемляет интересы некоторых, показывая, что определенные сотрудники более высоко ценятся.

• Редко присутствуют программы карьерного роста для уязвимых групп населения с целью обеспечения равных возможностей (программы для женщин, этнических меньшинств, лиц с ограниченными возможностями и пр.). Хотя в современных условиях все больше и больше руководителей организаций признает, что состав сотрудников должен отражать состав населения территории, в рамках которой они работают. Подобные инициативы могут играть существенную роль в обеспечении позитивного имиджа организации.

• В качестве программы развития персонала рассматривается аутплейсмент, на самом деле являющийся мягкой формой увольнения. Многие крупные работодатели обычно предлагают поддержку сотрудников при условии их ухода независимо от их квалификации или должности в компании. В этом случае уровень поддержки зависит от позиции увольняющихся. Более интенсивные и индивидуальные формы карьерной поддержки предоставляются лицам, находящимся в более высоком положении.

- Нередко происходит диссонанс между текущей деятельностью менеджера и деятельностью, являющейся перспективной для его будущей карьеры. Большинство мероприятий, таким образом, ориентировано на повышение квалификации в рамках текущих занимаемых позиций, а не на долгосрочное развитие карьеры.

По мнению автора, эффективное управление карьерой менеджера возможно в рамках адекватной политики управления персоналом, разработка и внедрение которой, в числе прочего, должны способствовать формированию прослойки потенциальных профессиональных управленцев из числа имеющихся служащих, развитию карьеры управленцев, обеспечению равных возможностей карьерного роста всем категориям персонала. С. В. Митюнин отмечает: «Профессиональная карьера для человека — это развитие и продвижение в организационном пространстве, в то же время с точки зрения организации — это, прежде всего, вопрос заполненности, целостности этого пространства, что особенно важно для профессионально-должностной его составляющей, то есть организационной структуры» [2]. Это превращает формирование системы управления карьерным процессом в фактор повышения эффективности ее функционирования.

При этом среди наиболее значимых элементов управления карьерой менеджера автор статьи рекомендует выделять:

- анализ предшествующего опыта работы сотрудника в данной должности и должностях более низкого уровня управленческой иерархии для оценки степени соответствия конкретного кандидата на продвижение предъявляемым требованиям, закрепленным, например, в должностных инструкциях. Особое внимание должно уделяться изучению реакций и поведения менеджера в кризисных ситуациях;
- анализ социального статуса менеджера в коллективе, его ролей, его отношения к этим ролям; изучение практики принятия решений конкретным менеджером, обобщение и систематизация информации о коммуникационных навыках и умении выстраивать взаимоотношения с коллегами и подчиненными;
- анализ навыков и компетенций, профессиональных качеств, а также поведенческих навыков и личностных характеристик, включая психотип. При этом анализ профессиональных компетенций должен осуществляться в разбивке по решаемым задачам и выполняемым конкретным менеджером функциям, допущенным им ошибок;
- формирование недостающих компетенций (как профессиональных, так и поведенческих) посредством семинаров, тренингов, стресс-тестов, расширения практики делегирования полномочий;
- формализация предъявляемых к потенциальным кандидатам на продвижение требований с целью формирования конкурентной среды внутри коллектива менеджеров и служащих;
- составление личного профиля менеджера с систематическим занесением в него результатов проверок, обучающих мероприятий, достижений и ошибок.

Признавая наличие различий между сотрудниками по уровню подготовки, опыту, личностным качествам, автор полагает, что такое разнообразие может стать взаимовыгодным для менеджеров, рассчитывающих на продвижение, поскольку, оказавшись в конкурентной среде, они будут вынуждены учиться на опыте и ошибках своих коллег, что позволит обеспечить рост эффективности и результативности их управленческой деятельности.

В основу описанного подхода положена концепция управления многообразием, ключевое положение которой гласит, что организация может извлечь выгоду из различий менеджеров при конструктивном использовании этих различий, то есть кандидаты на продвижение должны чувствовать свою ценность, востребованность их знаний и навыков в процессе достижения целей организации. Результатом такой политики должна стать слаженная команда взаимодополняющих менеджеров, работающих как единое целое.

Преимущества многообразия в данном случае заключаются в том, что организация имеет возможность получения синергетического эффекта от работы двух и более менеджеров, каждый из которых имеет определенные преимущества, которых нет у другого. Не стоит забывать, что риски отклонений также возрастают, поскольку в таком случае происходит наложение

недостатков менеджеров, что при определенных обстоятельствах может иметь кумулятивный эффект. Помимо прочего, автор полагает, что реализация мероприятий по развитию карьеры менеджера в рамках концепции управления многообразием возможна лишь в том случае, если субъект (субъекты) управления имеет достаточный опыт и квалификацию.

Список литературы

1. Александрова М. Факторы становления карьеры студента и преподавателя // Высшее образование в России. – 2007. – № 2. – С. 166-167.
2. Митюнина С. В. Модели профессиональной карьеры личности. Дисс. канд. соц. наук. – М., 2009. – С. 24.
3. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2-х т. / К. Поппер. – М.: Феникс, 1992.
4. Ткачева Н. А., Фокина А. Б. К вопросу о потенциале наставничества // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-2. – С. 193.
5. Устинова О. В., Пивоварова И. В. Карьера менеджеров как социально-профессиональной группы // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 651.
6. Устинова О. В., Утешев Р. С. Концептуальные основы управления карьерным ростом менеджера // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2 (29). – С. 219-222.
7. Утешев Р. С., Барбакова Е. В., Устинова О. В. Карьера как объект управленческого воздействия // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 657.

Сведения об авторах

Устинова Оксана Вячеславовна, к. соц. н., доцент, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, тел. 8(3452)683446, e-mail: sema_79@bk.ru

Артюхов Андрей Викторович, зам. председателя Тюменской областной Думы, тел. 89224803977, e-mail: Neigebauer@duma72.ru

Ustinova O. V. Candidate of Science in sociology, assistant of the chair «Marketing and municipal management», Industrial University of Tyumen, phone: 8(3452)683446, e-mail: sema_79@bk.ru

Artyukhov A. V., Deputy of chairman of the Tyumen region Duma, phone: 89224803977, e-mail: Neigebauer@duma72.ru

УДК 005.32 (571.12)

ФОРМИРОВАНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ МЕНЕДЖЕРА* THE FORMATION OF SPECIFIC PROFESSIONAL COMPETENCIES OF A MANAGER

Е. В. Чупашева, В. В. Майер
E. V. Chupasheva, V. V. Maier

Ключевые слова: вахтовый метод; компетенции; менеджер; профессиональная компетентность
Key words: watching method; competence; manager; professional competence

В работе представлены результаты исследования компетенций менеджеров предприятий Севера Тюменской области с вахтовой организацией труда.

The article deals with the strategy of personnel management for oil and gas enterprises with the help of competence model of managers at the enterprises with watching organized labour in the North of Tyumen region.

Подготовку управленческих кадров принято рассматривать как один из факторов экономического прогресса наций. От качества деятельности руководителей и специалистов предприятий во многом зависит не только производительность труда и эффективность производства, но

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (Грант № 15-03-00367а)

и темпы экономического роста, конкурентные позиции продукции национальной индустрии на мировых рынках, глубина, сроки структурной перестройки экономики и общества.

Передовые системы менеджмента, методы и формы хозяйствования, освоения хозяйствующими субъектами инновационных подходов к управлению персоналом ставят новые задачи в вопросе личной эффективности руководителей в условиях глобализации.

Интеграционные процессы, ставка на инновационное развитие, изменение характера коммуникаций предъявляют новые требования к знаниям, навыкам, деловым и личным качествам управленцев.

Изменения в политической и экономической сферах как России в целом, так и Тюменского региона, требуют формирования и разработки программ по подготовке кадров, в которых будет учтена необходимость соответствия опережающего формирования профессиональных компетенций по отношению к требованиям рынка труда (особенно регионального), к внесению в новые государственные стандарты четких требований к профессиональным компетенциям менеджеров, это позволит качественно и оперативно решать вопрос востребованности и трудоустройства молодых специалистов.

Перед системой образования стоят задачи: подготовить высококлассного специалиста, способного разбираться в той системе процессов и явлений, с которой связана его деятельность и не только профессиональная; подготовить человека, обладающего творческим интеллектом, то есть не просто знающего, понимающего, как изменить процесс или явление, а сформировать нравственно зрелую личность, способную оценить свою деятельность, ее последствия для других членов общества через собственную внутреннюю экспертизу нравственности, порядочности, ответственности.

Рыночные отношения в XXI веке обусловили развитие отраслей народного хозяйства России, которые дают прибыль в кратчайшие сроки, таких как топливно-энергетический комплекс. Но несмотря на пристальное внимание к функционированию его предприятий со стороны государства и лидеров отечественного частного бизнеса последствия мирового кризиса, охватившего подавляющее большинство производственных структур в разных странах, отразились на результатах деятельности российской нефтегазодобывающей отрасли. Такая ситуация сопровождается существенными переменами в управленческих взаимодействиях в организациях, во взаимоотношениях руководителей и подчиненных, менеджеров разных уровней и форм управления персоналом и производством.

В этой связи возникли новые подходы к оценке деятельности руководителей предприятий. В современной ситуации такая оценка осуществляется ими не просто на основе усвоенного объема специальных профессиональных знаний, а с позиций наличия у руководителей определенного набора компетенций, позволяющего им решать важные для производства тактические и стратегические задачи.

Особая роль руководителей в системе современного управления обуславливает необходимость приобретения ими специальных профессиональных знаний и навыков. Чтобы выпускник вуза, менеджер организации, был в будущем конкурентоспособным, мог вносить достойный вклад в решение социально-экономических проблем региона и страны, он должен отвечать определенным требованиям:

- общая подготовка (знание основ естественных, технических, гуманитарных, общественных наук);
- экономико-правовая подготовка (основы макро- и микроэкономики, финансы и кредит, статистика, бухгалтерский учет, аудит, информатика, экономический анализ, экономико-математические методы, налоги и налогообложение, правовые дисциплины);
- профессиональная подготовка в области менеджмента (управление, управление конкурентоспособностью, стратегический маркетинг, разработка управленческих решений, умение разрабатывать конкурентоспособные (качественные и эффективные) управленческие решения для условий высокой неопределенности и больших рисков);
- умение организовывать себя и коллектив на постановку и достижение высоких целей, знание методов управления, методов общения, формирование коллектива, создание в нем нормального социально-психологического климата;

- способность самостоятельно планировать, осуществлять и контролировать трудовую деятельность;
- умение пользоваться современной информационной техникой, четко формулировать устно и письменно свои мысли; умение самостоятельно принимать решения, предвидеть их возможный экономический и социальный результат, нести ответственность за принимаемые решения и результаты своей деятельности;
- поддерживать себя в хорошей форме, обучать персонал реализации программы (здоровье, знание, забота о ближнем).

Построение модели квалифицированного менеджера «увязывает» различную степень воздействия на него определенных групп условий и факторов образовательных, экономических, психологических, культурных, социально-демографических; служит ориентиром в организации процесса обучения по специальности с учетом требований Государственного стандарта базового уровня и способностей учащихся.

Модель выпускника-менеджера должна строиться также с учетом региональных требований рынка труда.

Поэтому, кроме общих компетенций, необходимых для успешного менеджера, в Тюменском индустриальном университете осуществляется формирование и эксклюзивных, необходимых для работы именно в северном регионе, компетенций, например: знания и умения учитывать криологические условия трудовой деятельности, позволяющие обеспечить устойчивость организации в высоких широтах циркумполярного региона, эффективное эколого-экономическое управление охраной окружающей среды; знания и умения учитывать национально-культурные особенности нашего региона.

Все вышеперечисленные знания менеджера имеют особенный, специфичный характер и не решаются в рамках традиционного подхода подготовки менеджеров.

Исследуя подготовку профессионалов для Арктики и Субарктики, особое внимание необходимо уделять проблеме качества подготовки профессионалов-управленцев, способных при разработке и принятии решений учесть специфику и возможные риски в управляемых организациях [2].

Значительную специфику и сложности в управленческие механизмы вносит использование именно нетрадиционных технологий организации производства и, в первую очередь, вахтового метода, масштабы применения которого продолжают ежегодно возрастать.

Успех деятельности любой фирмы во многом связан с качеством человеческих ресурсов, поэтому компетентные работники, прежде всего менеджеры, рассматриваются сегодня как основные активы компании.

Поэтому существует глубокая социальная потребность в исследовании компетентности управленческого персонала, осуществляющего руководящую деятельность на предприятиях в северных регионах, где значительная часть производства опирается на вахтовую организацию труда.

Автором было проведено исследование на нефтегазовых предприятиях, базирующихся в ЯНАО, и разработаны модели профессиональной компетентности для большинства управленческих должностей этих северных предприятий. Исследования показали, что наиболее значимыми характеристиками профессиональной компетентности менеджеров являются: способность успешно осуществлять управленческие функции не только в обычных, но и в сложных кризисных ситуациях; степень освоения инновационных, социальных, экономических и психологических управленческих технологий; ценностные ориентиры; социально-коммуникативная компетентность [3].

При экспертном опросе наибольшее количество баллов получили следующие специфические профессиональные знания и функциональные компетенции, которые необходимо развивать успешному менеджеру, работающему вахтовым методом:

- социальная и профессиональная адаптация руководителя по прибытии на вахту;
- социальная и профессиональная адаптация руководителя при смене коллектива в условиях частой сменяемости состава работников;
- интернальность, развитая интеллектуальная сфера, творческий потенциал, высокая эрудиция, позволяющая действовать в ситуации частой информационной неопределенности, замкнутости производственного процесса или цикла;

- развитые коммуникативные навыки, постоянная активность в тесных социальных контактах;
- эмоциональная устойчивость в условиях вахтового режима труда и отдыха;
- умение осуществлять управленческую деятельность и разрешать организационные, в том числе межэтнические, конфликты в условиях многонациональных коллективов, складывающихся из представителей коренного населения, пришлого населения советского периода и проточного населения, не связывающего своих планов с постоянным проживанием на территории Севера;
- способность осуществлять управленческую деятельность при высокой интенсивности труда, обусловленной как организационными и экономическими предпосылками вахты, спецификой суммирования рабочего времени, так и ориентацией подчиненных через эффективную социально-экономическую систему мотивации и стимулирования на напряженный труд;
- умение принимать управленческие решения в условиях удаленности от основной производственной и социально-бытовой инфраструктуры;
- способность действовать в социальной изоляции, вызванной оторванностью от привычной обстановки: семьи, родителей, друзей;
- умение управлять персоналом (производством) в условиях частой сменяемости вахтового состава работников, придерживаясь принципов существующей организационной культуры и транслируя эти принципы [3].

Именно эти компетенции необходимо формировать у будущих менеджеров уже во время учебы в университете.

Важнейшими субъектами освоения Крайнего Севера в предстоящий период становятся, по мнению многих экспертов, не промышленные корпорации, а университеты. Именно в них формируется инновационный потенциал экономики знаний, научные направления, необходимые северным регионам, готовятся кадры, ориентированные на северную специфику. Университет, с одной стороны, является составной частью местного сообщества и рынка труда, владеет спецификой северного региона, с другой — реализует приоритеты федеральной образовательной и инновационной политики, то есть одновременно работает на двух уровнях, что придает ему необходимую гибкость.

К числу приоритетов регионального вуза необходимо отнести его научную и международную составляющие, позволяющие подготовить конкурентоспособных специалистов не только для российского, но и международного рынка труда в нефтегазовой сфере [1].

Анализ ситуации, сложившейся в Тюменской области, свидетельствует о том, что спрос на получение образовательных услуг в сфере экономики и менеджмента не снижается, и население по-прежнему уверено, что знания, полученные в образовательных учреждениях разного уровня по этим отраслям, необходимы, актуальны и будут востребованы в будущем.

Проблема энергетической безопасности, а значит, и перспектива сбалансированного развития многих, в том числе ведущих стран мира, обострила борьбу за ресурсы циркумполярных и арктических регионов. Повышение интереса к Арктике подразумевает не только развитие исследований, но и подготовку высококвалифицированных кадров. На первый план выходит задача формирования личности с высоким уровнем профессиональной компетентности, способной адаптироваться к экономическим и социальным изменениям. Только качественная подготовка по востребованной профессии делает человека незаменимым на рынке труда.

Список литературы

1. Белоножко М. Л. Качество образования и удовлетворенность процессом обучения в вузах нефтегазового профиля / А. Н. Силин, С. Ю. Фролов // Управление, 2015. – № 4 (10) – С. 84-89.
2. Силин А. Н. Социальные проблемы Арктического региона: монография / А. Н. Силин. – Тюмень, 2016. – 242 с.
3. Чупашева Е. В. Социологический анализ компетенций менеджеров северных предприятий с вахтовой организацией труда: монография / Е. В. Чупашева. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. – 192 с.

Чупашева Екатерина Владимировна, к. с. н., доцент кафедры Маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, тел. 89199525832, e-mail: aviarr@rambler.ru

Майер Владимир Викторович, д. с. н., доцент, проректор по учебно-методической работе, Национальный исследовательский горный университет, г. Санкт-Петербург, тел. +79088742271, e-mail: Mayer_v_v@yandex.ru

Chupasheva E. V., Candidate of Sciences in Sociology, associate professor, Department of Marketing and municipal management, Industrial University of Tyumen, phone: 89199525832, e-mail: aviarr@rambler.ru

Maier V. V., Doctor of Sociology, Vice-Rector in charge of Educational and Methodological Work, National Mineral Resources University (Mining University), e-mail: Mayer_v_v@yandex.ru, phone +79088742271

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 338.4

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ) THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF FARMS OF THE SOUTH OF THE TYUMEN REGION (BY THE SOCIOLOGICAL RESEARCH RESULTS)

О. М. Барбаков, С. М. Киричук
O. M. Barbakov, S. M. Kirichuk

Ключевые слова: сельское хозяйство; социологическое исследование; фермерское хозяйство; агропромышленный комплекс; сельское население
Key words: agriculture; sociological research; farms; agro-industrial complex; rural population

В статье представлен анализ результатов социологического исследования по проблемам развития сельского хозяйства юга Тюменской области, на основе чего были определены основные направления решения проблем развития фермерских хозяйств как основы сельского хозяйства в российских регионах.

The article presents an analysis of the results of the sociological research about the development of agriculture of the South of the Tyumen region, on the basis of which were determined the main directions of solving the problems of development of farms as the foundation of agriculture in the Russian regions.

Продовольственная проблема тесно связана с проблемами села и агропромышленного комплекса, и носит не только экономический, но и ярко выраженный социальный характер. Отказ от собственного сельского хозяйства подрывает экономическую безопасность современной России, лишая собственного продовольственного обеспечения населения. Особенно это явно проявилось в условиях импортозамещения продукции, которое ясно доказало тот факт, что для России кардинально не подходит путь стран, которые на определенном этапе своего развития вообще отказались от продовольственного сельского хозяйства и перешли на импорт продовольствия. Поэтому развитие сельского хозяйства, а также становление и эффективное развитие современных форм жизнедеятельности на селе являются приоритетом экономического развития России [1].

Одной из таких форм является фермерское хозяйство. Оно решает не только задачи, связанные с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, но и увеличивает занятость в сельской местности, дает возможность сельским жителям за счет самообеспечения улучшить комфортность своей жизни, а следовательно, сохранить свой уклад и не думать о переезде в город.

В связи с этим решение проблем развития фермерских хозяйств как основы сельского хозяйства чрезвычайно важно и актуально на современном этапе развития российского общества.

Для выявления и обоснования основных направлений решения этих проблем среди сельского населения юга Тюменской области было проведено социологическое исследование в мае — июне 2015 г. (в анкетировании приняли участие 2 400 сельских жителей из разных мандатных округов, в экспертном опросе — специалисты в сфере социально-экономического развития сельских территорий — представители органов государственной власти и местного самоуправления, предприятий и учреждений, общественных и научных организаций (101 чел.)) [2]. Кроме того, результаты данного социологического исследования сравнивались с результатами аналогичного исследования, проведенного в 1996 г. (рис. 1).

Рис. 1. Проблемы, которые мешали развитию крестьянского (фермерского) хозяйства в 1996 г.

В первую очередь было выявлено мнение сельских жителей о проблемах, препятствующих развитию крестьянского (фермерского) хозяйства, которые, по мнению реформаторов, должны были стать закономерным итогом расширенного личного подсобного хозяйства.

Проблемы, которые волновали сельских жителей в 2015 г. показаны на рис. 2.

Если в 1996 г. на первом месте стояла проблема отсутствия первоначального капитала, то сегодня основной проблемой является недостаточное обеспечение хозяйств сельскохозяйственной техникой и отсутствие передовых технологий. А проблема отсутствия средств на развитие своего хозяйства или невозможность получить кредит на эти цели стоит на 2-м месте.

Таким образом, и в 1996 г., и в 2015 г. главной проблемой, для сельских производителей всех форм собственности являлся недостаток средств для развития их производства.

В 1996 г. можно было объективно говорить о реформировании плановой экономики, которое привело к разрушению установившихся вертикальных потоков продукции сельского хозяйства от производителя к потребителю и обратных потоков материально-технических средств сельскохозяйственного назначения от изготовителей к сельскохозяйственным производителям.

Был разрушен ценовой механизм и основанные на нем экономические связи между потребителями и отраслями, а продовольственный рынок, который должен был прийти на смену централизованно-плановому распределению и обмену, только начинал формироваться [3, 4].

Рис. 2. Проблемы, мешающие развитию крестьянского (фермерского) хозяйства в 2015 г.

Поэтому острота проблемы с реализацией продукции в те годы была достаточно понятной. Однако и в 2015 г. сельскохозяйственные товаропроизводители проблему сбыта продукции по ценам, обеспечивающим хотя бы простое воспроизводство, ставят на 3-е место.

Отмечая, что снабженческо-сбытовую нишу заполнили посреднические торговые структуры, закупающие продукцию и сырье по очень низким ценам, респонденты заявляли, что примерно 30–35 % прибыли, распределяющейся по цепи «производство — реализация», поглощается вышеназванными посредниками при издержках их деятельности 1,5–2,0 %.

Оценка экспертов в 2015 году важности этих проблем для повышения эффективности развития хозяйствования на земле представлена в таблице.

Трудности, связанные с развитием крестьянского (фермерского) хозяйства

Проблемы	%	место
Трудности с распределением земли	17,8	4
Нехватка сельскохозяйственной техники, технологии	15,8	5
Отсутствие квалифицированных кадров	20,8	2
Проблемы с посадочными материалами, кормами, удобрениями	1,0	10
Отсутствие первоначального капитала, трудности с получением кредита	39,6	1
Проблемы с реализацией продукции	18,8	3
Отсутствие обслуживающих подразделений	4,0	8
Отсутствие опыта ведения хозяйства, необходимость обучения	7,9	7
Проблемы юридической защищенности	9,9	6
Другое	4,0	9

Мнение экспертов практически созвучно мнению сельских жителей. Основной причиной, из-за которой не развиваются фермерские хозяйства, они называют отсутствие у сельских товаропроизводителей первоначальных средств для развития своего бизнеса и неподъемные ставки по кредитам. А вот проблема, связанная с отсутствием на селе квалифицированных специалистов, названная экспертами в качестве второй по важности, волнует селян уже гораздо меньше.

Совпадает мнение экспертов и сельских жителей относительно необходимости создания условий для реализации продукции. Интерес представляет и тот факт, что несмотря на важность кадровой проблемы, которую отметили эксперты в своих ответах, такая проблема, как отсутствие опыта ведения хозяйства и необходимость получения специальных знаний, уже не вызывает пристального внимания экспертов [5].

В заключение необходимо показать основные направления развития фермерских хозяйств, которые будут способствовать созданию эффективного сельскохозяйственного производства на селе.

Основная проблема, решение которой будет в полной мере способствовать эффективно-му развитию сельскохозяйственного производства, является государственная ценовая политика по закупке и продаже сельскохозяйственной продукции.

Следующей проблемой, которую надо решать незамедлительно, эксперты выделили отсутствие соответствия доходов сельских товаров уровню предполагаемого инновационного развития агропромышленного комплекса в условиях его модернизации.

Немаловажным условием успешного социально-экономического развития сельского хозяйства, по мнению экспертов, будет совершенствование его законодательной базы. Для решения этих проблем требуются реальная поддержка государства (отсутствие помощи государства названо в числе приоритетных проблем).

Единодушны эксперты и относительно методов решения этих проблем (рис. 3). 67,3 % экспертов считают, что улучшить социально-экономическое положение в агропромышленном комплексе можно только при активной поддержке государства, как и развивается сельское хозяйство во всем цивилизованном мире. Так, например, в Канаде фермер получает компенсационные выплаты от государства, если его рыночный доход опускается ниже гарантированного государством уровня.

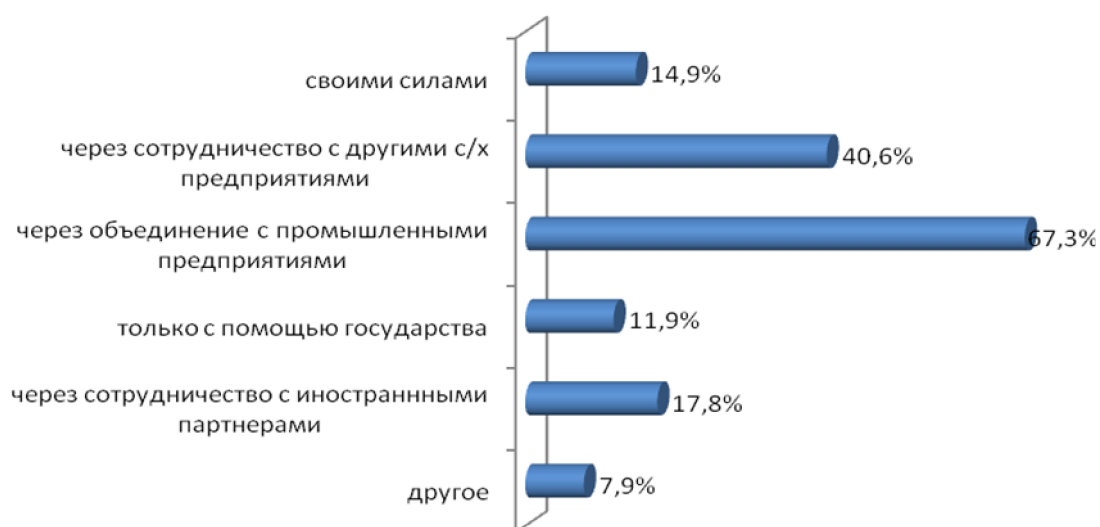

Рис. 3. *Методы решения проблем, которые обеспечат устойчивое развитие сельского хозяйства*

А в Евросоюзе создан регулирующий механизм, защищающий фермеров от колебаний рынка, где основными элементами являются гарантированные государством закупочные цены, государственные обязательства по закупкам продукции и высокие таможенные барьеры для импорта продовольствия при одновременном субсидировании его экспорта.

Таким образом, только государство через свои управленческие структуры может решить проблемы развития российских фермерских хозяйств как основы развития агропромышленного комплекса России.

Список литературы

1. Белоножко М. Л., Барбаков О. М., Конев Ю. М. Социальные настроения сельских жителей юга Тюменской области // Социологические исследования. – 2016. – № 3.
2. Белоножко М. Л., Барбаков О. М. Модели аграрных преобразований в Тюменской области // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2013. – № 3.
3. Белоножко М. Л., Барбаков О. М. Социальное самочувствие сельского населения северного региона России. // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10. – Ч. 11.
4. Колтунова Ю. И. Формы жизнедеятельности сельских жителей как объект аграрной политики: автореферат диссертации. – Тюмень, 1997. – 26 с.
5. Конев Ю. М., Белоножко М. Л., Барбаков О. М. Эффективность взаимодействия властных структур и сельского населения Тюменской области (по результатам социологического исследования): материалы III Тюменского социологического форума «Модернизационный потенциал и социальные практики – основа конкурентоспособности и консолидации российских регионов», 3–4 октября 2013. / Под ред. М. М. Акулич, Г. С. Корепанова. – Тюмень: Тюменская областная Дума, ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», 2013.

Сведения об авторах

Барбаков Олег Михайлович, д. с. н., профессор, заведующий кафедрой бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, тел. +79088747513, e-mail: omb@bk.ru.

Киричук Степан Михайлович, д. с. н., профессор, член Совета Федерации Федерального Собрания РФ, тел. +7(495)9866071, e-mail: SMKirichuk@senat.gov.ru

Barbakov O. M., Doctor of Sociological Sciences, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, phone: +79088747513, e-mail: omb@bk.ru

Kirichuk S. M., Doctor of Sociological Sciences, Member of the Federation Council of Federal Assembly of the Russian Federation, phone: +7(495)9866071, e-mail: SMKirichuk@senat.gov.ru

УДК 336.22

РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ИГОРНОГО БИЗНЕСА RUSSIAN TAX PRACTICE GAMBLING BUSINESS

Т. А. Кольцова, Х. Н. Садыкова, З. Д. Новрузова
T. A. Koltsova, Kh. N. Sadykova, Z. J. Novruzova

Ключевые слова: игорный бизнес; игорные зоны; налогообложение; объекты налогообложения; налоговые базы и ставки; налоговый период; доходы бюджета
Key words: gambling business; gaming zones; taxation; objects of taxation; the tax base and the rate; taxable period; budget receipts

Игорный бизнес непрерывно развивается. В настоящее время данный вид деятельности существует практически на всей территории Российской Федерации. Но проблема игорного бизнеса во многом связана с тем, что достаточно трудно контролировать доходы и расходы букмекеров, владельцев казино и игровых автоматов. Малая прозрачность игорного бизнеса приводит к тому, что вводятся ограничения или запреты на него, вместо введения эффективной системы налогообложения. В статье рассматривается история, современное состояние и перспективы развития налога на игорный бизнес. Приводится динамика количества налогоплательщиков, объектов налогообложения и доходов бюджета по налогу на игорный бизнес. Сформулированы проблемы налогообложения игорного бизнеса и возможные пути их решения.

Gambling industry is continually evolving. Currently, this type of activity, there is almost the entire territory of the Russian Federation. But the problem of gambling is largely due to the fact that quite difficult to control income and expenses bookmakers, casino owners and slot machines. Low transparency of gambling leads to the fact that introduced restrictions or bans on him, instead of introducing an effective system of taxation. The article discusses the history, current state and prospects of development of the tax on gambling. We present the dynamics of the number of taxpayers, objects of taxation and revenues for the tax on gambling. Formulated taxation of gambling problems and their possible solutions.

С развитием рыночных отношений были легализованы некоторые виды деятельности, среди которых игорный бизнес занимает немаловажное место. В настоящее время игорный бизнес является бурно развивающейся отраслью в инфраструктуре развлечений и отдыха. Создание более гибкого и демократического подхода к решению проблемы по урегулированию игорного бизнеса могло бы привести к некому компромиссу между государством и организаторами азартных игр, который был бы выгоден обеим сторонам. Налог на игорный бизнес является подоходно-поимущественным, а также разновидностью вмененного налога на отдельные виды деятельности (в данном случае такой предпринимательской деятельностью выступает игорный бизнес — использование для целей извлечения прибыли игровых столов, игровых автоматов, содержание казино, касс тотализаторов и касс букмекерских контор и т. д.). Налог на игорный бизнес — один из региональных налогов, поступления от которого являются источником доходов бюджета субъекта РФ, на территории которого он введен. Система налогообложения игорного бизнеса претерпела ряд изменений, но ее нельзя считать совершенной на сегодняшний день.

С целью оценки налогообложения игорного бизнеса была проанализирована отчетность налоговых органов, находящаяся в открытом доступе на сайте ФНС России. В задачи исследования входили следующие:

- анализ количества налогоплательщиков (организаций), осуществлявших предпринимательскую деятельность в сфере игорного бизнеса;
- выявление структуры налогоплательщиков по субъектам Российской Федерации;
- оценка динамики объектов налогообложения;
- анализ доходов бюджета от налога на игорный бизнес в разрезе объектов налогообложения и субъектов Российской Федерации.

В процессе исследования использовались методы сравнения, сводки, группировки, обобщающих показателей.

Анализ количества налогоплательщиков (организаций), осуществлявших предпринимательскую деятельность в сфере игорного бизнеса и представивших налоговые декларации по налогу на игорный бизнес, в целом по Российской Федерации за 2013–2015 гг. представлен в таблице 1.

Таблица 1

Количество налогоплательщиков налога на игорный бизнес

Критерий	2013	2014	2015	Темп прироста (2015 г. к 2013г.), ед.	Темп роста (2015 г. к 2013 г.), в %
Количество налогоплательщиков, ед.	39	696	728	689	1866,67

Структура налогоплательщиков (организаций), осуществлявших предпринимательскую деятельность в сфере игорного бизнеса и представивших налоговые декларации по налогу на игорный бизнес, за 2013–2015 гг. характеризуется следующими данными (табл. 2).

Из данных таблицы 2 видно, что наибольший прирост налогоплательщиков был по ЦФО — 185 ед.; наименьший — по ПФО, а в 2015 г. по сравнению с 2014 г. снизился на 3 ед. Наибольшая доля по количеству налогоплательщиков налога на игорный бизнес приходится на ЦФО (27,2 %), наименьшая, 5,91 %, на ДФО.

Таблица 2

Количество налогоплательщиков по налогу на игорный бизнес по субъектам РФ

Субъект РФ	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Темп прироста (2015 г. к 2013 г.), ед.	Темп роста (2015 г. к 2013 г.), %	Доля в %, на 2015 г.
В целом по РФ	39	696	728	689	1866,67	100,00
Центральный Федеральный округ (ЦФО)	13	184	198	185	1523,08	27,20
Северо-Западный Федеральный округ (СЗФО)	15	76	79	64	526,67	10,85
Северо-Кавказский Федеральный округ (СКФО)	1	42	45	44	4500,00	6,18
Южный Федеральный округ (ЮФО)	4	74	74	70	1850,00	10,16
Приволжский Федеральный округ (ПФО)	0	149	146	146	97,99	20,05
Уральский Федеральный округ (УФО)	6	54	56	50	933,33	7,69
Сибирский Федеральный округ (СФО)	0	80	87	87	108,75	11,95
Дальневосточный Федеральный округ (ДФО)	0	37	43	43	116,22	5,91

Важным направлением анализа является оценка динамики объектов налогообложения по налогу на игорный бизнес (табл. 3).

Таблица 3

Количество объектов налогообложения по налогу на игорный бизнес

Наименование объектов налогообложения налогом на игорный бизнес	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Темп прироста (2015 г. к 2013 г.), ед.	Темп роста (2015 г. к 2013 г.), %	Доля в %, на 2015 г.
Игровые столы	33	49	70	37	212,12	1,27
Игровые автоматы	539	1 046	1 397	858	259,18	25,26
Пункты приема ставок тотализаторов	9	145	93	84	1033,33	1,68
Пункты приема ставок букмекерских контор	34	4 013	3 971	3937	11679,41	71,80

Приведенные данные свидетельствуют о том, что:

- наибольший темп прироста, 3 937 ед., характеризует изменение количества пунктов приема ставок букмекерских контор;
- количество пунктов приема ставок букмекерских контор за анализируемый период возросло в 116 раз;
- наименьший прирост объектов налогообложения отмечается по игровым столам — 37 ед., однако и их количество возросло в 2,1 раза;

• наибольший удельный вес в структуре объектов налогообложения в 2015 г. занимают пункты приема ставок букмекерских контор (71,8 %), наименьший — игровые столы (1,27 %).

Детализируем количество объектов налогообложения по налогу на игорный бизнес по субъектам РФ:

• по игровым столам наибольший прирост отмечается по ЮФО — 26 ед., их количество увеличилось в 1,7 раза, доля составляет 84,29 %, наименьший прирост характерен для СФО, — 11 ед., в 2015 г. их доля в данном субъекте равна 15,71 %;

• по игровым автоматам наибольший прирост произошел в ЮФО — 808 ед., их количество увеличилось в 2,5 раза, доля составляет 96,42 %, наименьший прирост приходится на СФО, данные объекты налогообложения появились только в 2015 г., доля составляет 3,58 %;

• по количеству касс тотализаторов наибольший прирост приходится на ЦФО — 46 ед., увеличение произошло в 12,5 раза, доля на 2015 г. по данному субъекту составила 53,76 %; отсутствуют данные объекты налогообложения с 2015 г. в ДФО;

• по количеству касс букмекерских контор наибольший прирост отмечается в ЦФО — 1 447 ед., увеличение произошло в 132 раза, доля составила 36,72 %, наименьший прирост в ДФО — 76 ед.

Далее представим начисленные суммы налога на игорный бизнес в целом по РФ за 2013–2015 гг. в разрезе объектов налогообложения (табл. 4).

Таблица 4

Начисленный налог на игорный бизнес по объектам налогообложения

Наименование объектов налогообложения налогом на игорный бизнес	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Темп прироста (2015 г. к 2013 г.), тыс. руб.	Темп роста (2015 г. к 2013 г.), %	Доля в %, на 2015 г.
Игровые столы	48 653	61 813	80 438	31 785	165,33	16,27
Игровые автоматы	40 488	76 095	100 361	59 873	247,88	20,29
Пункты приема ставок тотализаторов	9 171	13 021	10 449	1 278	113,94	2,11
Пункты приема ставок букмекерских контор	19 034	275 402	303 269	284 235	1 593,30	61,33

Из таблицы 4 следует, что наибольший прирост исчисленной суммы налога на игорный бизнес отмечается по пунктам приема ставок букмекерских контор, 284 235 тыс. руб., наименьший — по пунктам приема тотализаторов.

Далее проведем анализ начисленной суммы налога на игорный бизнес за 2013–2015 гг. в разрезе объектов налогообложения и субъектов РФ:

• по игровым столам наибольший прирост налога характерен для ЮФО;

• по игровым автоматам начисленный налог на большую сумму вырос в ЮФО, 99 072 тыс. руб., меньшее увеличение отмечается в СФО;

• по кассам тотализаторов наибольший прирост был в ПФО, 3 248 тыс. руб., наименьший приходится на ЦФО, сумма налога снизилась на 1956 тыс. руб.;

• по кассам букмекерских контор наибольший прирост налога был в ЦФО, 96 819 тыс. руб., он увеличился в 12,36 раза, его доля составляет 34,73 %, наименьший прирост приходится на ДФО.

Обобщая полученные результаты, авторы статьи считают, что выделение игорных зон на территории РФ привело к потере налоговых доходов субъектами РФ, уменьшению их доли в консолидированном бюджете РФ, а также к снижению самостоятельности региональных бюджетов.

Создание специальных игровых зон, укрупнение и концентрация игорного бизнеса, не решило проблему нелегального игорного бизнеса. С 2015 года вступили в силу поправки в уголовный кодекс РФ. Они предусматривают усиление наказания за нелегальную игорную деятельность. Теперь к уголовной и административной ответственности будут привлекать за сам факт организации азартных игр, независимо от суммы полученного дохода. Однако борьба государства с незаконными казино на сегодняшний день малоэффективна.

Авторы статьи считают, что для повышения эффективности налога на игорный бизнес необходимо:

- уточнить применяемую терминологию и содержание понятий, используемых в игорном бизнесе и его налогообложении;
- пересмотреть объекты налогообложения и установить его, например, в виде прибыли, полученной от ведения игорного бизнеса, и доходов от полученного выигрыша;
- усилить контроль за применением кассовых аппаратов игорными заведениями для более прозрачного ведения бизнеса в данной сфере.

Таким образом, сложившиеся тенденции по налогу на игорный бизнес позволяют сделать вывод о необходимости совершенствования налогообложения игорного бизнеса.

Проблемы налога на игорный бизнес, заключающиеся в том, что поступление налога напрямую зависит от официальной регистрации данного вида бизнеса, в перспективе требуют, в первую очередь, легализации игорного бизнеса в виде лицензирования с целью получения доходов в государственную казну; развития специальных выделенных игорных зон; особого контроля за нелегальным игорным бизнесом.

Список литературы

1. Кольцова Т. А. Оценка поступления региональных налогов в территориальные бюджеты. Актуальные проблемы учета, анализа, аудита и налогообложения в условиях глобальной экономики: материалы IV Международной научно-практической конференции (1-15 ноября 2013) // Академический вестник: научно-аналитический журнал. – Тюмень: Изд-во Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права, 2013. – № 1 (27). – С. 180-187
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ). 31 июля 1998 года № 146-ФЗ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671 (дата обращения: 01.05.2016).
3. Официальный сайт ФНС. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.nalog.ru/rn77/taxation/taxes/ib> (дата обращения: 01.05.2016).
4. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 01.05.2016) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924 (дата обращения: 01.05.2016).
5. Фомичева О. А., Хусаинова О. В. Законотворческий процесс в Российской Федерации: проблемы теории и практики. – Казань: Издательство Казанского университета, 2014. – 128 с.

Сведения об авторах

Кольцова Татьяна Александровна, к. э. н., доцент, проректор по учебной работе, Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, тел. 8944909299, e-mail: tak72@mail.ru

Садыкова Хадия Нургалиевна, ассистент, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89222661199, e-mail: hadia87@mail.ru

Новрузова Зиньят Джанполад Кызы, студентка, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, , тел. 89504923535, e-mail: zinyt@mail.ru

Koltsova T. A., Candidate of Science in Economics, associate professor, Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law, phone: 8944909299, e-mail: tak72@mail.ru

Sadykova Kh. N., assistant, Industrial University of Tyumen, phone: 89222661199, e-mail: hadia87@mail.ru

Novruzova Z. J. student Industrial University of Tyumen, phone: 89504923535, e-mail: zinyt@mail.ru

УДК 325.1

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ: МИГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ¹

PUBLIC OPINION IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND ECONOMIC RISKS:
MIGRATION ASPECT

Н. С. Мухаметшина
N. S. Mukhametshina

Ключевые слова: миграционная политика; мигранты; уровень жизни;
экономические санкции; общественное мнение

Key words: migration policy; migrants; standards of living; economic sanctions; public opinion

Статья подготовлена на основании полевых социологических материалов. Рассматривается влияние социально-экономических рисков на восприятие жителями крупного города своего материального и социального положения, на восприятие иностранных мигрантов. Анализируются отношения между местным населением Самары и мигрантами, готовность к равноправному социально-гуманитарному взаимодействию, позиции местных жителей по использованию труда иностранных мигрантов в экономике региона.

This article is prepared on the basis of the field social materials. The social and economic risks affecting the sensing of the big city citizens of their financial and social situation and the perception of immigrants are described. The author analyzes Samara citizens' opinions about the relationship between local residents and migrants, their readiness for equal social and humanitarian interaction, locals' attitude towards the foreign migrants' labor use in the region economics.

Самарская область, несмотря на спад российской экономики и ужесточение миграционного законодательства, сохраняет миграционную привлекательность. Региональный рынок труда продолжают активно осваивать мигранты из государств Закавказья и Центральной Азии. Миграция оказывает заметное влияние на социальную атмосферу, на этнокультурный и профессиональный состав населения [1].

Опросы самарцев, проведенные в 2012–2015 гг.², демонстрируют, с одной стороны, распространенность фрустраций социально-экономического характера, высокий уровень мигрантофобии, с другой — преобладание социального оптимизма, слабую зависимость между социально-экономическим самочувствием и уровнем мигрантофобии [2]. Результаты опросов подтверждают мнение тех исследователей, которые основную причину этнической нетерпимости и ксенофобий видят в ситуации «социального риска». Анализируя состояние и перспективы внешней трудовой миграции в российские регионы, социологи отмечают конфликтогенность и противоречивость взаимодействия мигрантов и местных сообществ [3, 4, 5]. По справедливому замечанию К. Мокина, «ксенофобия — реакция населения на воображаемые или реальные угрозы в ситуации, когда у населения, по его мнению, ограничены ресурсы выживания или ограничены возможности сохранения своих позиций или интересов» [6].

Результаты опроса жителей Самары в рамках проекта «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив»³, в целом подтвердив представленные выше выводы, свидетельствуют о некоторых изменениях. Продолжающееся ухудшение социально-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант № 14-06-00117, «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив» (руководитель — В. А. Тишков).

² По программам Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем (ИЭА РАН). Региональный координатор — Н. Мухаметшина.

³ Опрос проводился летом 2015 г., выборка квотная пропорциональная, стратифицированная по возрасту и полу, N = 200.

экономических условий отразилось на восприятии самарцами уровня жизни. Так, 45,5 % респондентов назвали свое материальное положение нормальным, 8 % — хорошим, 33,5 % — затруднительным, 11 % — тяжелым. Для сравнения: весной 2014 г. около 60 % респондентов-самарцев воспринимали свое материальное положение как нормальное, 6,5 % — как хорошее, 25,6 % — как затруднительное, 4,2 % — как тяжелое. По мнению подавляющего большинства респондентов (60,5 %) условия их жизни за последний год не изменились. Четверть респондентов (26,5 %) считают, что условия их жизни ухудшились, каждый десятый — улучшились. Различия между возрастными группами, мужчинами и женщинами незначительны. Более трети респондентов (37,8 %) не уверены в возможностях заработка на ближайший год, свои перспективы в этом плане оценивают как неопределенные. Оптимистично настроены 17,9 % респондентов, пессимистично — 12,2 %. Если рассматривать мнение только экономически активной части респондентов (133 человека), то ситуация выглядит более тревожно: каждый второй (55,6 %) оценивает свои перспективы как неопределенные, четверть (26,3 %) — как хорошие, 18 % — как плохие. Настроения неопределенности преобладают в средней возрастной группе и среди молодежи. Более трети респондентов (37,8 %) опасаются потерять работу, доход или заработок. Тех, у кого нет подобных опасений всего на 3 % больше (40,8 %). При этом среди экономически активных респондентов пессимистические настроения преобладают над оптимистическими.

На социальное самочувствие населения оказывают влияние не только экономические условия жизнедеятельности, но и другие условия. В их числе — этнокультурный комфорт, определяемый такими индикаторами, как уровень этнической напряженности, уровень этнической терпимости/ нетерпимости, наличие либо отсутствие дискриминационных практик, культурного расизма и др. В течение последнего года подавляющее большинство респондентов (79,2 % ответов) не оказывались в ситуациях негативного отношения окружающих к ним из-за языка, национальности, религиозной принадлежности. Сравнительно небольшая часть респондентов (11 % ответов) в такой ситуации оказывались. Для сравнения: летом 2014 г. 92 % респондентов ответили, что им не приходилось испытывать негативное отношение из-за языка, национальности, религии.

Оценка общественным мнением характера отношений между местным, принимающим населением и мигрантами противоречива. Почти поровну разделились голоса между теми, кто полагает, что в Самаре отношения местных жителей и мигрантов спокойные, и теми, кто считает их напряженными (37,2 и 34,2 % соответственно). Наиболее пессимистичны представители старшего поколения, наиболее оптимистичны представители средней возрастной когорты. Различия в позициях между женщинами и мужчинами незначительны. Небольшой перевес позитивных оценок в целом по массиву (на 3 %) заслуживает внимания в контексте ответов на вопрос о том, как изменились отношения местных и мигрантов в течение последнего года. Более 14 % полагают, что отношения улучшились. Противоположную позицию занимают на 6,5 % больше респондентов (20,9 %). Относительное большинство участников опроса (38,8 %) считают, что отношения не изменились. Логично предположить, что респонденты, определившие отношения местных жителей и мигрантов как напряженные, полагают, что они ухудшились либо не изменились. И наоборот, респонденты, определившие отношения местных жителей и мигрантов как спокойные, полагают, что они улучшились либо не изменились. Следовательно, в течение последнего года тенденция позитивного восприятия мигрантов проявилась более активно. При этом значительная часть респондентов не смогли определить свою позицию ни по вопросу оценки характера отношений между местными и мигрантами, ни по вопросу происходящих изменений в этих отношениях (26,5 и 26 % соответственно). Причинами такой нерешительности могли стать отсутствие интереса к затронутой в опросе теме, слабая осведомленность, отсутствие обсуждаемой проблематики в личной практике и др.

Ответы на более конкретный вопрос, не требующий дополнительной информации и абстрактных рассуждений, а только определения личной позиции, демонстрируют достаточно благоприятное отношение представителей местного населения к мигрантам. Более половины респондентов (53,1 %) нейтрально воспринимают ситуацию совместного обучения их детей или внуков в одном классе с детьми мигрантов. Положительно к такой ситуации относятся 18 % респондентов, отрицательно — 23 %. Наиболее негативно оценивают данную ситуацию

представители старшего поколения: свыше 39 % против совместного обучения. Это в 2 раза больше, чем среди респондентов среднего поколения (18,5 %) и в 2,6 раза больше, чем среди молодежи (15,2 %). Одобряют совместное обучение школьников из местных и мигрантских семей 6,5 % респондентов старшего возраста. Это в 3 раза меньше, чем среди респондентов среднего поколения (20,4 %) и в 3,7 раза меньше, чем среди молодежи (24 %). Таким образом, молодежь занимает наиболее положительную позицию. Резонно предположить, что молодежь руководствовалась личным опытом совместного обучения, респонденты среднего возраста имеют информацию из «первых рук», от детей и внуков. Представители старшего поколения меньше вовлечены в школьные проблемы, реже контактируют с мигрантами.

Менее благожелательны позиции респондентов по вопросам, касающимся рынка труда, перспектив занятости. Относительное большинство респондентов (40,3 %) полагают, что властям следует ограничивать миграцию в Самарскую область, в том числе и межрегиональную. Против таких запретительных мер высказались примерно треть участников опроса (35,2 %), четверть не смогли определить свою позицию (24,5 %). Больше других запрет на ограничение миграции в Самарскую область поддерживают респонденты среднего возраста (47,2 %), меньше других — старшего возраста (26 %). Ответы на прямой вопрос о конкуренции на рынке труда между местными жителями и приезжими из других регионов и государств убедительно демонстрируют распространенность общественных фобий. Почти 60 % респондентов уверены в том, что приезжие отнимают рабочие места, либо допускают такую возможность (20,4 % и 39,3 % соответственно). Среди представителей старшего и среднего возрастов такие опасения распространены несколько больше, чем среди молодежи (60,8 , 59,3 и 54,4 % соответственно). Женщины и мужчины в одинаковой степени уверены в том, что приезжие отнимают рабочие места, либо допускают такую возможность (58,5 и 58,4 % соответственно). Вместе с тем подавляющее большинство респондентов ограничиваются констатацией «факта» и не готовы участвовать в каких-либо действиях: 69,4 % не намерены поддерживать антимигрантские акции или пикеты. Готовность поддержать такие протестные действия высказали в 4,4 раза меньше респондентов (15,8 %). Готовность поддержать акции протеста продемонстрировали респонденты молодого и среднего возраста (по 17,4 %). Несколько чаще, чем мужчины, готовность поддержать акции отметили женщины (12,4 и 18 %).

Все последнее десятилетие на заработки в область приезжают десятки тысяч внешних мигрантов. Так, в 2015 г. на миграционный учет было поставлено свыше 304 тысяч иностранных граждан, выдано 50 тысяч патентов⁴. Тем не менее более половины участников опроса (57,1 %) не общаются с мигрантами либо общаются очень редко. Для этой группы населения основными источниками информации о мигрантах являются СМИ, для другой, достаточно многочисленной группы, — личный опыт общения, социальных контактов и СМИ. Таким образом, СМИ имеют возможность оказывать влияние на общественное мнение практически всего населения. Следовательно, направленность и содержание дискурсов, распространяемых СМИ, в значительной степени определяют стереотипы восприятия мигрантов и миграции, характер взаимодействия местных и приезжих, уровень терпимости / нетерпимости.

Представленные в информационном пространстве региона проблемы миграции структурируются следующим образом: 1) общественный порядок и безопасности, 2) культура, менталитет, религия, 3) качество труда мигрантов, 4) занятость, 5) проблемы социального характера. Наиболее актуализированы проблемы общественного порядка (35 %) и общественной безопасности (28 %). Значительно реже звучат проблемы занятости (11 %), проблемы социального характера (10 %), проблемы качества труда мигрантов (9 %) и проблемы религиозной жизни (7 %).

Методика оценочных суждений, разработанная и апробированная в рамках проекта «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив», позволила получить достаточно объективный «портрет» инокультурных мигрантов, каким его представляют местные жители. В оценочные суждения были включены тиражируемые СМИ стереотипные характеристики, в том числе мигрантов, позитивные и негативные личностные качества, этнонимы, термины

⁴Заседание общественного консультативного совета при УФМС России по Самарской области / Архив автора

религиозного содержания. Оценочные суждения размещались на специальных карточках, которые респондентам предлагалось систематизировать. На основании полученных результатов можно констатировать: мигранты, точнее собирательный образ — «портрет» мигрантов, воспринимаются самарцами позитивно — нейтрально (51,1 % ответов). В эту группу отнесены результаты ответов по оценочным позициям «более подходят нейтральные» (14,4 %), «более подходят позитивные» (21 %), «менее подходят нейтральные» (6,9 %), «менее подходят негативные» (9,8 %). Негативные оценочные суждения, которыми респонденты наделили мигрантов, составляют 32,6 % ответов. В эту группу отнесены ответы по оценочным позициям «более подходят негативные» (25,7 %), «менее подходят позитивные» (6,9 %). Только 10 % оценочных суждений вызвали затруднения у респондентов.

В возрастных группах отличия несут существенные. Среди молодежи насчитывается позитивно-нейтральных ответов 53,4 %, негативных ответов — 34 %; среди поколения среднего возраста насчитывается позитивно-нейтральных ответов 52,6 %, негативных ответов — 40,2 %; среди представителей старшего возраста насчитывается позитивно-нейтральных ответов 52,4 %, негативных ответов — 38,6 %. Можно отметить более толерантное восприятие мигрантов молодыми респондентами и более негативное восприятие мигрантов респондентами среднего поколения. Затруднялись определить оценочные суждения: средний и старший возраст немного реже, чем молодые респонденты (9,1; 9,1 и 12,6 % ответов соответственно).

Наблюдаются некоторые отличия восприятия мигрантов в гендерном разрезе. Среди женщин позитивно-нейтральных ответов 49,8 %, негативных ответов — 38,9 %. Среди мужчин позитивно-нейтральных ответов — 53,8 %, негативных ответов — 37,9 %. Можно отметить более толерантное восприятие мигрантов мужчинами и несколько менее толерантное женщинами. Женщины несколько чаще, чем мужчины, затруднялись определить оценочные суждения (11,2 и 8,4 % ответов соответственно).

В ситуации «социального риска» депривация, то есть поиск виновников личных и ин-групповых неудач и проблем, поиск «врагов народа», «врагов нации», включает в свою орбиту всех «других», «ненаших», «подозрительных». Таким образом, инокультурные приезжие или местные социальные изолянты типа цыган сравнительно легко превращаются в объект депривации. Этому способствует и недолгий срок непосредственного, «лицом к лицу» общения представителей местного населения и приезжих, когда культурная дистанция, культурная граница не абстрактные научные понятия, а повседневность, материализованная в манере поведения, культуре питания, организации досуга и т. п.

Список литературы

1. Мухаметшина Н. С., Кандауров С. П., Явкин Н. В. Стратегии освоения регионального социума мигрантами из постсоветских государств / Под ред. Н. С. Мухаметшиной — Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2015. — 180 с..
2. Мухаметшина Н. С. Этнокультурный фактор социального самочувствия самарцев // Вестник Российской нации. — 2014. — № 4. — С. 124-150.
3. Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Мигранты в новой среде. Практики взаимодействия. — М.: Альфа, 2011. — С. 77
4. Олимова С. Проблемы адаптации таджикских мигрантов в России: отношение к дискриминации и стратегии ответа // Мигранты, мигрантофобия и миграционная политика / Под ред. В. Мукомеля. — М.: «Academia», 2014. — С. 138-161.
5. Низамова Л. Р. Миграционная ситуация в республике и ее восприятие местным населением: региональная специфика в общенациональном контексте // Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / Под ред. Р. Г. Минзаринова, С. А. Ахметовой, Л. Р. Низамовой. — Казань: Казан. ун-т, 2013. — С. 11-39.
6. Мокин К. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. — Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. — 172 с.

Сведения об авторе

Мухаметшина Наталья Семеновна, д. полит. н., профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Самарский государственный архитектурно-строительный университет, тел. 89608218812, e-mail: nmukhametshina@mail.ru

Mukhametshina N. S., Doctor of Political Sciences, professor of the chair of social sciences and humanities, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, phone: 89608218812, e-mail: nmukhametshina@mail.ru

УДК 316. 354:351/354

**О ПРОЦЕССЕ УМЕНЬШЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ
КРЕСТЬЯН В СОВРЕМЕННОЙ КАЛМЫКИИ**
ABOUT THE PROCESS OF REDUCING THE NUMBER
OF PEASANTS IN PRESENT-DAY KALMYKIA

Л. В. Намруева, А. Н. Королевских
L. V. Namrueva, A. N. Korolevskikh

Ключевые слова: аграрная сфера; сельское население; крестьянство; образ жизни; безработица
Key words: agrarian sphere; rural population; the peasantry; the way of life; unemployment

Автор рассматривает, как происходит уменьшение доли и численности крестьян в аграрной сфере республики Калмыкии. Одним из факторов этого процесса является миграция сельских жителей в города. В республике отсутствие селообразующих предприятий, безработица, низкий уровень зарплат усиливают отток сельчан.

The author examines how a reduction in the proportion and a number of farmers in the agrarian sector of the Republic is taking place. One of the factors of this process is the migration of rural residents to cities. It is shown that absence of rural settlement-forming enterprises, unemployment, low wages in the Republic enhance the outflow of villagers.

В российской аграрной сфере с 1970-х гг. начались процессы, которые приводят к такому явлению, как раскрестьянивание. В этот период в обществоведческой литературе появился данный термин, в котором «при множестве оттенков, общим признаком называлась утрата качеств, которые традиционно были присущи земледельцу и животноводу» [2]. Отечественные исследователи считают, что исторические предпосылки находятся в русле цивилизационных изменений как в глобальном, так и локальном пространстве. Рост числа городских поселений — одно из проявлений эволюции обществ в XX веке. Сельские жители получают возможность изменить образ жизни, объединив сельские и городские характеристики, причем последние преобладают [2].

В 2000–2010-е гг. социальная инфраструктура в сельских поселениях республики Калмыкии улучшается, поэтому сельчане стремятся благоустроить свою жизнь. Их квартиры порой ничем не отличаются от городской квартиры: установлены пластиковые окна, сплит-системы, спутниковые антенны, современные стиральные машины, душевые кабины. Несмотря на сложное экономическое положение многих сельских семей, у ворот почти каждой из них стоят автомашины, большинство из которых куплены в кредит. Жители сел приезжают в ближайшие города (Элиста, Волгоград, Ставрополь, Астрахань), совершают покупки тех товаров, которые в прошлые годы производили сами (молочные, мясные продукты) [6].

П. П. Великий, Е. В. Бочарова одним из внутренних факторов раскрестьянивания считают миграцию сельских жителей в города [2]. В республике отсутствие селообразующих предприятий, производства с каждым годом усиливают отток сельчан. Объективные (недоступность банковских кредитов, убыточность личных подворий, низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию — шерсть, мясо, молоко, зерно) и субъективные (непривлекательность сельскохозяйственного труда) факторы, как в советский, так и в постсоветский период, подталкивают отечественную агросферу к раскрестьяниванию, причем это происходит непосредственно в деревенской среде. Вслед за отечественными исследователями под раскрестьяниванием понимаем уменьшение доли и численности крестьян в аграрном сословии [10].

Данные Калмыкиистат свидетельствуют, что за 13 лет нового столетия численность занятых в таком виде экономической деятельности, как сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, неуклонно снижается (таблица). Резко снизилось количество работающих в аграрной сфере почти на три тысячи человек в первые пять лет, далее сокращение было умеренным (более 1 тыс. чел.). После 2010 г. незначительно увеличилась численность работников агросферы [12].

Среднегодовая численность занятого населения в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве (тыс. чел.)

Год	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Население, тыс. чел.	33,0	30,5	28,7	28,4	28,2	28,5	28,9	28,9

Источник: Данные Калмыкиятат

Еще одним фактором миграции является то, что выпускники вузов и колледжей, не стремятся возвращаться в село, укореняются в городах, вступая в брак или устраиваясь на работу. В настоящее время сложилась такая ситуация, когда удельный вес инициативных людей (молодых, энергичных, ориентированных на аграрный труд) приближается к нулю, поэтому прогнозировать оптимистические картины будущего села не представляется возможным. К тому же сельское население стареет, когорт для деторождения остается все меньше, что уже через 25 лет приведет к резкому снижению численности сельского населения. Мы согласны с исследователями, считающими, что в современный период основные показатели демографической ситуации в России в целом и сельских территориях весьма напряженные и свидетельствуют о депопуляции населения [11].

С начала 2000-х гг. в республике активно происходит внутренняя миграция, то есть наблюдается тенденция к уменьшению сельского населения. Так, в 1995 г. удельный вес городского населения составлял 61,9 %, в 1999 г. — 59,2 %. За последние годы соотношение городского и сельского населения стабилизировалось и составляет соответственно 44 и 56 % [9]. Специалисты отмечают, что ситуация на рынке труда находится в депрессивном состоянии и не выполняет инструментальную роль в решении проблемы бедности. Уровень зарегистрированной безработицы в РК в 2007 г. выше, чем в среднем по России. Основными причинами роста количества безработных граждан является низкий размер предлагаемой работодателями заработной платы, непривлекательность труда в сельскохозяйственной сфере, продолжающиеся процессы реструктуризации сельскохозяйственных предприятий [8].

Сельчане с каждым годом продолжают прибывать в столицу, приобретая, арендуя, строя жилье, так как город предоставляет им массу возможностей для трудоустройства. Исследователи с обеспокоенностью замечают, что на фоне постоянного оттока населения из всех районов республики происходит его концентрация в столице, в городе Элиста, особенно калмыцкого населения. Город в последние двадцать лет стал главным центром притяжения внутриреспубликанских сельских мигрантов. Так, в 2002 г. в г. Элисте проживало 42,2 % калмыков республики, а вместе с калмыцким населением прилегающих к городу населенных пунктов Целинного района эта цифра будет больше — 50,5%. Продолжение концентрации населения республики в столице приведет к обезлюдению огромных территорий и сосредоточению политической, экономической и культурной жизни в одном пространстве [3]. Эти процессы могут привести к множеству социально-экономических проблем, связанных с жизненно важными сторонами (водообеспечением, электро-, газоснабжением), которые невозможно решить в ближайшей перспективе.

В условиях высокой стоимости городской земли сельские мигранты все чаще обращают свое внимание на пригороды Элисты, которые до начала 1990-х гг. являлись «пригородом» исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа); начиная с 1990-х гг., а в особенности в 2000-е гг., ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, в результате которого произошло существенное обновление местных сообществ, а также начала выстраиваться их социальная (связанная, прежде всего, с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле [5].

Пригородные территории Элисты составляют исключительно сельские поселения. Столицу республики окружают два сельских района: Целинный и Приютненский, отдельные села (с. Троицкое, п. Вознесенка) которых находятся в радиусе 20 км от столицы. До середины 1990-х гг. они представляли собой достаточно типичное слабоурбанизированное сельское поселение (организованное в советские годы вокруг колхоза/совхоза), жители которого вели сельский образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); преобладающей была и «сельская» идентичность. Вместе с тем с начала 2000-х гг.,

а в особенности с их середины, ситуация начала меняться: рассматриваемые села, в советские и в 1990-е годы считавшиеся пригородом во многом номинально, сугубо географически, в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа стали приобретать все больший интерес у потенциальных переселенцев [5].

Разделяем мнение А. С. Бреславского, который, изучая сельско-городские миграции в пригороды Улан-Удэ, отмечал, что географическая близость к городу, долгое время остававшаяся неактуализированным ресурсом, приобрела высокое символическое значение. Произшедшие изменения за последние двадцать лет выразились в двух значимых тенденциях. С одной стороны, в связи с высокой миграционной привлекательностью этих территорий, — увеличением потока мигрантов (трансформировалась структура местных сообществ, видоизменился облик рассматриваемых поселений). Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с маятниковыми перемещениями «пригород — город — пригород». С другой стороны, еще с начала 1990-х гг. ориентация «на город» стала определять трудовые и прочие практики самого местного населения, что повлияло и на их идентичность. Именно миграционная привлекательность этих территорий способна обеспечить их «превращение» в «пригород» [1].

Для сельских жителей переезд в Элисту и его пригороды за последние двадцать лет стал достаточно распространенной практикой. Столица, будучи в повседневном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Калмыкии. Сельчане-мигранты рассматривают город как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики: развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и пр. При этом представление об Элисте в среде сельских жителей было и в целом остается отстраненным, внешним, интуитивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. По пути в город часть сельчан встречает также и непреодолимые барьеры, вынуждающие их остановиться в пригородах. Главным образом это финансовые трудности, связанные с отсутствием у многих переселенцев достаточных средств для покупки участка городской земли, недвижимости или ее аренды. В селах Троицкое и Вознесеновка, являющихся наиболее удобными с точки зрения транспортной доступности, количество переехавших с каждым годом лишь возрастает. Новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характер «временного жилья», построены основательно.

Миграционная активность населения республики вызвана продолжающимися процессами реструктуризации сельскохозяйственных предприятий, низким размером заработной платы в этой сфере, ростом количества безработных, непривлекательностью труда в сельскохозяйственной сфере. Авторы согласны с мнением исследователей, которые считают, что «миграционная убыль экономически активного населения затрудняет стабильное развитие территорий, препятствует повышению уровня жизни населения и говорит о недостаточно высокой привлекательности региона, что может повлечь за собой социальную напряженность, снижение эффективности его социального и экономического развития [4].

Авторы полностью разделяют мнение ученых о том, что избирательная поддержка только экономически эффективных собственников обрекает отечественное крестьянство на дикое вымирание. С его природой, культурным вкладом в российскую цивилизацию связана вся корневая система ментальности, духовности и нравственности российского народа, с их утратой российские народы утратят многие свойства социума, превратятся в лишенных исторических традиций обитателей территории — в бездуховных манкуртов. «Необходима миссия государства в сохранении и адаптации к новым условиям остатков искореняемого сегодня российского крестьянства» [10].

Один из негативных последствий раскрестьянивания видится нам в том, что у сельских жителей постепенно исчезает желание заниматься сельскохозяйственным трудом: доить корову, стричь овец, убирать животноводческие помещения, заготавливать корма и т. д. Трудовая деятельность сельского производителя предполагает не только нахождение основной части времени на открытом воздухе под действием палящего солнца, ветра, осадков и т. д., но и высокий удельный вес ручного труда. На селе до сих пор остается множество видов работ, требующих обязательного применения ручного труда, который не привлекает селян. За время обучения в вузе, колледже они отвыкают от физического труда, характерного для сельского жите-

ля, утрачивают определенные навыки сельскохозяйственного труда (уход и содержание домашних животных, прежде всего коров, овец), качества, которые традиционно были присущи земледельцу и животноводу. Население не испытывает желания заниматься личным подворьем, так как затраты на его ведение не окупаются. Легче и дешевле купить молоко, мясо в магазине, чем содержать корову, готовить молочные продукты, стричь овец, заготавливать корма и т. д. [7].

Процессы раскрестьянивания усилились, происходит разрыв между организацией труда и социальной сферой из-за сокращения потребности крупхозов в кадрах, это способствует в одних случаях перетоку сельских жителей в семейное хозяйство (ЛПХ), в других — маргинализации и люмпенизации, деструкции ценностей, росту девиантного поведения. Ученые в утрате подлинного хозяйского отношения к земле, сельскохозяйственному труду видят влияние культурного развития субъекта. Исследователи социальной структуры современных обществ отмечают появление множества самых разных, не сводимых к сословным, классовым или слоевым определениям жизненных форм и стилей, имеющих исключительно культурное происхождение [2].

Процессы, происходящие в аграрной сфере, появление в ней новых субъектов, которые будут способны ответить на вызовы времени, установить новый порядок и иное качество отношения к сельскохозяйственной деятельности, требуют дальнейшего внимательного и глубокого изучения.

Список литературы

1. Бреславский А. С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / Рос, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. — М.: Рос, 2012. 1 CD ROM. 8108-8114.
2. Великий П. П., Бочарова Е. В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социологические исследования. — 2012. — № 1. — С. 126-134.
3. Деев С.Ю. Миграционные процессы в Республике Калмыкия (2003-2007 гг.) // К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия: материалы региональной научно-практической конференции. — Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2009. — С. 78-86.
4. Коршунова Е. В., Поносова Е. О. Перспективы трансформации миграционного потенциала молодежи региона и социально-экономических функций миграции в XXI веке // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / Рос, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. — М.: Рос, 2012. 1 CD ROM. С. 8163-8167.
5. Намруева Л. В. Социокультурное измерение модернизации в России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2013. — № 1. — С. 131-135.
6. Намруева Л. В. Изменение этничности современных калмыков: от кочевника до программиста // Кочевые народы юга России: исторический опыт и современность: материалы рос. науч. конф. (Элиста, 16-19 марта 2016). — Элиста: Изд-во КГУ, 2016.
7. Намруева Л. В. Влияние производственной ниши на изменение этничности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2014. — № 2. — С. 109-114.
8. Натырова Б. А. Региональные аспекты развития человеческого потенциала // К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия: материалы регион. науч.-практ. конф. с международным участием. — Элиста: Джангар, 2009. — С. 294-300.
9. Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2010: Стат. сб./ Калмыкиастат. — Элиста, 2010. — 323 с.
10. Староверов Раскрестьянивание: мифы и реальность // Аграрный вестник Урала. — 2010. — № 2 (68). — С. 14-16.
11. Сценарии социального развития села (на примере Саратовской области). Монография / Блинова Т. В., Великий П. П., Семенов С. Н. — М.: ИАГП РАН, 2010.
12. Среднегодовая численность занятого населения по видам экономической деятельности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://stark.gks.ru> (дата обращения: 18.03.2016).

Сведения об авторах

Намруева Людмила Васильевна, к. с. н., руководитель отдела социально-политических и экологических исследований, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста, тел. 89615475840, e-mail: lnamrueva@yandex.ru

Королевских Анастасия Николаевна, ассистент кафедры прикладной механики, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89224776692, e-mail: aciakorol@yandex.ru

Namrueva L. V., Candidate of Science in Sociology, head of the department for social-political and ecological studies of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies, RAS, phone: 89615475840, lnamrueva@yandex.ru

Korolevskikh A. N., assistant of the Department of Applied Mechanics, Tyumen Industrial University, Tyumen, phone: 89224776692, e-mail: aciakorol@yandex.ru

УДК 336.2

**НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН В РОССИИ И
СТРАНАХ АТЭС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**
**TAXATION OF SPECIAL ECONOMIC ZONES IN RUSSIA AND APEC:
COMPARATIVE ANALYSIS**

С. В. Пелькова, Н. Г. Хайруллина
S. V. Pelkova, N. G. Khairullina

Ключевые слова: особая экономическая зона; промышленно-производственная зона; технико-внедренческая зона; туристско-внедренческая зона; Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
Key words: special economic zone; industrial-production zone; technology development zone; tourist and innovation area; Asia-Pacific Economic Cooperation

Анализируются особенности обложения налогом на прибыль и налогом на имущество организаций, транспортным налогом, земельным налогом, страховыми взносами во внебюджетные фонды, налогом на добавленную стоимость резидентов особых экономических зон РФ в зависимости от их типа. Проводится оценка налоговых льгот и налоговых преференций по отдельным видам налогов для особых экономических зон РФ и стран-участниц АТЭС. Формулируются основные проблемы налогообложения особых экономических зон РФ и возможные пути их решения с учетом опыта стран-участниц АТЭС.

The peculiarities of taxation on income and property tax, vehicle tax, land tax, insurance contributions to the extrabudgetary funds, value added tax residents of special economic zones in the Russian Federation, depending on their type. The estimation of tax exemptions and tax preferences for certain types of taxes for the special economic zone of the Russian Federation and APEC member countries. Formulated the basic problems of the taxation of special economic zones of Russia and possible solutions based on the experience of the APEC member countries.

Существенное значение в развитии национальных экономик большинства стран, обладающих инвестиционной привлекательностью и конкурентоспособностью, имеют особые экономические зоны (ОЭЗ). Зарубежный опыт показывает, что развитие отраслей промышленности в стране во многом определяется государственной политикой, направленной на создание благоприятных условий для осуществления хозяйственной деятельности, поддержку внутреннего рынка и повышение конкурентоспособности национальной продукции. ОЭЗ представляют собой важный хозяйственно-экономический институт и являются механизмом ускоренного экономического роста за счет активизации товарооборота, перераспределения инвестиций, обмена технологиями и информацией, а также усиления мировых интеграционных процессов. ОЭЗ оказывают непосредственное положительное влияние на социально-экономическую ситуацию как в регионе, в котором они расположены, так и в целом по стране.

С целью сравнения налогообложения ОЭЗ в РФ и странах АТЭС было проанализировано законодательство в сфере налогообложения ОЭЗ РФ и отдельных стран-участниц АТЭС, данные, находящиеся в открытом доступе на официальных сайтах Министерства экономического развития РФ, Правительства РФ и Форума АТЭС. Задачи исследования были следующие:

- изучение особенностей обложения налогом на прибыль организаций, налогом на имущество организаций, транспортным налогом, земельным налогом, страховыми взносами во внебюджетные фонды, налогом на добавленную стоимость резидентов ОЭЗ РФ в зависимости от их типа;
- сравнительный анализ налоговых льгот и налоговых преференций по отдельным видам.

В ходе проведенного исследования авторами было установлено, что одним из главных механизмов стимулирования процесса привлечения инвесторов на территории ОЭЗ являются льготы, предоставляемые резидентам и инвесторам в процессе осуществления их деятельности. Наибольшую привлекательность этим регионам придают послабления в области налогового законодательства. В общем виде налоговые льготы для резидентов всех типов ОЭЗ заключаются в пониженной ставке налога на прибыль, освобождении от уплаты налога на имущество на 5–10 лет при приобретении или эксплуатации этого имущества на территории зоны, также устанавливаются региональные льготы по транспортному налогу и предоставляется освобождение от уплаты земельного налога на 5–10 лет, закрепленное на федеральном уровне. При этом резиденты промышленно-производственных и туристско-рекреационных ОЭЗ имеют право использовать повышающий коэффициент при расчете амортизации основных средств, а резиденты технико-внедренческих зон уплачивают страховые взносы в фонды по пониженным ставкам. Немалозначимыми являются таможенные преференции, предоставляемые резидентам ОЭЗ в РФ. Так, товары, ввозимые на территорию ОЭЗ из-за границы, не облагаются таможенными пошлинами и другими видами платежей. При перемещении продукции через границу Таможенного союза не применяются ограничения, и не уплачиваются вывозные пошлины. При этом продукция, полученная в результате переработки на территории ОЭЗ, при транспортировке с территории этой зоны признается иностранными товарами и облагается взносами в соответствии с Таможенным Кодексом Таможенного союза.

Помимо этого явной положительной особенностью является упрощенный административный режим. С целью более эффективного взаимодействия государственных структур и инвесторов, а, следовательно, и для создания комфортных условий хозяйствования в особых экономических зонах в РФ введена система «одного окна». Эта система предполагает сдачу и выдачу документов, получение необходимой информации и комплекса услуг в одном месте по предварительной электронной записи. При помощи этой системы принимается весь пакет документов, которые являются необходимыми для регистрации и учета недвижимого имущества, выкупа или аренды земельных участков или имущества, получения разрешения на строительство и т. д. Для качественной работы системы «одного окна» привлекаются к сотрудничеству такие государственные инстанции, как ФНС, ФМС, ФТС и другие. Предоставление всех услуг производится в специализированных центрах, расположенных на территории каждой особой экономической зоны.

Для формирования более четкого представления об особенностях налогообложения резидентов, следует рассмотреть налоговые льготы по каждому уплачиваемому резидентами налогу более подробно.

Налог на прибыль организаций. Так на территориях ОЭЗ РФ закреплена ставка налога на прибыль для резидентов — 0 % в части, зачисляемой в федеральный бюджет, в отличие от 2 % — для организаций, осуществляющих свою деятельность за пределами ОЭЗ. В части подлежащей уплате в бюджеты субъектов федерации на территории иных субъектов законодательно закреплена ставка — 18 %, а для резидентов ОЭЗ может быть установлена пониженная ставка налога на прибыль, но не более 13,5 %. Помимо пониженной ставки резиденты технико-внедренческих, промышленно-производственных и портовых зон имеют льготу по налогу на прибыль в виде признания в фактических размерах расходов на НИОКР, в том числе не давшие положительных результатов, в том отчетном периоде, в котором они были произведены. Резиденты промышленно-производственных ОЭЗ имеют право применять специальный повышающий коэффициент при расчете амортизации основных средств, но не выше 2.

Налог на имущество организаций. Резиденты всех типов ОЭЗ РФ освобождаются от уплаты налога на имущество сроком на 10 лет с момента постановки имущества на учет при условии, что это имущество учитывается на балансе, приобретено для осуществления деятельности на территории ОЭЗ и расположено и используется на территории ОЭЗ. Помимо резидентов подобную льготу имеют и управляющие компании, которые учитывают имущество на балансе в качестве основных средств, приобретают его для ведения деятельности на территории ОЭЗ, а также, если это имущество является технологической частью объектов, расположенных на территории ОЭЗ. Однако для портовой зоны ОЭЗ «Ульяновская область»

установлена специальная налоговая льгота в виде ставки 0 % по налогу на имущество организации в течение 15 лет с момента постановки данного имущества на учет.

Транспортный налог. Законами субъектов РФ устанавливается размер налоговых льгот по транспортному налогу, а также сроки действия льготы.

Земельный налог. Что касается земельного налога, то резиденты технико-внедренческих, туристско-рекреационных и промышленно-производственных ОЭЗ (за исключением ОЭЗ ППТ «Алабуга» и ОЭЗ ППТ «Титановая долина») освобождаются от уплаты налога в отношении земельных участков, находящихся на территории ОЭЗ, сроком на 5 лет с момента регистрации права собственности на земельный участок. Инвесторы портовых ОЭЗ и ОЭЗ ППТ «Алабуга» и ОЭЗ ППТ «Титановая долина» освобождаются от уплаты земельного налога сроком на 10 лет с момента возникновения права собственности на каждый земельный участок.

Страховые взносы во внебюджетные фонды. Особый порядок уплаты страховых взносов, отличный от действующего на всей территории страны, действует на территории технико-внедренческих и туристско-рекреационных ОЭЗ.

НДС. Еще одно преимущество имеют резиденты портовых ОЭЗ — проведение работ и оказание услуг, проводимых резидентами ОЭЗ портового типа, относятся к деятельности, не подлежащей налогообложению по НДС.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что деятельность на территории российских ОЭЗ намного выгоднее для национальных и иностранных инвесторов, чем на остальной территории страны. Резиденты ОЭЗ экономят существенную сумму средств, имея полное или частичное освобождение от ряда налогов, установленных законодательством.

Однако для оценки эффективности деятельности ОЭЗ РФ авторы считают необходимым сравнить их с территориями, имеющими аналогичный статус, в странах АТЭС. По результатам проведенного анализа удалось выявить следующие отличия систем налоговых льгот для резидентов российских ОЭЗ и аналогичных территорий государств АТЭС.

На сегодняшний день экономические показатели стран АТЭС намного выше, чем аналогичные показатели нашей страны. Их динамичное развитие и успешная интеграция на мировые рынки является ярким примером грамотной политики государства. Государственная поддержка резидентом СЭЗ этих стран оказывает сильное влияние на развитие этих территорий и тем самым стимулирует производство, научную деятельность и привлечение иностранных капиталовложений в деятельность резидентов. В связи с этим проведен анализ предоставляемых налоговых преференций на территории России и стран АТЭС (таблица).

Сравнительный анализ налогообложения ОЭЗ РФ и стран АТЭС

Налог	ОЭЗ РФ	СЭЗ Китая	СЭЗ Южной Кореи	ОЭЗ Японии
Налог на прибыль организаций	0–13,5 %	15 %	Освобождение в первые 3 года; 5 % в последующие годы	5 %
НДС	при ввозе товаров — 0 %	17 %	—	0 %
Акцизы (сигареты)	9,5 % + 1 120 рублей за тысячу штук	3–5 %	—	—
НДФЛ	13 %	5 %	8,8 %	2–4 %
Налог на имущество	Освобождение от уплаты налога на имущество организаций в течение 10 лет	—	7 %; налоговые каникулы по налогу на недвижимость сроком на 15 лет с возможностью пролонгации	≤ 1,4 %

Продолжение таблицы

Налог	ОЭЗ РФ	СЭЗ Китая	СЭЗ Южной Кореи	ОЭЗ Японии
Земельный налог	Освобождение от уплаты земельного налога на срок от 5 до 10 лет	Освобождение от уплаты на 5 лет, в дальнейшем — 1/2 ставки	0 %	0 %
Дополнительные льготы	Освобождение от уплаты транспортного налога сроком от 5 до 10 лет	Возврат 40 % налога на прибыль иностранным инвесторам, инвестирующим на срок не менее 5 лет. Освобождение от уплаты налога в случае инвестирования более 5 млн долл.	Полное освобождение от всех налогов на 5 лет с возможностью пролонгации на 2 года для предприятий сферы высоких технологий	Предприятия с небольшим уставным капиталом уплачивают корпоративный налог по сниженной ставке

Таким образом, несмотря на выгодные, на первый взгляд, льготы и преференции, предоставляемые резидентам ОЭЗ РФ, на сегодняшний день они недостаточно конкурентоспособны. Предлагаемые условия привлекательны для отечественных инвесторов на фоне общей ситуации в стране. Однако для создания большей привлекательности и привлечения компаний из стран АТЭС существующие условия требуют совершенствования.

Список литературы

1. Александрова С. В., Пелькова С. В. Налоговый режим для особых территорий России, определяющих её национальный приоритет в XXI веке // Агропродовольственная политика России: ежемесячный теоретический и научно-практический журнал. — Екатеринбург: издательство АМБ. — 2015. — № 7. — С. 26-33.
2. Александрова С. В., Кольцова Т. А., Пелькова С. В. Особенности налогообложения особых территорий Российской Федерации // Агропродовольственная политика России: ежемесячный теоретический и научно-практический журнал // Екатеринбург: издательство АМБ. — 2015. — № 9. — С. 62-70.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ). 31 июля 1998 года № 146-ФЗ. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения 01.05.2016).
4. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://economy.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2016).
5. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://government.ru> (дата обращения: 04.05.2016).
6. Пелькова С. В., Киришева К. Ю. Проблема международного двойного налогообложения участников внешнеэкономической деятельности Современные аспекты глобализации экономических процессов: материалы IV межд. науч.-практ. конф. (20 декабря 2014 г.) — Уфа: «AETERNA», 2014. — 254 с. — С. 185-189.
7. Пелькова С. В., Матц Л. Э. Импортные налоги и сборы Китая // Экономика и менеджмент инновационных технологий. — 2014. — № 12 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/12/6471>.
8. Россия. Особые экономические зоны [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.russez.ru/> (дата обращения: 07.05.2016).
9. Форум АТЭС: цели организации и страны-участники [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/infografika/20120831/732265238.html> (дата обращения: 13.05.2016).

Сведения об авторах

Пелькова Светлана Владимировна, к. э. н., доцент, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, тел. 8944909299, e-mail: svpelkova@yandex.ru

Хайруллина Нурсафа Гафуровна, д. социол. н., профессор кафедры «Маркетинга и муниципального управления», Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89222663399; e-mail: nursafa@inbox.ru

Pelkova S. V., Candidate of Science in Economics, associate professor Tyumen State Institute of Culture, phone: 8944909299, e-mail: svpelkova@yandex.ru

Khairullina N. G., Doctor of Social Sciences, Professor of the chair «Marketing and municipal management», Industrial University of Tyumen, phone: 89222663399, e-mail: nursafa@inbox.ru

УДК 316.35

СОЦИОЛОГИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ: ДИАГНОЗ И ПРЕДЧУВСТВИЕ SOCIOLOGY OF CONSUMPTION: DIAGNOSIS AND FOREBODING

И. Ю. Фомичев
I. Yu. Fomichev

Ключевые слова: потребительские ценности; материальные ресурсы; консьюмеризм; гедонизм; последние люди; социальное бытие; стандарты образа жизни; всеобщее отчуждение; частичный человек

Key words: consumer values; material resources; consumerism; hedonism; the last people; social life; standards of living; universal alienation; partial people

В статье исследуется трансформация социальных институтов в процессе перехода и обретения современным российским обществом характеристик потребительского социума как в контексте инфраструктуры, так и в сфере общественного сознания. Исследуется воспитательный потенциал потребительских практик, их социально-интегративные свойства, выявляется аксиологическая платформа современного гедонистического действия. Анализируется феномен «довольного сознания» и социальные риски, связанные с этим.

The article investigates the transformation of social institutions in the transition process and the acquisition of modern Russian society the characteristics of the consumer society in the context of infrastructure and in the public consciousness.

Потребление традиционно является одним из тех социальных процессов, изучая которые социологи фиксируют тренды в развитии экономических, политических, аксиологических и других общественных кластеров. Д. К. Гэлбрейт (в книге «Эра изобилия»), Г. Маркузе (в работе «Одномерный человек»), Ж. Бодрийяр («Общество потребления») и др. продемонстрировали процесс переформатирования современного общества и человека в контексте потребительских ценностей. Для американцев это стало актуальным уже в конце 50-х–начале 60-х годов XX века, для европейцев — в конце 60-х–начале 70-х, нам нужно было дожить до кризисного 2014-го, чтобы понять (оглядываясь назад), в какой степени потребление может трансформировать российский ландшафт.

Надо заметить, что всегда существуют практические аспекты поступательного социального развития, которые противоречат «приподнятому настроению» его апологетов и попадают в список неудобных концепций становления хозяйственной практики. Так, например, рост благосостояния российского общества в последние пятнадцать лет его существования, несмотря на разнообразные кризисы, был замечен и фиксировался в различных его аспектах. Наверное, никогда прежде национальное хозяйство не располагало таким богатством материальных ресурсов. В то же время параллельно умножению материально-ресурсной базы, в соответствие с цивилизационной логикой сформировался феномен гипертрофированного потребления, социальная этика и социальная психология потребительства, которые пронизательными умами воспринимаются в качестве негативных тенденций в социуме. При этом само потребление рассматривается как всеобщий фактор. У Ж. Бодрийяра оно, например, включает не только материальные вещи и услуги, но и пространство, время, искусственные образы, политику и культуру.

Можно также утверждать, что в данном случае речь идет о всеобщем и глубинном сдвиге, характерном для эволюции каждого современного общества. Примечательно, что даже африканские и арабские беженцы, плывущие с риском для жизни из Ливии и Турции на итальянский остров Лампедуза и многие греческие острова, признаются европейским миграционным властям в желании приобщиться к местному образу жизни именно с этой

потребительской стороны. В чем не содержится ничего предосудительного, поскольку а) мы живем в обществе потребления и б) человек обречен именно через разные формы потребления воспроизводить все разнообразие собственного бытия.

Определенного рода негативные социальные оценки возникают, как правило, только при наличии избыточного потребления, причем именно в материальной сфере. Соответствующим образом возникает специфический понятийный аппарат. Надо заметить, что интенсивно эксплуатируемый для характеристики положения дел в этой области термин консьюмеризм первоначально (в 60-х годах XX века) обозначал такое социальное явление, как движение в защиту прав потребителей, организованные действия граждан, направленные на гармонизацию отношений производителя и покупателя товаров или услуг. Последние четверть века этот же термин чаще употребляется для обозначения явлений сверхпотребления, нездоровой социально-психологической зависимости, маниакального шопинга. Более определенно, возможно, звучит другой термин, использованный американцем Дж. Де Граафом в книге «Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру» [1], где явление перепотребления рассматривается как особого рода психическое и социальное заболевание.

Для обществоведческого анализа складывающейся ситуации самым естественным на первый взгляд методом было бы призвать на помощь безотказную и вполне надежную сентенцию о перманентной деградации буржуазного социума. Однако дело обстоит сложнее. В культуре современного общества (в определенной степени и российского) произошли серьезные качественные изменения, решающим образом изменилась сущность протекания социально-нравственных процессов. В классические времена становления буржуазных отношений важнейшим социальным функционером выступал марксов «экономический человек» с его аскетическим моральным сознанием: «Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество..., тем больше твоя отчужденная жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности» [2].

Протестантскую этическую доктрину описал М. Вебер, фиксирующий ее суть в наживе, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов; эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека. В этой концепции нет места приобретательству, которое призвано служить средством удовлетворения человеческих потребностей, а все человеческое бытие, напротив, должно служить наживе, являющейся целью и смыслом жизни.

В наше время аксиологическая версия социального бытия существенно изменилась. Капиталистическая сущность буржуазного образа жизни, конечно, не исчезла. Нажива как социально-экономический феномен тоже вряд ли исчезнет из человеческого общества, но внешне проявленными доминирующими социальными регуляторами постепенно становятся ценности «потребительского человека». Потребление выступает не только как экзистенциальное наслаждение, реализующееся через модусы приобретения и развлечения. Оно воспроизводит систему социальных механизмов, определяющих соответствующую совокупность символов и «правила игры», направляющих и в определенной степени гармонизирующих человеческие взаимодействия в обществе.

Потребительские практики формируют своеобразную систему социальных статусов. Пожалуй, нигде так, как в рыночной мифологии, потребительские стандарты не символизируют личностное достоинство. Поэтому рыночному индивиду и его окружению удобнее и очевиднее уяснить, чего он стоит, принимая во внимание его возможности потреблять, чем понять, кем он как личность является на самом деле. В каких магазинах ты делаешь покупки, на каком автомобиле едешь, в каких местах отдыхаешь, в каком районе живешь и т. п. — все приобретает статусную окраску и определяет социальную принадлежность. Население дифференцируется по определенным социальным кластерам, внутри которых социальные напряжения не очень антагонистичны ввиду примерной равноценности потребительских притязаний. В то же время порождаются и несомненные поведенческие девиации, такие как условно-статусное, демонстративное, показное потребление, стремление соответствовать в потреблении своей референтной группе или, что еще хуже, стремление перейти в более

престижный социальный отсек и зарекомендовать себя благодаря «превентивной жертве», новому уровню потребительского стандарта.

Потребительские практики обладают несомненным воспитательным потенциалом, формируя вкус (того или иного эстетического масштаба), коммуникационные привычки (не менее разнообразные), ориентиры сближения и дистанцирования, моральные нормативы и стандарты образа жизни, то есть необходимые элементы социальной поведенческой культуры, которая задается потребительским обществом. Консьюмеризм реализует функцию интегрирования индивида в общество. При этом подавляющее большинство населения принимает и вместе с тем принуждается к приятию ценностей этого общества. В то же время потребительство формирует стремление достижения социального превосходства через практику условно-престижного потребления, появление поведенческих стереотипов демонстративности и вычурности в контексте индивидуального самоосуществления, нахождения своего места в мозаике социокультурных взаимодействий.

Одним из важных обстоятельств, на которое необходимо обратить внимание в функционировании современного потребительского общества, является то, что духовное потребление в этих условиях оказывается все более невостребованным. На потребление товаров и услуг тратится гораздо больше средств, чем на образование и культурное развитие, причем последнее эволюционирует в сферу эталонов массовой культуры. Современный человек, как правило, не имеет соответствующей подготовки и не способен в необходимой мере ассимилировать богатства высокого культурного наследия, которое выражает его собственную кристаллизованную сущность. В западной и российской социологии общим является утверждение, что большинство людей усваивают знания и ценности в нерасшифрованном виде готовых положений и выводов, адаптированных под уровень массового сознания. Массовое потребительское общество своим образом существования заставляет человека пассивно потреблять неорганичные его существу смыслы и формирует стандартизированную духовность, моральную нищету. Авторы упоминаемой выше книги про потребительство свидетельствуют, что когда Мать Тереза приехала в Соединенные Штаты для получения почетной ученой степени, она сказала: «Это самое бедное место из всех мест, где я когда-либо была». Роберт Сейпл, директор благотворительной христианской организации «Видение мира» рассказывает: «Она говорила не об экономике, взаимных фондах, Уолл-стрит и покупательной способности. Она говорила о нищете души».

Диагнозы потребительскому социуму всегда ставились неутешительные, но симптомы виделись разные. Социальная трагедия всеобщего отчуждения, формирование частичного человека (от К. Маркса к Д. К. Гэлбрейту), потеря трансцендентного в результате «сделки с Дьяволом» у Ж. Бодрийера (нет даже *фетишистской трансцендентности товара*, есть только имманентность в системе знаков), торжество личностного порока у Ф. Достоевского (... да осыпьте его всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении всемирной истории — так он вам и тут человек-то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает).

Но вспомним, что зафиксировал ницшевский Заратустра, пришедший к людям и обнаруживший общество «последних людей». «Земля стала маленькой, и на ней копошится последний человек, который все делает таким же ничтожным, как он сам. Его род неистребим, как земляные блохи: последний человек живет дольше всех.

«Счастье найдено нами», — говорят последние люди, бессмысленно моргая.

Они покинули страны, где было холодно, ибо нуждались в тепле. Они еще любят ближнего и жмутся друг к другу — потому только, что им нужно тепло...

Нет пастыря, есть одно лишь стадо! У всех одинаковые желания, все равны; тот, кто мыслит иначе, добровольно идет в сумасшедший дом.

«Прежде весь мир был безумным», — говорят самые проникательные из них и бессмысленно моргают.

Все они умны, они все знают о том, что было: так что насмешкам их нет конца. Они еще ссорятся, но быстро мирятся — сильные ссоры нарушили бы их покой и пищеварение.

Есть у них и свои маленькие удовольствия: одно — днем, другое — ночью; но более всего они пекутся о здоровье.

«Мы открыли счастье», — говорят последние люди и бессмысленно моргают» [3].

Еще во времена Ф. Ницше теоретически или эмпирически фиксировалась та социальная закономерность, согласно которой буржуазное общество в том или ином масштабе формирует так называемый феномен «довольного сознания», то есть некоторой совокупности соответствующих социальных экспектаций и жизненных идеалов в духе модернизированного гедонизма, отождествляющего хорошее с приятным. Это в природе человека, когда он желает получать от жизни больше удовольствий и всячески избегает страданий. Нет ничего лучше удовольствия, кроме еще большего удовольствия — так полагает истинный гедонист. По мере совершенствования производства разнообразных потребительских ценностей растут возможности и масштабы потребительских практик и приносимых ими удовольствий, которые постепенно вытесняют интеллектуальные и духовные потребности, и мы эмигрируем в мир консьюмеризма.

Однако остается еще и Заратустра и его «танцующая звезда». «Я говорю вам: надо иметь в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас пока еще есть хаос». В человеческом сознании всегда существовали альтернативные гедонизму ценности, отвергавшие спасительную миссию бытийного уюта, обладающую якобы столь ободряющей степенью общественного признания, что можно говорить о «конце истории». Джордж Оруэлл, к фантазмагориям которого можно по-разному относиться, в своей рецензии на книгу «Майн кампф» в 1940 году весьма проницательно заметил, что А. Гитлер тонко «постиг лживость гедонистического отношения к жизни. Со времен последней войны почти все западные интеллектуалы и, конечно, все «прогрессивные» основывались на молчаливом признании того, что люди только об одном и мечтают — жить спокойно, безопасно и не знать боли. При таком взгляде на жизнь нет места, например, для патриотизма и военных доблестей. Социалист огорчается, застав своих детей за игрой в солдатики, но он никогда не сможет придумать, чем же заменить оловянных солдатиков; оловянные пацифисты явно не подойдут. Гитлер, лучше других постигший это своим мрачным умом, знает, что людям нужны не только комфорт, безопасность, короткий рабочий день, гигиена, контроль рождаемости и вообще здравый смысл; они также хотят, иногда по крайней мере, борьбы и самопожертвования, не говоря уже о барабанах, флагах и парадных изьявлениях преданности. Фашизм и нацизм, какими бы они ни были в экономическом плане, психологически гораздо более действенны, чем любая гедонистическая концепция жизни. То же самое, видимо, относится и к сталинскому казарменному варианту социализма. Все три великих диктатора (третий, по тексту — Наполеон — авт.) упрочили свою власть, возложив непомерные тяготы на свои народы. В то время как социализм и даже капитализм, хотя и не так щедро, сулят людям: «У вас будет хорошая жизнь», Гитлер сказал им: «Я предлагаю вам борьбу, опасность и смерть»; и в результате вся нация бросилась к его ногам» [4].

Гитлеризм, конечно, крайний из всех возможных примеров. Но были и другие идеологические борцы — разного рода революционеры — большевики, Че Геварра и Фидель Кастро, донецкие ополченцы, наконец; участники различных общественных движений, религиозных и политических объединений, которые не обещают людям потребительских благ, но бросают вызов спокойствию и благополучию и решительно устремляются навстречу судьбе ради осуществления идеи. И люди идут за ними и борются вместе с ними. В современном обществе одновременно существуют социальные группы, участники которых взаимосвязаны консьюмеристскими практиками, то есть тем, что можно приобрести на потребительском рынке, и общественные группы, объединенные различными идеями, нравственными, эстетическими, политическими и др. ценностями, которые формируют духовную жизнь социума. Рост уровня потребления в обществе означает рост ВВП и является показателем экономического прогресса. Но материальное прямо нередуцируемо к идеальному, рост материального благополучия не означает подъем духовности. Материальные ценности для

большинства людей всегда привлекательнее идеальных, и консьюмеризм в массовом масштабе порождает отчуждение общественного человека от духовности. Однако человеческая история свидетельствует, что в хаосе бытийного уюта, в этой душе нового бездушного мира, всегда таится «танцующая звезда», которая однажды родится и провозгласит: «Я призываю вас не к работе, а к борьбе. Я призываю вас не к миру, а к победе. Да будет труд ваш борьбой и мир ваш победой!» [3].

Список литературы

1. Ванн Д., Нэйлор Т. Х., Де Грааф Дж. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру. – Екатеринбург: УльтраКультура, 2005.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Интербук, 1990
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dolit.net/author/1523/ebook/16658/oruell_djordj/retsenziya_na_mayn_kampf_adolfa_gitlera/read

Сведения об авторе

Фомичев Игорь Юрьевич, д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, тел. 83452683446, e-mail: ifomi@mail.ru

Fomichev I. Yu., Doctor of Sociology, professor, Department of Marketing and municipal government of Industrial University of Tyumen, phone: 83452683446, e-mail: ifomi@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 343.2

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОКРАЩЕНИЯ УРОВНЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ LEGISLATIVE REDUCING THE LEVEL OF CRIME

Ю. А. Джахбаров, Д. М. Махмудова
Yu. A. Jakhbarov, J. M. Makhmudova

Ключевые слова: преступление; борьба с преступностью; состав преступления; реформирование законодательства; криминализация; уголовное право; правоохранительная деятельность
Key words: crime; crime control; body of a crime, the law reform; criminalization; criminal law; law enforcement activities

Проблема борьбы с преступностью всегда была и остается одной из самых важных и актуальных проблем правовой науки и практики. Цель работы — выявление новых правомерных и целесообразных возможностей и наиболее действенных методов стратегической и тактической борьбы государства и общества с преступностью в нашей стране, а также теоретическая выработка концептуальных, законодательных и практических рекомендаций для дальнейшего совершенствования российского законодательства. В статье предлагаются конкретные научно обоснованные направления и методы качественного улучшения законодательной, правоохранительной, судебной-процессуальной и уголовно-исполнительной деятельности соответствующих государственных органов и общественных объединений, направленной против образа жизни и преднамеренных противозаконных действий лиц, вставших на путь совершения разного рода правонарушений и преступлений.

The problem of crime has always been and remains one of the most important and urgent problems of legal science and practice. The objective: to identify new lawful and appropriate opportunities and the most effective methods of strategic and tactical struggle of the state and society against crime in our country, as well as theoretical elaboration of conceptual,

legal and practical recommendations for further improvement of the Russian legislation. Scientific novelty: Certain specific scientific areas and methods are offered for qualitative improvement of the legislative, law enforcement, judicial and correctional activities of the relevant government bodies and public associations directed against the lifestyle and intentional illegal activities of persons, have gone the way of committing various crimes.

Действенность и результативность борьбы с преступностью в России определяется не только уровнями наличного правосознания российского общества и законности деятельности правоохранительных органов государства, но также правомерностью и целесообразностью подлежащих исполнению самих положений российского законодательства, в особенности положений уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Иными словами, успешность процесса предупреждения и пресечения преступлений зависит также от качества действующих и принимаемых в нашей стране законов, от точности законодательного определения составов преступлений, видов и размеров уголовных наказаний, от предусмотренного законодательством процессов производства дознания, предварительного и судебного следствия, а также процессов применения наказаний в пенитенциарных учреждениях.

Качество и сила действия разноотраслевых законов, направленных на предупреждение преступлений, зависит от многих содержательных и языковых измерений. В свое время великий древнегреческий философ Аристотель об этом писал: чтобы иметь более высокое просветительское значение, уголовное законодательство, как и любой другой закон, должно быть снабжено предисловием просветительно-убеждающего характера, а также не отличаться излишней строгостью в отношении тех лиц, которые совершили преступление по неосторожности или из тех или иных благих побуждений [1]. В данном случае речь идет о высоте и ясности слога и точности определений самого действующего российского законодательства, четкости системы уголовно-правовой ответственности и наказаний, а также о способах, процессах и конечных результатах их реализации.

В целях усиления борьбы с преступностью российское законодательство должно быть существенно реформировано таким образом, чтобы совершать преступления потенциальным и реальным преступникам было непросто, невыгодно, опасно и чревато неотвратимостью наказания. Например, не секрет, что многие российские законодатели и чиновники разного ранга, нарушая нормы общественной нравственности и действующего российского законодательства, бесстыдно и безнаказанно, давно и успешно занимаются коммерческо-предпринимательской деятельностью, создают свои бизнес-центры, банки, фирмы, предпринимательские союзы и т. п., поскольку в положениях действующего российского законодательства отсутствуют или не действуют нормы уголовно-правовой ответственности, как для тех, кто нарушает закон, так и для тех, кто обязан контролировать такое беззаконие и привлекать виновных лиц к юридической ответственности и наказанию. Российские граждане, имеющие высокие духовно-нравственные идеалы и опыт жизни, твердую гражданскую позицию и желание добросовестно участвовать в экономической и политической жизни общества, законодательно и фактически не имеют достаточно управленческих возможностей по контролю над преступным образом жизни и поведением государственных чиновников, процессами участия в процедурах свободных выборов или подбора кандидатур в органы государственной власти и управления, в процессах развития российского законодательства по противодействию коррупции и практики его надлежащего применения [2].

По разным причинам подавляющее большинство российских законодателей бессовестно, бесстрашно и безнаказанно занимается своекорыстным и преступным продвижением, или лоббированием, деструктивных законопроектов, неоднократно накладывает вето на необходимые законопроекты по борьбе с должностной и организованной преступностью, чиновничьей коррупцией, по контролю над своими реальными доходами и расходами. К примеру, такие горе-законодатели преднамеренно и неправоммерно исключают из российского уголовного законодательства положения о конфискации имущества государственных коррупционеров и членов их семьи, хотя подобные уголовно-правовые санкции содержатся во

всех законодательствах развитых европейских государств и в международно-правовых документах, которые уже подписаны и ратифицированы Российской Федерацией [3]. Они, злоупотребляя своим служебным положением и должностными полномочиями, мошеннически полученными от миллионов российских граждан-избирателей, изоцряют положения противоправного, неправомерного криминогенного законодательства [4], которое потом позволяет им официально продолжать свой преступный образ жизни и меркантильно-преступные дела [5]. Представляется, что без приостановления и затем полного прекращения такого неправомерного и преступного законотворчества подавляющего и решающего большинства российских депутатов и сенаторов невозможно будет остановить неуклонно стремительный дальнейший рост уровня преступности в России. Иными словами, если государственные законодатели сами являются изначальными правонарушителями и преступниками высшей категории, то говорить о тех, кто им раболепно подражает в своей ежедневной правоохранительной и судебной деятельности, просто не имеет особого смысла и практического значения.

В свое время, считая законодательную отмену в российском уголовном законодательстве уголовного наказания в виде конфискации имущества досадной и опаснейшей для общественного порядка и безопасности ошибкой, В. Н. Кудрявцев с глубоким сожалением указал на то, что дорогостоящие земельные участки и автомобили, загородные особняки, банковские вклады богатых российских преступников законодательно закреплены не за ними, а за их отпрысками, женами, тещами или иными близкими родственниками и знакомыми [6]. В целях успешной борьбы с такого рода преступниками он предложил редакцию отмененной статьи 52 УК РФ «Конфискация имущества» изложить таким образом, чтобы чиновных и иных взяточников полностью лишать преступно нажитого имущества, в том числе и того имущества, которое преднамеренно было передано другим лицам.

По поводу применения суровых уголовных наказаний против экономических преступников могут прозвучать возражения, основанные на некоторых европейских рекомендациях и резолюциях. Например, в пункте 28 Резолюции Комитета министров Совета Европы от 9 марта 1976 года «О некоторых мерах наказания, альтернативных лишению свободы» государствам-участникам рекомендовалось «обеспечить более широкое применение штрафов и мер по обеспечению адекватности налагаемого штрафа материальному положению наказуемого». Между тем мы вынуждены сознаться в том, что в современной России исполнить такую рекомендацию было бы довольно непросто, так как обворовывание бюджетных средств в России является обыденным и распространенным явлением, а реальные доходы и очевидные расходы известных российских коррумпированных чиновников-олигархов, руководителей коммерческих банков и акционерных обществ и других высокопоставленных должностных лиц официально не зарегистрированы. Указанная категория лиц продолжает безнаказанно совершать разного рода организованные преступления, имея все административные и финансовые возможности откупиться от таких же, как и они сами, бессовестных, своекорыстных, трусливых и продажных следователей, прокуроров и судей.

Представляется, что для реализации данной европейской Рекомендации законодательно был установлен строгий государственный учет и общественный контроль над доходами и расходами всех государственных чиновников и политически влиятельных бизнесменов, а также членов их семей, родных и близких, которым они могут тайно передавать преступно нажитое и незаконно присвоенное ими имущество и накопленные ими финансовые средства. Своевольное сокрытие ими данных о своих доходах и расходах должно повлечь за собой уголовную ответственность и наказание в виде немедленного отстранения от государственной службы и должностного положения, а также конфискации преступно нажитого имущества. Дело в том, что во многих современных цивилизованных государствах сокрытие таких данных практически невозможно, а за попытку незаконно сокрыть свои доходы и расходы виновные лица подвергаются многообразным статусным и материальным тяготам и лишениям: запрету на получение определенных должностей, в особенности в административно-аппаратных, финансово-налоговых, таможенных, банковских, коммерческих и т. п. структурах. Им также

грозит суровое публичное порицание, строгое предупреждение, исключение из членов правящих политических партий, ограничение избирательных и иных прав.

В целях усиления борьбы с экономическими преступлениями в России необходима правомерная и целесообразная криминализация таких составов правонарушений, как незаконное хранение похищенного имущества, например большой партии морских биоресурсов, заведомо добытых преступным путем. Из-за законодательного пробела правоохранительные и судебные органы не имеют реальной возможности привлекать к уголовно-правовой ответственности и наказывать владельцев холодильных установок, которые незаконно хранят у себя громадные количества браконьерски выловленной рыбы с целью последующей продажи. В связи с этим представляется правомерным и целесообразным дополнить содержание статьи 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» таким составом преступления, как хранение имущества, заведомо добытого преступным путем.

Подобные законодательные дополнения необходимы также и для дальнейшего усиления борьбы с другими видами преступлений, например такими, как кража или угон автотранспортных средств. Дополнительным средством законодательного предупреждения такого вида преступления, как угон и распродажа краденых автомобилей по запчастям, является существенное дополнение содержания действующего УК РФ статьей 326 УК РФ, который предусматривает уголовно-правовую ответственность и наказание за спиливание или вытравливание, уничтожение или подделку заводских идентификационных номеров частей (двигателя, кузова, шасси и т. д.) угнанных и распродаваемых автомашин.

В контексте борьбы с преступностью крайне противоречивым представляется примечание к статье 126 УК РФ «Похищение человека», которое устанавливает следующее: «Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». Создается впечатление, что запрещенное уголовным законом похищение людей не является общественно опасным, противоправным, виновным действием, а преступный результат состоит только в причинении какого-то очевидного физического или материального вреда похищенному лицу. Точно так же можно оправдать и скотокрада, которого впоследствии разоблачили и вынудили вернуть краденый скот хозяину, если с уже украденным скотом ничего плохого не случилось. Следовательно, указанное примечание необходимо отменить как неправомерное и нецелесообразное в борьбе с такого вида преступлениями.

По той же причине и точно так же необходимо законодательно отменить примечание к статье 206 УК РФ «Захват заложника», которое гласит: «Лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления», поскольку сам по себе факт захвата заложника содержит в себе состав законодательно установленного противоправного и общественно опасного деяния, за которое виновное лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности и наказано с учетом его личности и поведения после совершения данного преступления. Представляется, что только при таком законодательном подходе к решению проблемы захвата заложников может быть гарантирован успех в борьбе с такого рода преступлениями.

Как изначально неправомерное и нецелесообразное, следует также законодательно отменить примечание к статье 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», которое устанавливает: «Лицо, совершившее предусмотренное настоящей статьей преступление, добровольно сдавшее наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом указанных средств, веществ или их аналогов, а также с незаконными приобретением,

хранением, перевозкой таких растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление», поскольку словосочетание «освобождается от уголовной ответственности за данное преступление» не только формально не логично, но и неразумно и неправомерно. Ведь за совершенные преступления всегда надо отвечать перед следствием и судом независимо от последующего поведения преступника, хотя при определении вида и размера наказания суд вправе и обязан учитывать личность и все иные значимые для общественной нравственности и закона обстоятельства расследуемого преступления.

Для усиленной борьбы с преступностью представляется, что исключение из текста УК РФ статьи 265 «Обман покупателей» является также неправомерным и нецелесообразным. Дело в том, что традиционный и широко распространенный в России обман покупателей, точно так же, как и кража чужого имущества, всегда была и должна быть воспринята законодателем как противоправное и преступное присвоение против воли покупателей их денежных средств. За совершение такого широко распространенного преступления виновные злоумышленники и корыстолюбцы должны быть привлечены именно к уголовной ответственности и строго наказаны, нося на себе и за собой позорное клеймо и шлейф судимости на определенный срок со всеми вытекающими из них юридическими последствиями. Подобная неправомерная и нецелесообразная декриминализация и депенализация российским законодателем некоторых составов преступлений может только усугубить состояние преступности в России, как и в любом другом государстве, особенно в тех государствах, где традиционно унаследованное воровство из преступления произвольно превращается в норму повседневного существования и незаконного обогащения.

Мера действенности борьбы с отдельными видами преступлений зависит также и от законодательно установленных видов и размеров применяемых к преступникам уголовно-правовых санкций и наказаний. В этой связи обращает на себя внимание чрезмерная мягкость вида и размера уголовного наказания за незаконную добычу водных животных и растений. К примеру, за совершение такого преступления часть 1 статьи 256 УК РФ устанавливает наказание либо в виде штрафа в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо в виде обязательных работ на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо в виде исправительных работ на срок до двух лет, либо в виде ареста на срок до шести месяцев. Нам представляется, что такое чрезмерно мягкое наказание не может позитивно повлиять на процессы борьбы с незаконной добычей биоресурсов, которое грозит экологической катастрофой. Значит, виды и размеры уголовного наказания за совершение подобного рода преступлений должны быть существенно ужесточены и увеличены.

Представляется, что по причинам организованного характера некоторых преступных деяний и их вредных последствий подобные законодательные изменения в плане ужесточения уголовных наказаний необходимо произвести и в части 1 статьи 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство»: «Осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо арестом на срок до шести месяцев».

Проблема уточнения в сторону увеличения видов и размеров уголовных санкций и наказаний касается также других положений действующего российского уголовного законодательства [7]. К примеру, часть 4 статьи 160 УК РФ «Присвоение или растрата» устанавливает для виновного за растрату и хищение чужого имущества наказание в виде десяти

лет лишения свободы, а статья 193 УК РФ за незаконный отказ от возвращения валютных средств из-за границы устанавливает санкцию лишь до трех лет лишения свободы. Такой подход российского законодателя к решению проблемы ежегодного незаконного вывоза или оставления миллионов и миллиардов долларов за границей является неправомерным и нецелесообразным, поскольку неразумно минимизирует степень надлежащего страха и риска реальных и потенциальных грабителей собственной страны. Следовательно, в статью 193 УК РФ необходимо внести поправку и установить в ней уголовно-правовую санкцию, предусматривающую уголовное наказание за совершение валютных махинаций до десяти лет лишения свободы с обязательной конфискацией у виновного преступно нажитого им имущества.

Главной и постоянной задачей любого законодателя является научно обоснованное определение того, какое поведение или поступок официально признать в качестве неправомерного и опасного для личности, общества и государства деянием, то есть преступным действием или бездействием. Именно на основании содержания элементов состава того или иного установленного законом преступления законодатель может разработать те или иные правомерные и целесообразные способы предупреждения и пресечения того или иного вида преступления. Иными словами, от этих критериев криминализации того или иного поведения людей зависит та или иная стратегия борьбы с конкретными видами преступлений [6].

В деле борьбы с преступностью необходимо совершенствование не только уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, но также и положений других отраслей российского законодательства: административного, налогового, таможенного, паспортно-регистрационного и т. д., несовершенство которых толкает некоторых законопослушных людей на совершение тех или иных правонарушений и преступлений. Ярким примером правонарушающего и криминогенного законодательства является законодательное установление неправомерного и неконституционного законодательного установления так называемого «паспортно-регистрационного режима» или «прописки» в советское время, напоминанием которого является нынешний режим «регистрации по месту временного пребывания или жительства».

Для предотвращения случаев произвольной законодательной криминализации поведения людей необходима научная разработка принципов криминализации различных деяний и законодательное их закрепление [8], установление контроля над процессом принятия уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных законов со стороны авторитетных ученых правоведов и представителей общественности, учет общественного мнения и положительного опыта правоохранительной деятельности органов государства.

Для правомерной и целесообразной криминализации тех или иных деяний необходимы тщательная разработка, установление и соблюдение некоторых важных правомерных критериев точного определения уголовно-правовых запретов и ограничений. В этой связи необходимо, чтобы разрабатываемые и официально принимаемые уголовно-правовые положения не противоречили непреходящей идее права [4] и ряду правоохраняемых духовно-нравственных ценностей и целей, каковыми являются достоинство и честь человека, его основные права и свободы. Во-первых, положения уголовного законодательства не должны противоречить общепризнанным принципам и нормам международного права и положениям основного закона — Конституции РФ. Во-вторых, положения российского уголовного законодательства должны быть внутренне согласованными и не противоречить положениям федерального законодательства. В-третьих, положения уголовного законодательства должны быть целесообразными и действенными, а также согласовываться с положительным опытом правоохранительных, судебных и пенитенциарных органов государства. Наконец, они должны совмещаться с общим уровнем правосознания, традиционного образа жизни российских граждан. Именно от этих объективных и субъективных критериев установления уголовно-правовых запретов и ограничений должна зависеть в основном разработка тех или иных стратегических и долгосрочных государственных планов по борьбе с преступлениями.

Когда законодатель решает принять решение о том или ином уголовно-правовом запрете, он обязан иметь перед собой определенную цель, сообразно которой предположительно будет

снижен уровень совершаемого конкретного вида преступлений в данном регионе с учетом его национально-бытовых особенностей или в государстве в целом. Он обязан иметь всю полноту сведений о социально значимом характере и сфере совершения определенных видов преступлений, масштабов их совершения и конкретных методов правоохрательного противодействия им. К примеру, он должен знать, что запрет на умыкание невест может быть нацелен в основном на те регионы, в которых этот неправомерный национальный пережиток не изжит, чтобы разработать все институционально-функциональные меры по пресечению данного вида преступлений.

Поскольку наша страна представляет собой федеративное государство, российские законодатели при установлении составов преступлений и соответствующих их наказаний обязаны учитывать также религиозные, этно-исторические и культурные особенности проживающих на ее территории национально-государственных образований народов и народностей. К примеру, действующие уголовные законодательства различных штатов США имеют свои существенные содержательные особенности. Более того, применение уголовного законодательства даже на индейских территориях США обладает значительной спецификой. Дело в том, что на этих территориях действует только исключительная юрисдикция США, и если, например, один индеец совершил преступление против личности или имущества другого индейца и был наказан по законам и обычаям данного индейского племени, то уже никто не вправе вмешиваться в это дело, в том числе федеральный центр [9].

Для повышения силы действия действующего российского законодательства, направленного на борьбу с преступностью, необходимы постоянный его мониторинг и экспертиза с целью выявления и устранения причин и условий, которые тормозят предупреждающее и исправительное действие уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. При этом должны учитываться многие параметры: психологические свойства личностей разных категорий, род их занятий, место и специфика их деятельности или работы, район и условия их проживания и т. д. Для проведения криминологических экспертиз закона необходима системная подготовка соответствующих научных кадров и специалистов: дипломированных и профессионально подготовленных правоведов, психологов, опытных педагогов, воспитателей и т. п., мнения которых должны быть учтены при разработке и принятии законов. По мнению некоторых авторитетных российских правоведов, в России даже «подготовка студентов-юристов во многом устарела и отстает от современных нужд» [6].

В заключение отметим, что только при изложенном выше комплексном (концептуальном, законодательном и практическом) подходе к решению проблем совершенствования действующего российского законодательства, в частности проблемы правомерной и целесообразной криминализации и декриминализации составов тех или иных законодательно предусмотренных правонарушений, можно существенно усилить процессы предупреждения преступности, а также сделать борьбу с преступностью более результативной и перспективной.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4 – М.: Мысль, 1983.
2. Мельник Н. И. Криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия коррупции: автореферат дисс. докт. юрид. наук. – Киев, 2002. – С. 45.
3. Криминология. Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М.: Норма. 2010. – 512 с.
4. Осипян Б. А. Трансформация права в закон: автореф. диссерт. кандид. наук. – М.: ИГПАН СССР, 1990.
5. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Юрист, 2006. – 144 с.
6. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. – М.: Юрист, 2013. – 352 с.
7. Parker H. The Limits of Criminal Sanction. – Stratford (Cal.), 1968.
8. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2002. – № 2.
9. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. – М.: Институт международного права и экономики, 2001. – 248 с.

Джахбаров Юсуп Алискандарович, к. ю. н., Председатель Дагестанской специализированной коллегии адвокатов, Вице-президент адвокатской палаты Республики Дагестан, тел. + 79640000019, e-mail: mushkam@inbox.ru

Махмудова Джамиля Махдиевна, помощник адвоката, Преподаватель Дагестанского государственного университета г. Хасавюрта, Дагестанская специализированная коллегия адвокатов, тел. +79674074392, e-mail: jamila0706@icloud.com

Jakhbarov Yu. A., Candidate of Science in Law, chairman of Dagestan specialized college of lawyers, vice-president the Dagestan Republic Bar chamber, phone: + 79640000019, e-mail: mushkam@inbox.ru

Makhmudova J. M., lawyer assistant, lecturer of Dagestan State University of Khasavyurt, Dagestan specialized college of lawyers, phone: +79674074392, e-mail: jamila0706@icloud.com

УДК 343; 316

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ТЕОРИИ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ CRIMINAL LAW AND POST-MODERNITY THEORIES

Н. А. Исаев
N. A. Isayev

Ключевые слова: постсовременность; уголовное право; теории общества; общество потребления; риск
Key words: post-modernity; criminal law; theories of society; consumer society; the risk

В статье представлен краткий обзор теорий постсовременного общества и их приложение к отрасли уголовного права. Автор останавливается на рассмотрении теорий общества риска, общества потребления и общества спектакля как теорий, наиболее наглядно демонстрирующих современные процессы трансформации в области права.

The article presents an overview of postmodern society theories and their application to the criminal law branch. The author focuses on consideration of the theories of a risk society, a consumer society and the society of the spectacle as theories the most vividly demonstrating the present time processes of transformation in the area of law.

Правовая теория и правовая реальность зависит от наших представлений об обществе и процессов, происходящих в нем. Данный тезис не нуждается в специальном обосновании. Однако вопрос о том, что представляет собой постсовременное общество, далеко не однозначен. Проблема глобализации является одной из составляющих, одним из процессов современного общества. При этом глобализация одних сфер общества параллельно сопровождается сегрегацией в других. Явно выраженные процессы глобализации отмечаются в экономической сфере, финансовой, информационных технологий, глобализируется организованная преступность, становясь транснациональной. Однако говорить о глобализации культуры, основанной на западноевропейской системе ценностей, в основе которой лежат принципы либеральной демократии, говорить вряд ли приходится, и более точным термином будет понятие культурной экспансии.

Рассматривая взаимосвязанный вектор проблем «глобализация — право» традиционно, исследователи анализируют паритет норм международного и национального законодательств, диффузию и имплементацию правовых норм, взаимовлияние правовых систем современности и т. д. Применительно к отрасли отечественного уголовного права проблема глобализации получает актуальность при рассмотрении следующего ряда проблем — это, как уже отмечалось, вопросы транснациональной организованной преступности, преступности, связанной с экстремистской и террористической направленностью, наркотрафик, торговля оружием, органами и людьми и вопросы киберпреступности.

Однако такой классический подход в рассмотрении вектора «глобализация и право» будет достаточно условным и одномерным. Глобализация — один из процессов современного общества, взятая и рассматриваемая изолированно от других процессов, она дает достаточно искаженный образ постсовременности. Выход из данной ситуации — обратиться к основным теоретикам общества постсовременности с целью иметь возможность наряду с процессом глобализации рассматривать другие не менее значимые процессы и особенности общества.

Профессор социологии Мюнхенского университета, один из ведущих социальных теоретиков Ульрих Бэк определяет общество как «общество риска». Он пишет, что в развитых странах современного мира постоянно наряду с общественным производством происходит производство рисков [3].

Риски в концепции У. Бэка распределяются по социальному принципу, то есть концентрируются в нижних социальных слоях. «По всей видимости, риски не упраздняют, а усиливают классовое общество. К дефициту снабжения добавляется чувство неуверенности и избыток опасности» [3]. Данный принцип распределения характерен и для стран, страны с низко развитой экономикой в большей степени подвержены рискам. По восприятию и рефлексии рисков, по мнению исследователя, формируются новые общества — «общества рисков». «Возникают новые общности и противостоящие им сообщества, чьи взгляды на мир, нормы поведения и действия группируются вокруг центров невидимой опасности», при этом классовое сознание заменяется осознанием рисков. Таким образом, производство и потребление рисков в работах У. Бэка выступает основным процессом, влияющим на постсовременность, по отношению к которым глобализация выступает вторичным фактором.

Французский философ Жан Бодрийяр формулирует свою концепцию общества как общество потребления: «Существует сегодня вокруг нас своего рода фантастическая очевидность потребления и изобилия, основанная на умножении богатств, услуг, материальных благ и составляющая род глубокой мутации в экологии человеческого рода. Люди в обществе изобилия окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления» [2].

Благодаря процессу потребления над людьми устанавливается социальный контроль. Так как предметы потребления — часть знаковой системы, и потребляются прежде всего знаки, то потребление, таким образом, представляет собой процесс манипуляции знаками посредством кода сигнификации. Все существовавшие социальные различия стираются, и выстраиваются новые, основанные на потребляемых знаках. Потребляемые знаки создают нашу идентичность, человек становится тем, что он потребляет. Код сигнификации у каждой группы свой, относясь к определенной группе, человек потребляет только те предметы, которые позволяет групповая принадлежность, осуществляя таким образом процессы контроля. Предметы утрачивают функцию полезности, а потребительская стоимость заменяется символической. Это символы престижа, благополучия, учености и другие, которые посредством потребления включаются в стремительный процесс символического обмена.

Символический обмен разрушает старые социальные порядки и формирует новые посредством контроля над кодом сигнификации, что успешно делается благодаря СМИ и в последнее время социальных сетей. Формирующаяся с помощью символического обмена реальность называется у Ж. Бодрийяра гиперреальностью, она отсылает одни символы к другим, но символы окончательно теряют связь с реальностью. Сегодня такую гиперреальность мы называем виртуальной. Общественное мнение, политические процессы по Бодрийяру происходят в пространстве гиперреальности, они ничего не отстаивают, не отражают и не борются за что-то реальное, а манипулируют в системе символического обмена, демонстрируя проявления символической власти.

Британский социолог Зигмунд Бауман называет общество, как и одноименную монографию, «текущая современность». «Жидкости легко перемещаются... Именно удивительная подвижность жидкостей связывает их с идеей «легкости»... Мы связываем «легкость» и «невесомость» с подвижностью и непостоянством... таковы основания для того, чтобы считать «текучесть» или «жидкое состояние» подходящими метафорами, когда мы хотим постичь характер настоящего, во многих отношениях нового, этапа в истории современности», — отмечает З. Бауман [1].

Ги Дебор развивает оригинальную концепцию «общества спектакля». Основные постулаты его теории достаточно оригинальны и просты: «Вся жизнь общества проявляется как необъятное нагромождение спектаклей... Спектакль одновременно представляет собой и само общество, и часть общества, и инструмент унификации общества... Спектакль — это не совокупность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами» [4]. По мнению Дебора, спектаклем и его частями являются политика, СМИ, культура, экономика. Товар — оружие спектакля, в то же время спектакль представляется как война товаров. Военный конфликт, спорт, преступность, сериалы — все это представляется как разыгрывание спектаклей. Театрализованность и игровой элемент отмечались многими авторами, начиная с И. Хейзинга «Человек играющий».

Таким образом, общество риска, общество потребления, текущая современность и общество спектакля — это ряд наиболее значимых аспектов в описании современного общества, которые наряду с процессом глобализации выделяют ведущие теоретики современности. Для интегрального описания социальных институтов и процессов указанные особенности необходимо как минимум учитывать.

На основе изложенного попытаемся дать характеристику права в условиях постсовременного общества на примере отдельно взятой отрасли уголовного права.

Общество риска, производство рисков непосредственно отражаются в уголовном праве в понятии общественной опасности деяния. Кодекс запрещает наиболее опасные для общества деяния посредством криминализации. Преступность в целом — это угроза для общества и его стабильности и в то же время актуализация потребности в защищенности и безопасности. Отражение преступности в СМИ непосредственно влияет на уровень ощущения риска, опасности вне зависимости от реальной угрозы. Постоянная угроза преступности и возможность ее регуляции дает свободу огромному рынку услуг по предоставлению безопасности «обществу потребления». Рынок по продаже безопасности — это и государственные структуры (вневедомственная охрана), и частные охранные предприятия, и возможность перераспределения бюджета, и содержание огромного количества силовых структур, где Россия занимает второе место в мире.

«Текущая современность» отражается в текучести и изменчивости правовых норм УК РФ. С 1 января 1997 года по настоящее время в около 190 федеральных законов внесены изменения и дополнения, появилось огромное количество новых норм уголовной ответственности с диффузной избыточной криминализацией. Диффузной она является в силу использования в диспозиции норм оценочных понятий. Все становятся потенциальными преступниками — это и так называемая уголовная ответственность за «лайки и перепосты», оскорбления чувств верующих и множество других.

Внутренняя структура норм уголовного права также становится текущей и неопределенной — это и «резиновые» санкции, многочисленные оценочные понятия, которые увеличиваются по мере внесения изменений. Так, например, невозможно найти ни научного, ни законодательного определения понятия порнографии, также как и определить что такое «чувства верующего». Правоприменительная практика идет здесь по пути назначения соответствующих экспертных исследований, то есть пытается провести легитимацию за счет якобы специальных познаний. Однако к специальным знаниям это относиться не может, так как нет научных дефиниций указанных понятий.

Наконец, концепция современного общества как «общества спектакля» говорит нам, что отрасль уголовного права представляет собой драматический социальный сценарий. Если шире подойти к проблеме, то мы увидим, что криминализация есть один из способов решения социальных проблем, при этом не самый лучший, а наоборот драматический, с персонификацией зла. Этот способ активно поддерживается и тиражируется СМИ, темы преступности всегда востребованы зрителями и актуальны, они занимают первые полосы газет и лучшее новостное время.

Представленный эскиз интегрального анализа отрасли уголовного права с позиций теорий постсовременности ни в коем случае не претендует на завершенность и полноту описания. Отбор теорий постсовременности субъективен и ограничен рамками статьи. Из теоретических концепций современного общества мы не затронули работы Н. Лумана, М.

Фуко, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и многих других. Их интеграция позволит значительно расширить поле исследования и наши представления.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Республика, 2006.
3. Бэк У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 21.
4. Дебор Ги. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000.

Сведения об авторе

Исаев Николай Алексеевич, д. ю. н., профессор кафедры уголовного права, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, e-mail: nikolajisaev@yandex.ru

Isayev N. A., Doctor of Law, professor of the chair of criminal law, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen the city of St. Petersburg, e-mail: nikolajisaev@yandex.ru

УДК 323.21

РЕПУТАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ THE REPUTATION SPACE OF THE REGIONAL POWER

Н. Н. Розанова
N. N. Rozanova

Ключевые слова: репутация; региональная власть; репутационное пространство; репутационное ядро
Key words: reputation; regional power; reputation space; reputation kernel

В статье рассматривается репутационное пространство как значимый аспект исследования репутации власти. Предложено авторское определение категории «репутационное пространство региональной власти». Представлена структура репутационного пространства: репутационное ядро – региональная власть как базисный субъект репутации, ближайшее к нему поле властных отношений – сфера взаимодействия с субъектами, обладающими властными полномочиями, и персональное многофакторное поле формирования репутации субъекта – носителя мнения о репутации власти, включающее весь комплекс личностных факторов, влияющих на репутацию. Приведены результаты социологического исследования, позволяющие эмпирически обосновать представление о репутационном пространстве региональной власти на примере Смоленской области, на основе изучения мнения как населения, так и представителей самой власти – государственных гражданских служащих органов исполнительной власти Смоленской области.

The article considers the reputation space as a significant aspect of the research of the power reputation. It offers the author's definition of the category «reputation space of the regional power». The structure of the reputation space is presented including a reputation kernel – the regional power as the basic subject of reputation, the next to it the field of the power relations – the sphere of interaction with the subjects possessing the power authority, and the personal multiple-factor field of formation of reputation of the subject – the carrier of opinion on reputation of the power, including all complex of the personal factors influencing the reputation. The article describes the results of the sociological research allowing to prove empirically the idea of the regional power reputation space on the example of Smolensk region, both from the population's point of view, and representatives of the power – the public civil servants of executive authorities of Smolensk region.

Становление современной демократии и развитие гражданского общества связаны с процессом выстраивания конструктивных партнерских отношений политических субъектов, что актуализирует задачу формирования высокого уровня доверия к институтам власти, сопряженного с категорией репутации власти. Существующая на сегодняшний день практическая модель репутационного менеджмента ориентирована в значительной степени на массовые коммуникации и манипулятивные технологии, происходит подмена репутации — рационального, оценочного мнения имиджем. В результате это может привести (и уже приводит) к созданию позитивного, но довольно поверхностного и неустойчивого пространства

псевдосотрудничества и лишить демократию реальной политической основы, предполагающей осознанное, свободное одобрение населением государственной политики, рациональную оценку деятельности власти. Существование репутации в пространстве общественного дискурса как социального представления, определяющего общественные предпочтения, позволяет в процессе ее изучения углубить понимание того, как формируется доверие к властным субъектам, определяются закономерности политического выбора граждан, оцениваются эффективность и надежность власти [1, 4]. На региональном уровне, в силу близости государственных органов к населению, проблема репутации власти приобретает особую актуальность.

Рассмотрим такой значимый аспект изучения репутации региональной власти, как ее репутационное пространство. Поскольку репутационное пространство окружает любой субъект как носителя репутации, нами допущено предположение о существовании особого коммуникативного репутационного социально-политического пространства, которое формирует целостную репутацию региональной власти. На основе подхода А. Ю. Багриной, предложившей модель «имиджевого пространства» [2], определим категорию репутационного пространства региональной власти как формируемый в результате коммуникативного взаимодействия комплекс циркулирующих в индивидуальном и массовом сознании репутаций разнообразных субъектов власти и общества и влияющих на них факторов. Репутация региональной власти при этом представляет собой некое ядро репутационного пространства как результат восприятия и соответствующей оценки целого ряда субъектов, входящих в поле взаимодействия власти и общества. Оно испытывает влияние разнообразных факторов, определяемых персональными особенностями личности, жизни и деятельности каждого человека (персональные факторы формирования репутации).

Наиболее значимым субъектом репутационного пространства региональной власти является, прежде всего, репутация российской власти других уровней — федеральной и муниципальной. Особую роль в качестве новой модели сетевого партнерства во взаимодействии граждан и государства в последнее время приобретают многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг [3], поэтому мнение граждан об их деятельности становится существенным элементом репутационного пространства.

Также, исходя из особенностей близкого восприятия различных властных институтов (в том числе с учетом уровня политической культуры населения), предположительно существенное влияние на нее репутации субъектов, не относящихся к государственным органам, но обладающих определенными властными полномочиями. Например, репутация государственных и муниципальных учреждений, банков, коммерческих организаций и др., от которых в той или иной степени зависит жизнь и благосостояние граждан (Пенсионного фонда, жилищной управляющей компании, медицинского учреждения и т. п.), может существенным образом отразиться на целостном восприятии репутации региональной власти.

Такие значимые персональные факторы, как социальный статус, материальное положение, профессиональная принадлежность, активность / пассивность жизненной позиции, личностные ценностные установки и т. д., также оказывают влияние на репутацию власти.

Итак, репутационное пространство региональной власти включает репутационное ядро — региональную власть как базисный субъект репутации, ближайшее к нему поле властных отношений — сферу взаимодействия с субъектами, обладающими властными полномочиями, и персональное многофакторное поле формирования репутации субъекта — носителя мнения о репутации власти, включающее весь комплекс личностных факторов, влияющих на репутацию (рис. 1).

Представим некоторые аспекты изучения репутационного пространства региональной власти на примере Смоленской области (грант РГНФ «Технология формирования позитивной репутации региональной власти» № 14-03-00549 а, 2014–2015 гг.). Его изучение не входило в задачи исследования, но мы попытались определить, насколько само предположение о его наличии подтверждается эмпирическими данными. В частности, была выявлена взаимозависимость репутаций основных уровней российской власти (федеральная, региональная, муниципальная власти). Выявлялось мнение о репутации населения и

государственных гражданских служащих (ГГС) органов исполнительной власти Смоленской области. Представлены результаты анкетирования населения (январь 2014 г., 305 респондентов; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная по полу, возрасту, территории проживания) и госслужащих (июнь 2014 г., 127 респондентов; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная по категориям должностей ГГС) [4].

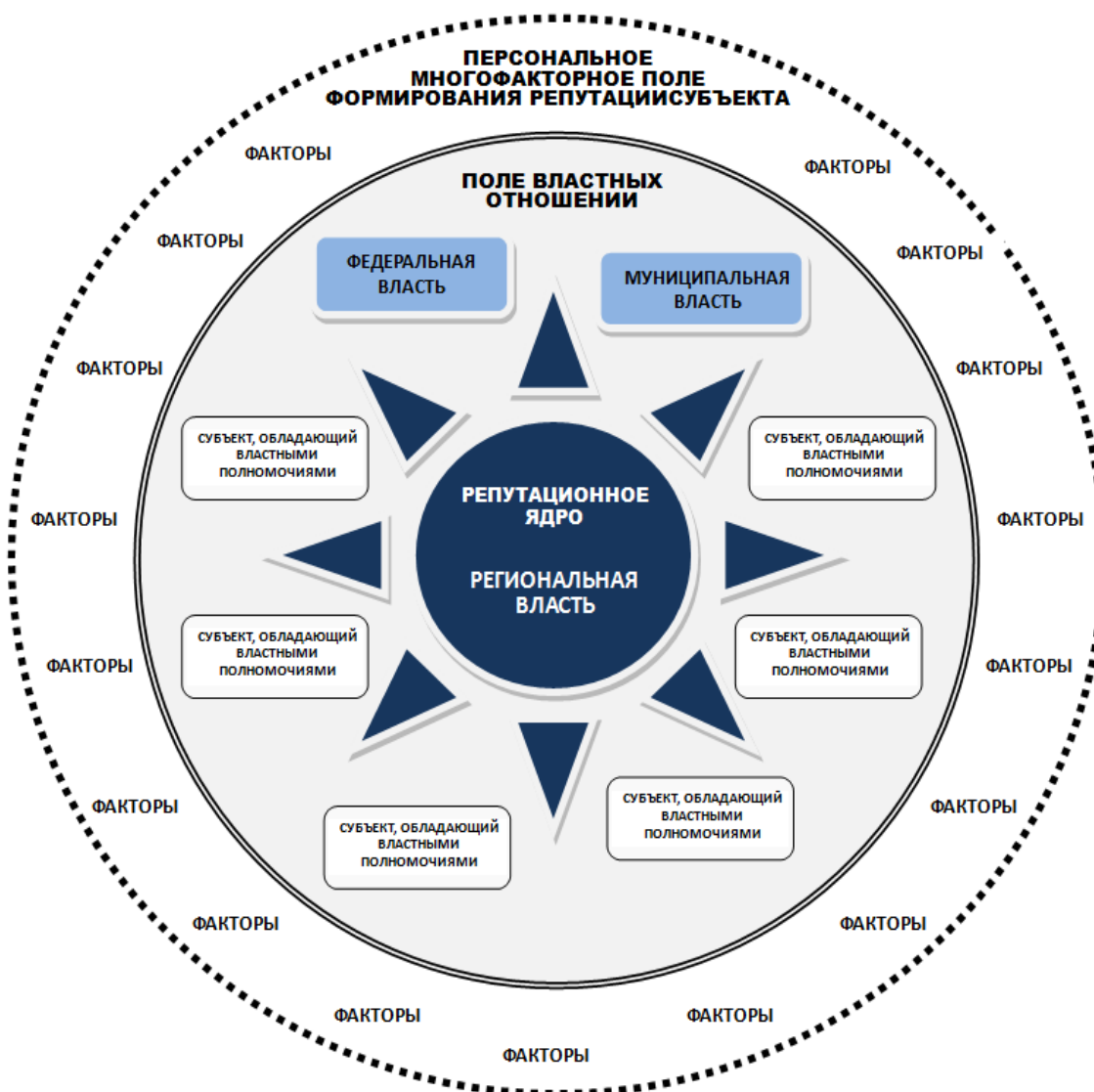

Рис. 1. Репутационное пространство региональной власти

Для установления прямой взаимозависимости репутаций респондентам были заданы вопросы: «Лично для Вас репутация всей российской, областной государственной, муниципальной власти зависит, прежде всего, от мнения о деятельности...». Было предложено четыре варианта ответов: «федеральной власти, областной, муниципальной, всех уровней власти в равной степени». Результаты для уровня региональной (областной государственной власти) представлены на рисунке 2.

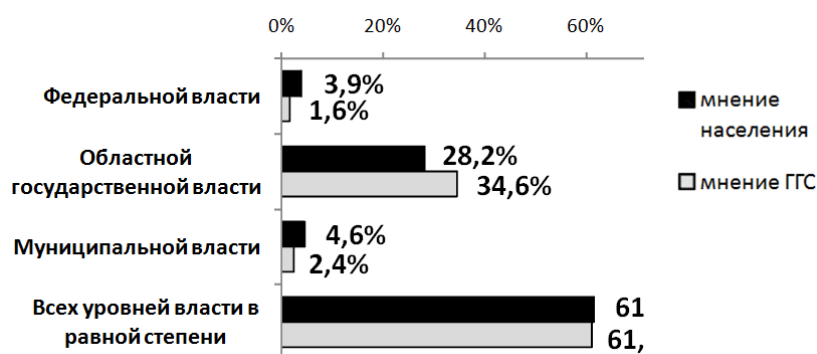

Рис. 2. Зависимость репутации региональной власти от мнения о деятельности различных уровней власти

Для большей части респондентов репутация региональной власти в равной степени зависит от мнения о деятельности и федеральной, и областной, и муниципальной властей при определенном преобладании роли региональной власти. Именно эти данные позволили сделать вывод о наличии репутационного пространства региональной власти, поскольку ее репутация зависит от репутации других уровней власти. Для трети населения и госслужащих репутация областной власти зависит исключительно от нее самой, что делает региональную власть ядром репутационного пространства.

Принципиальная зависимость репутации от мнения о деятельности власти всех уровней сохраняется также для репутации всей российской и муниципальной властей. При этом в репутационном пространстве российской власти в качестве репутационного ядра можно выделить федеральную власть (16,2 % — население и 21,3 % — ГГС), для муниципальной власти — соответственно, муниципальную власть (39 и 34,6 %). Обратим внимание, что чем ближе уровень власти к населению, тем ярче проявляется этот уровень в качестве репутационного ядра.

Наличие персонального многофакторного поля, влияющего на репутацию региональной власти, было выявлено на примере нескольких факторов в контексте изучения источников ее формирования. Например, почти для 10 % населения и 17 % госслужащих решающим источником является «личная успешность, положение в обществе». Также, на наш взгляд, принципиальным свидетельством высокой роли репутационного пространства является преобладание такого источника формирования репутации, как «оценка общего положения дел в городе, селе, области» (данный источник выбрало большинство: 38,7 % — население и 37 % — ГГС).

Таким образом, репутационное пространство региональной власти определяется не только собственно ее репутацией, но и зависит от общего репутационного контекста, складывающегося при взаимодействии репутаций различных субъектов и факторов, определяющих их развитие (репутационной циркуляции). Следовательно, необходима самостоятельная деятельность по формированию позитивной репутации отдельных органов власти и должностных лиц и оптимизация репутационного социально-политического пространства региона в целом. Репутация всей российской власти требует реализации единой целенаправленной политики в области репутационного менеджмента каждого уровня власти, с учетом его особой роли как репутационного ядра.

Формирование оптимального для прогрессивного общественного развития репутационного пространства «власть — общество» направлено на создание атмосферы доверия на основе свободы выбора ключевых субъектов, добровольного обмена предложениями, ценностями, идеями, информацией, знаниями, программами и т. п., дающими конструктивный социальный эффект. В итоге такого сотрудничества государство, граждане, социальные группы, институты учатся «жить вместе» и эффективно управлять общественными отношениями.

Список литературы

1. Трубецкой А. Ю. Категория репутации в социально-политической коммуникации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2006. – 47 с.
2. Багина А. Ю. Имидж политических институтов в современной России: Концептуальные модели, методы исследований и технологии продвижения: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2005. – 214 с.
3. Мироненко Н. В. Многофункциональные центры как модель сетевого партнерства предоставления государственных и муниципальных услуг // Государственное управление. Электронный вестник. – Август 2012. – Выпуск № 33 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk__33_avgust_2012_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/mironenko.pdf (дата обращения: 17.03.2016).
4. Официальный сайт проекта «Репутация региональной власти» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smolvlast.ru> (дата обращения: 18.03.2016).

Сведения об авторе

Розанова Нина Николаевна, к. п. н., доцент кафедры управления факультета экономики и управления, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, тел. 89092570975, e-mail: roznina@yandex.ru

Rozanova N. N., Candidate of Science in Pedagogy, associate professor of the chair of management, the faculty of economics and management of Smolensk State University, phone: 89092570975, e-mail: roznina@yandex.ru

УДК 321.01

ИДЕЯ НАЦИОНАЛИЗМА В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ
THE IDEA OF NATIONALISM IN THE WORKS OF THE RUSSIAN THINKERS

А. В. Соломатин
A. V. Solomatin

Ключевые слова: нация; национализм; патриотизм; родина; национальная идея; национальное обособление
Key words: nation; nationalism; patriotism; birthplace; national idea; national differences

В статье изложены результаты теоретического анализа идеи национализма в трудах выдающихся российских мыслителей XIX–XX вв. Проводится сравнительная характеристика взглядов различных авторов на национальную идею, патриотизм и национальное обособление. Делается попытка выявить наиболее актуальные для современного российского общества проблемы национального самоопределения.

The article presents the results of the theoretical analysis of the nationalism idea in the works of prominent Russian thinkers of the XIX–XX centuries. A comparative characteristic of the various authors' views on the national idea, patriotism and national isolation is presented. An attempt is made to identify the most relevant for the modern Russian society problem of national self-determination.

Одна из основных задач, которую поставил перед государством нынешний президент Владимир Путин, придя к власти, — задача формирования национальной идеи в России. А его недавнее выступление по телевидению уже конкретизировало данную задачу: В. Путин высказался о том, что у России нет другой национальной идеи, кроме патриотизма.

Очевидно, что национализм как идеология — сравнительно недавнее явление, он возник именно в связи со становлением нации. По мнению некоторых политологов, национализм как идеология возник во Франции конца XVIII в. Так, Б. Андерсон считает, что условием для распространения национализма стало появление печати, в результате чего возникла возможность синхронизации мыслей и чувств большого числа людей. Как и всякая идеология, национализм с самого начала выполнял политические задачи, возникавшие в процессе строительства нации и обретения ее суверенитета.

Национальная идея в России стала объектом научного внимания и серьезной научной полемики, начиная с конца XIX века. Так, труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому» вызвал не только жаркие идеологические споры в научных кругах, но и привел к обвинению автора в национализме со стороны научных критиков. Многие ученые восприняли призыв Данилевского к национальному самоопределению России за желание автора противопоставить славянский мир романо-германскому. Иными словами, понятие «национализм» может по-разному трактоваться в зависимости от того, какую цель преследует автор высказывания, используя его: показать превосходство своего народа над остальными либо найти его преимущества для дальнейшего развития и процветания.

Мы попробовали найти истоки данной политической проблемы и ее дальнейшее развитие в трудах отечественных мыслителей XIX–XX веков. Идею национализма мы попытались раскрыть, опираясь на труды исконно русских, православных философов и правоведов, чьи труды заложили основы философского и политологического видения национализма вообще. К данной плеяде ученых, на наш взгляд, относятся такие авторы, как И. А. Ильин, Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Ф. И. Достоевский и другие.

Идею национализма в России следует начинать со взглядов Ивана Ильина на нацию и патриотизм. По этому поводу ученый высказывается следующим образом: «Проблема истинного национализма разрешима только в связи с духовным пониманием родины: ибо национализм есть любовь к духу своего народа и, притом, именно к его духовному своеобразию. Тот, кто говорит о родине, понимает духовное единство своего народа» [5]. И. А. Ильин понимал под словом «Родина» нечто единое для многих, то, что объединяет всех своих сынов «нитью живой связи». При этом данная связь, по мнению Ильина, сохраняется даже тогда, когда кто-то пренебрегает ею, не развивает ее и совсем не думает о ней: она объективна. И. А. Ильин пишет: «Но для того, чтобы найти свою родину и слиться с нею чувством, и волею, и жизнью необходимо осуществить в себе патриотическое самосознание или хотя бы верно «почувствовать» себя и свой народ в духе. Надо верно ощутить — свою духовную жизнь и духовную жизнь своего народа...». На практике это выражается в принятии своего национального языка, своей истории, своего государства, своего национального фольклора, своей религии и исторического мирозерцания как своих собственных [5].

В таком гармоничном слиянии патриота с его родиной и происходит рождение истинной национальной идеи, или плодотворной идеи национализма как созидающей собственную национальную культуру, а не попирающей культуру иного народа. «На этом пути, — считает И. А. Ильин, — любовь к родине соединяется с верою в нее, с верою в ее призвание, в творческую силу ее духа, в тот грядущий расцвет, который ее ожидает» [5]. Однако, как считает философ, настоящий патриот не только слепо верит в духовные силы своего народа, но и замечает его соблазны, слабости и несовершенства: «Любить свой народ — не значит льстить ему или утаивать от него его слабые стороны, но честно и мужественно выговаривать их и неустанно бороться с ними» [5]. При этом И. А. Ильин уточняет тот момент, что одним из соблазнов национализма является стремление оправдывать свой народ во всем и всегда, преувеличивая его достоинства и перекладывая всю ответственность за совершенные ошибки на иные враждебно настроенные силы. Здесь, по мнению Ильина, необходимо вырабатывать в народе чувство ответственности и не освобождать его от трезво-критического самопознания: «...путь к обновлению ведет через покаяние, очищение и самовоспитание» [5].

Далее И. А. Ильин говорит о национальной гордости и подчеркивает, что она «не должна вырождаться в тупое самомнение и плоское самодовольство; она не должна внушать народу манию величия» [5]. Настоящий патриот, по его мнению, учится на политических, исторических, хозяйственных и социокультурных ошибках своего народа: «Кто постиг духовную силу своей родины и проследил через историю пути и судьбы своего народа, тот должен был увидеть и установить пределы и опасности национальной души. Смеет ли он молчать о них?» [5]. Ответ очевиден: мы должны научиться замечать и критиковать свои ошибки и искать причины своего поражения. Иными словами, Иван Ильин призывает народ к национальной трезвости и творческому самопознанию, которое позволяет достигнуть этому

народу духовного единства. Такова, по мнению ученого, идея родной нации. Тот, кто не познает ее, обречен на духовное сиротство и безродность: «Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к освященным огням жизни, ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны...» [5].

Безусловно, И. А. Ильин не обходит стороной и вопросы национального обособления, взаимной ненависти народов и их взаимного культурного непринятия, считая этот процесс болезненным, уродливым и извращенным проявлением национализма. Такой национализм «совершенно не касается духовно здоровой любви к своему народу» [5]. Можно сравнить в данном случае идею национализма с верой в Бога, которая может проявляться как в форме истинной веры, созидающей и всепрощающей, так и в форме фанатизма, опасного своим безумством на пути к истине.

Следующим, не менее выдающимся теоретиком национализма и национальной самобытности выступил Н. Я. Данилевский, опубликовавший в 1869 году свой знаменитый труд «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому». В данном произведении ученый стремился привлечь внимание к проблеме своеобразия и неповторимости национального бытия, проблеме, обходимой стороной социальной мыслью того времени. В модернизирующейся России теория исторических циклов Данилевского приобрела острое политическое звучание, а сам автор был обвинен в национализме. Критика, завязанная на политических событиях того времени, в основном увидела поверхностный слой книги, не обратив внимания на ключевую идею — идею национальной самобытности народов — культурно исторических типов, составляющих культурное ядро цивилизации. Его теория культурно-исторических типов выступила как первое целостное, системное учение о нации, ее сущности и признаках.

Согласно Н. Я. Данилевскому, культура есть объективация национального характера, то есть психических особенностей этноса, задающих видение мира [7]. Достаточно любопытным является различение культурно-исторических типов (наций) в структурно-содержательном плане, что позволило Данилевскому выявить определенное единство статического и динамического аспектов типа. В идеальном плане, отмечает Данилевский, культура (культурная деятельность) структурируется на четыре разряда: 1) религиозная деятельность как твердая народная вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека; 2) культурная деятельность в узком смысле слова, включающая отношение человека к внешнему миру в форме науки, искусства и промышленности; 3) политическая деятельность, включающая отношение людей между собой как членов одного народного целого; 4) общественно-экономическая деятельность, включающая отношение людей к условиям пользования предметами внешнего мира [4]. При этом в третьем законе эволюции культурно-исторических типов Данилевский четко подмечает, что «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций» [4]. Иными словами, должен соблюдаться принцип суверенности нации в целях сохранения ее самобытности и неповторимости в рамках мировой цивилизации. В этом и заключается идея национализма по Данилевскому.

Несмотря на некое отличие в подходах И. Ильина и Н. Данилевского к анализу национализма, мы замечаем одно существенное, объединяющее их сходство во взглядах: они оба рассматривают национализм как необходимый и достаточный фактор культурного, духовного единства нации, ее самобытности, но никак не внешней экспансии и национального превосходства одной нации над другой. «Ни одна цивилизация, — пишет Н. Я. Данилевский, — не может гордиться тем, чтоб она представляла собой высшую точку развития в сравнении с другими» [4]. Каждый культурный тип (или нация) вносит свои плоды в общую сокровищницу человечества, и в этом единстве многообразия и осуществляется прогресс, согласно ученому.

С. Н. Булгаков рассматривал национальный вопрос как вопрос в первую очередь метафизический. Лишь трактуя нацию как категорию метафизическую, можно понять ее природу и идею: «Нация есть не как коллективное понятие или логическая абстракция, но как творческое живое начало, как духовный организм, члены которого находятся во внутренней

живой связи с ним» [1]. Согласно Булгакову, национальность не является продуктом человеческого творчества, ее нельзя придумать или сознательно создать. Национальность осознается лишь постфактум и лишь как данность поддается рефлексии. Но и сама эта рефлексия должна носить интуитивный, мистический характер, так как истинная сущность нации трансцендентна, она есть ноумен [8]. Из чувства национальной соборности, из чувства единства со своим народом и любви к нему рождается, согласно автору, вера в народ, а значит, в его призвание. Так, по Булгакову появляется национальный мессианизм, свойственный всем народам в пору их национального подъема. Мессианизм — неотъемлемая часть народной жизни, но в нем кроется и большая опасность — национализм. Идея избранности может легко вырождаться в идею исключительности и превосходства, хотя должна приводить лишь к большей ответственности [8].

При этом С. Н. Булгаков пытается развести национализм и патриотизм, высказав идею о том, что «Национальное чувство нужно всегда держать в узде, подвергать аскетическому регулированию и никогда не отдаваться ему безраздельно. Идея избрания слишком легко вырождается в сознание особой привилегированности, между тем как она должна родить обостренное чувство ответственности и усугублять требовательность к себе. Одним словом, национальный аскетизм должен полагать границу национальному мессианизму, иначе превращающемся в карикатурный, отталкивающий национализм.

Однако, идя далее в этом направлении, мы наталкиваемся на своеобразную трудность. Дело в том, что национальность не только необходимо смирять в себе, но в то же время ее надо и защищать, ибо в этом мире все развивается в противоборстве. И насколько предосудителен национализм, настолько же обязателен патриотизм» [1]. Поскольку преуспевание нации и ее безопасность во многом зависят от благополучия того государства, в составе которого эта нация существует, то, как утверждает Булгаков, необходим здоровый национально-государственный эгоизм. А так как этот национальный эгоизм служит национально-государственному самосохранению, то он «неизбежно становится руководящей нормой политики, политической добродетелью» [1]. Таким образом, Булгаков считает ложью космополитизм, отрицающий национальность под предлогом духовного единства человечества, и национализм, который извращает иерархию ценностей, утверждая приоритет родовой принадлежности над духовным единством [1]. Человечество есть продукт органического развития наций. «Гражданство мира, всечеловечность совсем не есть упразднение нации, напротив, это есть ее высший возраст» [2], — утверждает Булгаков.

Весьма оригинальную позицию в отношении национального вопроса и национализма занял русский писатель и общественный деятель Ф. И. Достоевский — последовательный русский националист [3]. Национальное для Ф. И. Достоевского есть высшая ценность в социально-политической сфере: «идея почвы, национальностей есть точка опоры; Антей. Идея национальностей есть новая форма демократии» — отмечал писатель в записной книжке 1863–1864 гг. В то же время Ф. И. Достоевский противопоставлял национализму «всечеловечность», считая, что русские призваны бескорыстно служить другим народам. Это противопоставление стало частью русской культуры, частью коллективного бессознательного.

С идеями Ф. И. Достоевского во многом перекликаются и взгляды русского философа, автора теории Всеединства В. С. Соловьёва, видевшего в нации воплощение воли Провидения, предначертавшего каждой части человечества свою миссию: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [9]. В. С. Соловьёв отмечает, что в полемике о национальной самобытности русского народа забывалось главное, что в отличие от Германии Россия, по крайней мере с Петра Великого, — империя, а потому полиэтническая страна, что русские — явление многосоставное, возникшее из скрещения многих народов. Поэтому и сам национальный вопрос не может трактоваться в России однозначно и односторонне.

По мнению Соловьёва, первоначально слово национализм не имело современного смысла, принадлежа к английской политической терминологии, где оно обозначало стремления ирландцев к автономии. В общем значении оно стало употребляться преимущественно в русской литературе, с начала 80-х годов. Как отвлеченный принцип, национализм основан на

ложном разделении того, что в действительности неразрывно соединено. «Все, что производилось ценного в истории, имело всегда троякий характер: 1) личный, 2) национальный и 3) универсальный. Всякое историческое творчество коренится в личных силах и дарованиях, обуславливается национальной средой и приводит к результатам всечеловеческого значения» [10].

В. С. Соловьёв, боровшийся с идолопоклонством во всех его видах, самым страшным идолом России считал национализм [6]. Если народность становится «безусловною и окончательною целью, высшим благом и мерилем добра для человеческой деятельности», то такой национализм есть проявление эгоизма нации. Что может явиться тем нравственным ориентиром, который поможет национальному сознанию освободиться от болезни национальной исключительности? По мнению В. С. Соловьёва, нравственные ориентиры национальному бытию задает христианство. Если высший нравственный идеал христианства требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя, а люди не существуют вне национальности, то «прямой логический вывод отсюда есть тот, что мы должны любить все народности, как свою собственную» [9].

Как видно из приведенных нами в статье позиций различных авторов в отношении национализма, данную категорию нередко используют как средство манипуляции сознанием людей. Национальный вопрос — это то, что не поддается строгим экономическим расчетам, не может быть безошибочно эмпирически измерено и представлено как неоспоримый факт, а, следовательно, может быть интерпретировано по-разному, в зависимости от преследуемой политиком цели: благородной (воодушевить народ на дальнейшее развитие и творческие достижения в национальной сфере) либо меркантильной (сформировать образ внешнего врага и толкнуть свой народ на безумное противостояние другим народам с целью получения, прежде всего, экономического превосходства над этими народами). Ведь на самом деле никто не властен над сознанием людей и их волей. И, завоевав тот или иной народ и навязав ему ту или иную религию, никто не в силах изменить его взгляды на мир, его мировоззрение до такой степени, чтобы он перестал быть самим собой, изменил свою внешность и свои привычки: в китайских кварталах Америки люди, как и у себя на родине, едят экзотическую еду и проводят церемонии чаепития, лечатся сухими жабами и женьшенем. Следовательно, они не ассимилировали полностью, не растворились в массе «цивилизованных» американцев. То же наблюдалось и в советской России: народы, жившие в СССР, не забыли родной язык, не перестали готовить национальную еду и соблюдать национальные обряды, они лишь приобрели опыт научного и межкультурного взаимодействия.

Можно сделать следующий вывод: национализм и национальная идея — это мощный фактор роста каждого народа, стимулирующий человека на вечный поиск научной и духовной истины для себя. Национализм как научная парадигма позволяет человеку выбрать правильное направление своего научного поиска, позволяет не потеряться в потоке информации. Утрата национальной самобытности и идентичности грозит нам превращением в аморфную однородную массу, способную лишь на воспроизводство потомства, и нежеланием выделяться из толпы. А СМИ как мощный канал пропаганды поможет сделать из нас безликих потребителей на безликом рынке.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Размышления о национальности // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т., Т. 2, — М.: Наука, 1993. — 587 с.
2. Булгаков С. Н. Нация и человечество // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т., Т. 2, — М.: Наука, 1993. — 686 с.
3. Был ли Достоевский русским националистом? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newsland.com/user/4297686316 /content/byl-li-dostoevskii-russkim-natsionalistom/4257129> (дата обращения: 01.03.2016).
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. — М., 1991. — 574 с.
5. Ильин И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. — М.: ООО «Издательство АСТ, 2003. — 365 с. — (Философия. Психология).

6. Кантор В. К. Владимир Соловьёв о соблазне национализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2012/04/26/1250911427/Pages%.pdf> (дата обращения: 01.03.2016).
7. Миненков Г. Я. Введение в историю российской социологии / Рец.: Ю. Н. Давыдов, В. В. Танчер. – Мн.: ЗАО «Экономпресс», 2000. – 343 с.
8. Проблема национальности в философии Булгакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lubovbezusl.ucoz.ru/publ/ljubov/ljubov_k_rodine/problemy/8-1-0-140 (дата обращения: 01.03.2016).
9. Соловьёв В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В. С. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 565 с.
10. Соловьёв В. С. Национализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/be/n/na0002.htm>.

Сведения об авторе

Соломатин Александр Васильевич, аспирант кафедры политологии Института истории и политических наук, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, тел. 89088772467, e-mail: creative1989@rambler.ru

Solomatin A. V., postgraduate of the chair of political science, Institute of History and Political Science, Tyumen State University, phone: 89088772467, e-mail: creative1989@rambler.ru

УДК 342.8

ПРОПОРЦИОНАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И АЗЕРБАЙДЖАН PROPORTIONAL ELECTORAL SYSTEM — INTERNATIONAL EXPERIENCE AND AZERBAIJAN

Халил-заде Фуад Афган
Khalil-zadeh Fuad Afghan

Ключевые слова: голосование; пропорциональная система представительства
Key words: voting; proportional representation system

С создания общества индивидуумы, живущие на определенной территории, старались участвовать в управлении и принятии решений. Во всем мире участие в политической жизни общества и государства считается фундаментальным правом человека. Азербайджанская Республика является независимым государством, частью современного мира в определенной географической области, поэтому избирательная система должна быть в соответствии с международно-правовой системой. Автор затрагивает избирательную систему, опыт зарубежных стран, анализ избирательного процесса в продвижении позитивных аспектов реализации законодательства — все то, что является научной основой для имплементации Азербайджанского законодательства.

Since creation of a society the individuals living in the area of a certain territory have been trying to make decisions in governance and in the decision-making process. All over the world to participate in the political life of society and the state is considered a fundamental human right. Azerbaijan Republic is an independent state and a part of the modern world in a certain geographic area; therefore it is natural that the current electoral system should be compatible with the international legal systems. The main point of this article is that the author touches upon the electoral system, the experience of foreign countries, the analysis of the electoral process in promoting the positive aspects of legislation realization, which is a scientific basis for Azerbaijan legislation implementation.

Пропорциональная избирательная система — одна из разновидностей избирательных систем, применяемых на выборах в представительные органы. При проведении выборов по пропорциональной системе депутатские мандаты распределяются между списками кандидатов пропорционально голосам, если эти кандидаты преодолели процентный барьер.

Пропорциональная избирательная система — способ определения результатов голосования, в основу которого положен принцип распределения мест выборных органов пропорционально полученному каждой партией или списком кандидатов количеству голосов.

Впервые пропорциональная система была применена в Бельгии в 1884 г. В настоящее время используется в 57 странах, в том числе в Израиле, Австрии, Дании, Швеции, Нидерландах [1].

Отличительные черты пропорциональной системы:

- строгое соответствие количества голосов на выборах представительству в парламенте;
- акцент на представленности различных групп населения в органах власти;
- наличие многомандатных округов;
- голосование на основе партийных избирательных списков;
- справедливый характер, так как отсутствуют проигравшие или потерянные голоса.

Существует 2 основных типа пропорциональной системы: 1) пропорциональная система партийных списков; 2) пропорциональная система передачи голосов.

Пропорциональная система партийных списков. Ее особенность заключается в наличии многомандатных округов (в роли округа может выступать вся территория государства) и формировании партийных списков как способа выдвижения кандидатов. В результате конкурентами на выборах являются не отдельные кандидаты, а политические партии. Избиратели голосуют за партию, то есть за ее партийный список весь сразу, притом что он создавался без их участия [4].

Мандаты распределяются между партиями в соответствии с общим количеством голосов, полученных по всему избирательному округу. Технически механизм распределения мандатов следующий: сумма голосов, отданных за все партии, делится на количество мест в парламенте. Полученный результат является «избирательным метром», то есть числом голосов, необходимых для получения одного места в парламенте. Сколько раз этот метр уложится в число голосов, полученных партией, столько мест она получит в парламенте. Чтобы не допустить в парламент экстремистские партии, а также избежать партийной раздробленности и неэффективной парламентской деятельности, устанавливается процентный порог. Преодолевшие его партии допускаются к распределению мест, остальные исключаются. На Украине барьер составляет 4 %, в России — 5 %, в Турции — 10 %.

Пропорциональная система передачи голосов (Ирландия, Австралия) [2]. В отличие от системы партсписков, где голосование осуществляется за партии, данная система дает возможность избирателю выбирать еще и между кандидатами от партии, которую он поддерживает. Кандидаты, набравшие достаточное количество голосов, объявляются избранными; лишние голоса, отданные за них, передаются кандидатам, набравшим голоса. Такая система справедлива по отношению к избирателям, учитывая мнение всех.

Государственная власть в Азербайджанской Республике организована по принципу разделения власти. В соответствии с концепцией традиционного разделения власти исполнительная власть принадлежит Президенту Азербайджанской Республики, законодательная — парламенту, Милли Меджлису Азербайджанской Республики, судебную власть осуществляют независимые суды.

Законодательную власть в Азербайджанской Республике претворяет в жизнь Милли Меджлис Азербайджанской Республики [3]. Милли Меджлис Азербайджанской Республики состоит из 125 депутатов, которые избираются на основе мажоритарной избирательной системы и всеобщих равных и прямых выборов путем свободного, личного и тайного голосования.

Выборы в Азербайджане проходят в свободной форме. Гражданин может как прийти на выборы, так и не приходить на них. Это его право, а не обязанность. Но в некоторых государствах люди, которые не приходят на выборы, штрафуются. А если такие случаи продолжают, то на это смотрят как на преступление. В Азербайджане в этом нет нужды, так как граждане Азербайджана политически активны.

«До 2002 года в Азербайджане применялись пропорциональная и мажоритарная избирательные системы [5]. Мажоритарная избирательная система более приемлема для избирательной среды Азербайджана. Пропорциональная избирательная система опиралась на список партий, в этом случае гражданин голосовал за партийный список, то есть иногда за того, кому не хотел бы отдавать свой голос. В мажоритарной избирательной системе гражданин голосует непосредственно за кандидата.

Список литературы

1. Andrew Reynolds, Ben Reilly and Andrew Ellis. Electoral System Design: the New International IDEA Handbook. Stockholm, Sweden. – 2005. – P. 224.
2. Michael Gallagher and Paul Mitchell. The Politics of Electoral Systems. Oxford University Press. 2008. p.672
3. Алибейли Г. С., Правовые основы выборы в Милли Меджлис. – Баку, 2000. – С. 25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sheiko28.narod.ru/index/0-85>
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.apa.az/news/252309>

Сведения об авторе

Халил-заде Фуад Афган, аспирант II курса кафедры политологии и социологии, Бакинский государственный университет, г. Баку, тел. +994703356500, e-mail: halifa@gmail.com

Khalil-zadeh Fuad Afghan, postgraduate of the chair of political science and sociology, State University of Baku, phone: +994703356500, e-mail: halifa@gmail.com

УДК 32.001

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ
В РАКУРСЕ НОРМОТВОРЧЕСТВА
PATRIOTIC UP-BRINGING IN POST-SOVIET RUSSIA FROM
THE VIEW OF REGULATORY FRAMEWORK**

С. А. Шестаков, Д. А. Павлов
S. A. Shestakov, D. A. Pavlov

Ключевые слова: идеология; воспитание; патриотизм; нормативная база
Key word: ideology; up-bringing; patriotism; regulatory framework

В статье рассмотрены некоторые теоретические аспекты проблемы российского патриотизма. Изложена краткая история формирования нормативной базы патриотического воспитания в России. Сделан вывод о доминировании патриотических идеологем в период президентства В. Путина.

The article deals with some theoretical aspects of Russian patriotism issues. A brief history of the formation of the regulatory framework of patriotic up-bringing in Russia has been presented. The conclusion has been drawn about the dominance of patriotic ideological patterns during the presidency of Vladimir Putin.

Слово «патриот» — греческого и латинского происхождения (patria — отечество, земля отцов, родина). Одну из наиболее емких характеристик слова «патриот» дает словарь Даля: «Патриот — любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб» [3]. Философский словарь под редакцией академика Фролова дает следующее определение патриотизму: «Патриотизм — нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины» [14].

Таким образом, патриотизм — это любовь к Родине, преданность Родине. Патриотизм является имманентным, органическим качеством любого нормального духовно здорового народа, собирающегося не погибать, а продолжать жить.

С чего же следует начинать отсчет российского патриотизма, какова та историческая веха, которая положила начало нашей Родине — России? Ответ на этот вопрос является онтологически важным, поскольку вокруг данного вопроса непрерывно возникают спекуляции идеологического и пропагандистского характера; ответ на данный вопрос является той точкой отсчета, с которой начинается выстраивание той или иной политико-идеологической парадигмы. До «эпохи реформ» точкой отсчета исторической жизни нашей страны полагался «Октябрь семнадцатого года»; в постсоветский период часто в системе пропаганды за точку отсчета при-

нимается возникновение в 1991 году «обновленной России». В системе пропаганды сложилась порочная практика замазывания той очевидной истины, что история нашей Родины насчитывает более тысячи лет. Сложившийся национальный миф, устоявшаяся национальная традиция и, прежде всего, исторические факты указывают нам, что отсчет российской государственности следует начинать с 988 года, со времени крещения Руси в Киеве святым равноапостольным князем Владимиром. Можно в порядке дискуссии говорить о более ранних или более поздних датах возникновения государственности на Руси, однако именно крещение на Днепре является знаковой традиционной вехой оформления российской государственности, положенной в основу традиционной национальной мифологии, которая, в свою очередь, лежит в основе традиционной российской идеологии.

В основе идеологии дореволюционного, досоветского патриотизма лежали базовые принципы традиционного общества, имеющие свои корни в религиозном общественном сознании, которые выражались во всем понятной формуле «За Бога, Царя и Отечество». После распада традиционного российского общества в результате революции 1917 года, после трагедии Гражданской войны, разгрома традиционных религий в Советской России в течение достаточно непродолжительного времени господствовала идеология интернационализма, согласно которой Россия должна стать топливом для мировой социалистической революции. В ходе беспощадного политического противостояния внутри большевистского руководства тотально-интернационалистская линия была устранена, и со второй половины 30-х годов оформилась и была взята на вооружение идеология советского патриотизма, которая в незначительно различающихся вариациях просуществовала вплоть до распада советской политической системы.

Идеология советского патриотизма являлась странной смесью марксистско-ленинских догм и принципов любви к Родине; это был симбиоз несочетаемых и противоречащих друг другу идей — интернационализма и патриотизма. Вместе с тем, объективно принципы российского патриотизма в рамках идеологии советского патриотизма были все же доминирующими. Во второй половине тридцатых годов возрождается почитание российских национальных героев, появляются фильмы «Петр Первый», «Александр Невский», задачей которых было возрождение патриотических чувств.

В годы Великой Отечественной войны именно на основании идеологии советского патриотизма была одержана Великая Победа, равной которой человечество не знает. В годы войны армии, силовым ведомствам были возвращены российские погоны, были учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого. Именно в годы Великой Отечественной войны началось возрождение структур Русской православной церкви, ее признание на высшем государственном уровне (что, впрочем, не отменяет факта весьма неровной политики советского государства в послевоенные годы по отношению к религиозным конфессиям Советского Союза). В течение почти всего послевоенного советского периода, вплоть до горбачевской «перестройки», важнейшим компонентом идеологического основания общества был советский патриотизм.

В 80-е годы прошедшего века Советский Союз был поражен системным кризисом — экономическим, политическим, управленческим, и в том числе идеологическим. После развала Советского Союза в общественном сознании России наступил мировоззренческий и идейно-политический вакуум. Правящей верхушкой была взята на вооружение концепция «деидеологизации», которая фактически стала способом уничтожения исторической памяти народа и замещения национально-государственных ценностей в общественном сознании на чуждые российским народам ценности, которые выдающийся философ Александр Зиновьев назвал «идеологией колониальной демократии». У правящей группировки широкое хождение получил слоган «эта страна» в применении к России. На не имеющих иммунитета к такой пропаганде россиян посредством СМИ обрушился поток пошлости, лжи, насилия, порнографии с целью оформления в массовом сознании комплекса исторической неполноценности.

В течение всего постсоветского периода (уже более 20 лет) серьезные и витиеватые эволюции претерпели идейно-политические постулаты как правящего класса постсоветской России — номенклатуры (обладающей неизменно кочующим, в смысле служения, характером), так и, соответственно, массового политического сознания россиян. В первой половине 90-х годов в

идеологическом пространстве России имел место весьма редко наблюдаемый в мировой исторической практике прецедент: исповедание патриотизма трактовалось тотально господствовавшими в информационном пространстве России квазилиберальными СМИ как нечто предельно неприличное и отвратительное, а слово «патриот» приравнивалось к нецензурной брани. Широкое употребление имел эпитет «патриотическое негодяйство». Всемирно известным российским писателям Валентину Распутину, Александру Солженицыну в ряде работ приходилось страстно защищать патриотизм как гражданское чувство и политический принцип, буквально отбиваясь от нападков и травли «прогрессивной российской интеллигенции». Патриотизм как естественное чувство любого здорового народа подвергался тотальному шельмованию, поруганию и осквернению.

Однако к середине — концу 90-х годов стало очевидно, что российское массовое сознание не приемлет столь откровенных и наглых способов насаждения ненависти к своей Родине. Наиболее прямолинейные и ломовые методы насаждения антипатриотизма сменились на более тонкие и технологичные методы психологической войны, которые массово применяются и в настоящее время.

Чуткий к изменению политической и идеологической конъюнктуры правящий класс России к концу 90-х годов стал выкручивать свой политико-идеологический вектор в направлении патриотических и государственных ценностей. Проходивший в 90-е — «нулевые» годы процесс трансформации идеологического вектора российского общества (как в рамках элитарного политического сознания, так и в рамках массового политического сознания) из квазилиберального в государственно-патриотический оказался запутан и противоречив и в ракурсе внутренней, сущностной логики, и в ракурсе внешних, институциональных атрибутов — в сфере нормативно-правового обеспечения, в сфере доминирующих векторов СМИ, в сфере базовых идеологем ведущих политических партий. Следует хорошо понимать, что здесь имела место, с одной стороны, искренняя системная многоуровневая работа убежденных патриотов, не имеющих политической власти и доминирующего влияния, но, вместе с тем, нарабатывавших в этот период огромный массив материалов государственно-патриотического характера для организации всех сфер общественной жизни России — государственного строительства, экономики, партийного строительства, образования, национальной безопасности и т. д. (это отдельная большая тема); а, с другой стороны, вынужденная имитация «патриотической» деятельности квазилиберального политического класса, обладавшего всей полнотой государственной власти — такая имитация была вынужденной мерой для политической маскировки. В последнем случае «патриотическая» активность была типичным симулякром.

В качестве характерной иллюстрации такой квазипатриотической симуляции является инициатива Б. Ельцина (оформленная указом Президента) по объявлению конкурса на национальную идею России летом 1996 года — как раз в период президентских выборов (В. Г. Распутин на этот счет едко заметил, что объявлять конкурс на национальную идею — все равно, что объявлять конкурс на мать родную). В девяностые годы правящий квазилиберальный политический класс России волновали совсем другие темы, явно не патриотические.

Среди крайне малочисленных нормативных документов периода девяностых годов, где хотя бы минимально присутствовала проблема патриотизма, следует выделить следующие.

Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 28 июня 1995 года № 98-ФЗ, в котором указывалось, что при реализации основных направлений государственной молодежной политики государственная поддержка молодежных и детских объединений должна осуществляться в соответствии с принципами приоритета общих гуманистических и патриотических ценностей в деятельности молодежных и детских объединений [5].

Указ Президента Российской Федерации «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» от 16 мая 1996 года № 727, в котором Правительству Российской Федерации поручалось предусмотреть при формировании федерального бюджета на 1997 год увеличение средств на реализацию мероприятий Федеральной программы «Молодежь России» по развитию гражданственности и патриотизма российской молодежи, поддержке военно-патриотических молодежных и

детских объединений, поисковых формирований; Министерству обороны Российской Федерации совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти предписывалось принять меры по укреплению и расширению связей воинских формирований с образовательными учреждениями, военно-патриотическими молодежными и детскими объединениями и поисковыми группами при решении вопросов воспитания патриотизма и подготовки молодежи к военной службе [8].

Исходя из общего в период 90-х «тренда» по клеймению «патриотического негодяйства», указанные нормативные акты были, скорее, исключением.

Вместе с тем обозначившаяся к середине — концу 90-х годов тенденция осторожного усиления государственно-патриотического идейно-политического вектора в российском общественном сознании набирала силу. Идеологическая платформа правящего класса России стала постепенно, противоречиво, но неизменно трансформироваться из квазилиберальной в государственно-патриотическую. В качестве некоторых знаковых событий в рамках такой трансформации следует выделить публикацию в конце 1999 года фактически программной статьи В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий» в «Независимой газете», где впервые на самом высоком уровне в развернутом виде была поставлена задача возрождения российского патриотизма. Путин, касаясь принципа патриотизма и указывая на недопустимость уничижительного к нему отношения, писал: «Утратив патриотизм, связанные с ним национальные гордость и достоинство, мы потеряем себя как народ» [13]. Принцип державности, согласно Путину, основан на том, что «Россия была и будет оставаться великой страной. Это обусловлено неотъемлемыми характеристиками ее геополитического, экономического, культурного существования» [13]. В Послании Федеральному собранию Российской Федерации Президента В. В. Путина за 2000 год в качестве идеологического вектора политического курса новой российской власти была озвучена классическая либерально-консервативная формула: «Единство России сцепляют присущий нашему народу патриотизм, культурные традиции, общая историческая память. ... Демократическое устройство страны, открытость новой России миру не противоречат нашей самобытности и патриотизму» [12].

Процесс идеологической трансформации российской элиты имеет объективную природу. Этот процесс был подмечен А. С. Панариным. «Любая партия в России, — утверждал он, — рано или поздно обнаруживает: для того, чтобы сохранить власть, ей необходима государственная и даже мессианская идея» [11]. Стало происходить хотя и непоследовательное, но явное усиление значения идеологического фактора в политике государства, официальное признание властью системообразующей роли патриотической идеологии в обществе и государстве.

Нормативная база, призванная обеспечить процесс патриотического воспитания российского общества, в «путинский» период стала приобретать черты системности. Появился ряд федеральных законов России, указов Президента России, постановлений Правительства России и других нормативных документов, посвященных непосредственно проблеме патриотического воспитания.

В Постановлении Правительства Российской Федерации «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» от 24 июля 2000 года № 551 указано на необходимость воспитания чувства патриотизма, формирования у подрастающего поколения верности Родине, готовности к служению Отечеству и его вооруженной защите; изучения истории и культуры Отечества и родного края; участия в подготовке и проведении мероприятий по увековечению памяти защитников Отечества; передачи и развития лучших традиций российского воинства. [6].

В распоряжении Правительства Российской Федерации «О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» от 18 декабря 2006 года № 1760-р (в редакции от 16 июля 2009 года) говорится о важности совершенствования государственной политики в сфере духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи, защиты их нравственности; о необходимости развития системы гражданского и патриотического воспитания молодых людей (пропаганда государственных символов России, защита прав и свобод молодых граждан, формирование культуры мира) [10].

Отдельно следует выделить начавшуюся в 2001 году и продолжающуюся по настоящее время работу по реализации Программы по патриотическому воспитанию граждан России. В

марте 2001 года Правительством России была принята Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы», целью которой являлось, как в ней было указано, «формирование патриотических чувств и сознания граждан на основе исторических ценностей и роли России в судьбе мира, сохранение и развитие гордости за свою страну; воспитание личности гражданина — патриота Родины, способного встать на защиту государственных интересов страны» [1]. Таким образом, впервые со времени распада советской политической системы работа по патриотическому воспитанию в масштабах всей страны была поставлена на долгосрочную плановую основу.

После завершения срока действия указанной программы практика пятилетнего планирования работы по патриотическому воспитанию граждан получила свое продолжение. Правительством России были приняты аналогичные Программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2006–2010, 2011–2015 годы и проводилась соответствующая работа по их реализации. На основании указанных Государственных программ были разработаны и утверждены региональные программы в субъектах Российской Федерации. В настоящее время в стране действует Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», принятая постановлением Правительства РФ 30 декабря 2015 года № 1493. Следует обратить внимание на новое качество содержания Программы, определяемое необходимостью непрерывного научного сопровождения работы по патриотическому воспитанию. В Программе указывается на необходимость развития научного и методического сопровождения системы патриотического воспитания граждан; формирования системы научно обоснованного мониторинга эффективности патриотического воспитания граждан; совершенствования методологии измерения и уточнения набора показателей, отражающих уровень патриотического воспитания граждан в контексте задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Программой поставлены задачи подготовки научно обоснованных учебно-методических пособий и рекомендаций в области патриотического воспитания для всех социально-возрастных категорий граждан; апробации и внедрения современных программ, методик и технологий в деятельность по патриотическому воспитанию; вовлечения молодых ученых и преподавателей в развитие научно-методической базы патриотического воспитания; содействия формированию экспертного сообщества в сфере патриотического воспитания граждан; повышения качества работы образовательных организаций по патриотическому воспитанию обучающихся и повышению их мотивации к службе Отечеству и т. д. Основным результатом реализации Программы должно стать формирование системы патриотического воспитания граждан, отвечающей современным вызовам и задачам развития страны [2].

Первостепенное значение проблеме патриотического воспитания стало уделяться в системе организации работы с личным составом Министерства обороны России. Так, в Федеральном Законе «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 года № 53 ФЗ (в редакции от 3 марта 2013 года) проблеме патриотического воспитания посвящена отдельная статья 14 «Военно-патриотическое воспитание граждан», в которой прямо вменено в обязанность Правительству Российской Федерации, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления совместно с Министерством обороны Российской Федерации, федеральным органам исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, и должностным лицам организаций систематически проводить работу по военно-патриотическому воспитанию граждан [7]. Министерство обороны России, по мере принятия пятилетних Государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», неукоснительно проводит работу по их реализации, принимая на их основании собственные ведомственные программы Министерства обороны по патриотическому воспитанию.

Проблеме патриотического воспитания посвящен и ряд указов Президента России. Так, 20 октября 2012 года Указом Президента Российской Федерации № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» было дано указание «в целях укрепления духовно-нравственных основ российского общества, совершенствования государственной политики в области патриотического воспитания, разработки и реализации значимых общественных проектов в этой сфере» образовать в составе Администрации Президента Российской Федерации соответствующее Управление Президента Российской Федерации по

общественным проектам. [9]. Проблеме патриотического воспитания посвящены и некоторые другие указы Президента России, в которых данная проблема присутствует в той или иной степени (например, Указ Президента Российской Федерации «О дальнейшем совершенствовании военной службы в Российской Федерации» № 604 от 7 мая 2012 года и др.).

Важной вехой идущего процесса формирования идейно-политического пространства современной России явилось выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года. Выступление Президента России было почти полностью посвящено проблеме формирования российской идентичности, адекватной современной России. Путин впервые за весь постсоветский период на самом высоком государственно-политическом уровне высветил проблему российской общенациональной идеологии, точнее, проблему отсутствия такой идеологии. «Для россиян, для России вопросы «кто мы?», «кем мы хотим быть?» звучат в нашем обществе все громче и громче, — говорил Президент. — Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно ... Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции» [4]. Президент Путин, как глава государства, реально получивший и имеющий поддержку большинства граждан России, на Валдайском форуме недвусмысленно определил главный идеологический вектор, вокруг которого должна формироваться общенациональная идеология, — это принцип патриотизма: «Дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех её участников. Патриотизма, конечно, в самом чистом значении этого слова» [4].

Таким образом, проблема российского патриотизма, патриотического воспитания, целенаправленно демонизируемая в течение всех 90-х годов всеми уровнями политической власти, к настоящему времени возведена в ранг приоритетных, государственно значимых проблем, а патриотическое воспитание как форма общественной деятельности стало приобретать системный характер.

Список литературы

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» // Российская газета. – 2001. – 12 марта.
2. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 года № 1493 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru>
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М., 1978. – Т. 3. – С. 24.
4. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. // Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru>
5. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru
6. О военно-патриотических молодежных и детских объединениях: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 2000 г. № 551 // Правительство России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru>
7. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный Закон от 28 марта 1998 г. № 53 ФЗ (в редакции от 3 марта 2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru
8. О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи: Указ Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 г. № 727 // Эл. ресурс: Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru>
9. О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания: Указ Президента Российской Федерации от 20 октября 2012 г. № 1416 // Эл. ресурс: Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru>
10. О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р (в ред. от 16 июля 2009 г.) // Эл. ресурс: Правительство России. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru>
11. Панарин А. С. После юбилея ... // Новый мир. – 1995. – № 9. – С. 137.
12. Путин В. В. Государство Россия. Путь к эффективному государству: Выступление Президента Российской Федерации с Посланием Федеральному собранию Российской Федерации. – М., 2000. – С. 14–15.

13. Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. – 1999. – 30 декабря.
14. Философский словарь / ред. И. Т. Фролов. – М., 1986. – С. 358.

Сведения об авторах

Шестаков Сергей Александрович, д. полит. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, тел. 89058583552; e-mail: shestakovprof@gmail.com

Павлов Дмитрий Андреевич, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, тел. 89523409934; e-mail: pavlov.genialen@yandex.ru

Shestakov S. A., Doctor of Political Sciences, Professor of the chair of marketing and municipal management, Industrial University of Tyumen, phone: 89058583552; e-mail: shestakovprof@gmail.com

Pavlov D. A., Graduate student of the Department of Marketing and Municipal Government, Industrial University of Tyumen, phone: 89523409934; e-mail: pavlov.genialen@yandex.ru

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

УДК 32.019.5

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ* VECTORS OF RUSSIA DEVELOPMENT IN THE CONSCIENCE OF RUSSIAN PROVINCE RESIDENTS

В. В. Гаврилюк, В. В. Маленков
V. V. Gavriluk, V. V. Malenkov

Ключевые слова: гражданская нация; Россия; поколение; образ прошлого; цивилизационная идентичность; геополитическая идентичность
Key words: civil nation; Russia; generation; image of the past; civilization identity; geopolitical identity

В статье описываются результаты проведенного авторского социологического исследования, посвященного современному восприятию образа России жителями города Тюмени. Образ России рассматривается в трех основных проекциях: темпоральной, цивилизационной и геополитической. При анализе результатов исследования используется поколенческий подход, позволяющий определить различия в ответах респондентов, относящихся к разным поколениям. Выделено четыре условных поколения: советское поколение, позднесоветское поколение (раннее переходное поколение), постсоветская переходная генерация и поколение стабильности. Зафиксирована тенденция роста традиционалистских настроений во всех выделенных группах. Парадоксально, что по некоторым базовым параметрам «поколение стабильности» (путинское поколение) демонстрирует больший традиционализм по сравнению со старшими поколенческими группами. Напротив, самое старшее «советское поколение» респондентов продемонстрировало по ряду ключевых вопросов более модернистскую позицию, чем молодые респонденты.

The article presents the results of the sociological research devoted to the modern perception of the image of Russia by residents of Tyumen city. The image of Russia is considered in three main projections such as temporal, civilizational and geopolitical. The generational approach, which was used in the study, allowed to define the distinctions in answers of the respondents belonging to different generations. Four conditional generations was allocated: Soviet generation, late Soviet generation (early transitional generation), Post-Soviet transitional generation and generation of stability. The tendency of growth of traditionalist moods in all allocated groups was recorded. It is paradoxical that in some basic parameters «generation of stability» (Putin's generation) shows bigger traditionalism in comparison with the senior generational groups. On the contrary, the most senior «the Soviet generation» of respondents have shown more modernist position on a number of key questions than young people.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №15-03-00284а «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежи».

В публичном пространстве российского дискурса центральной темой сегодня является вектор развития страны. Российское общество переживает переоценку и переосмысление своего прошлого, формирует новую стратегию социально-экономического развития, строительства и укрепления нации. Эти процессы вызывают неоднозначную оценку, протекают на фоне острых разногласий между представителями консервативного проекта и либеральной моделью развития. Консервативный проект явно или завуалировано отстаивает необходимость восстановления страны на принципах державности, либеральная же модель подчеркивает необходимость становления гражданской нации и отказа от имперских амбиций. Главным проводником консервативной тенденции выступает официальная российская власть, которая стремится изменить образ современной России в восприятии других стран и среди самих россиян. Данные процессы идут как на фундаментальном уровне переосмысления и конструирования новой идентичности, так и на политтехнологическом поле.

В нашем исследовании мы попытались выявить «образ страны» через набор ключевых ассоциаций, характеристик, приписываемых конкретной стране; моделей ее описания, самоописания, интерпретации, геополитической идентичности.

Образ, по мнению Е. Б. Шестопал, представляет собой, с одной стороны, отражение реальных характеристик объекта восприятия, с другой — проекцию ожиданий субъекта восприятия, то есть в нем отражаются знания, представления, мнения, оценки, ожидания, эмоции, требования массового сознания [6]. Методологически понятие «образ страны» не определено, очевидно, что это понятие отражает многогранное явление. Мы выделили базовые его аспекты: пространственный (географическое положение, протяженность и т. д.); символический (официальные и неформальные, исторически сложившиеся и сконструированные символы); цивилизационный и геополитический (представления о месте страны в мире, символическая идентичность в рамках системы координат «Восток — Запад»). В настоящей статье рассматривается временной и цивилизационно-геополитический аспект образа России в сознании разных поколений россиян.

С целью выявить представления о прошлом и будущем России, ее цивилизационной и геополитической идентичности в марте — апреле 2015 года нами было проведено социологическое исследование методом анкетирования. Объектом исследования являлись жители города Тюмени в возрасте от 17 до 77 лет. Объем репрезентативной выборки составил 1 600 респондентов. Возрастные интервалы формировались на основе поколенного подхода. Выделено 4 группы респондентов условных поколений: советское поколение, позднесоветское поколение (раннее переходное поколение), постсоветская переходная генерация и поколение стабильности.

В первую группу, обозначенную как «советское поколение», были включены респонденты, родившиеся до 1972 года, в данной группе объединены сразу несколько советских поколений, обозначаемых в литературе как военное поколение, послевоенное поколение, шестидесятники, поколение застоя и т. д. В контексте нашего исследования ключевым является наличие непосредственно пережитого опыта взаимодействия с ключевыми институтами советского общества.

В группу «позднесоветского поколения» вошли респонденты 1973–1984 годов рождения. В эту группу также вошли разные хронологические поколения, которые социологи называют поколением протеста, перестроечным поколением и т. д. Отличительной чертой данного поколения является отсутствие опыта непосредственного взаимодействия с институтами гражданско-политической социализации советского общества. Активный период социализации прошел у них в постсоветской России, в период аномии.

«Поколение стабильности» охватывает молодежь 1994–2000 годов рождения. Данное поколение в литературе часто называют путинским поколением, «поколением Пу». Период его гражданско-политической социализации проходил в «стабильной» России, когда были предприняты ключевые шаги в направлении консолидации расколотого российского социума. Именно в этот период началась реставрация системы гражданско-политической социализации, выстроенной в советское время, созданы молодежные общественные организации, воспринявшие многие традиции советских молодежных организаций. В качестве ключевого критерия выступил характер, особенности исторического периода, определивший

политическую и гражданскую социализацию поколения. Большинство исследований, проведенных в России, свидетельствуют о правомерности такого разделения. Мы опирались в данном случае на труды Ю. Левады [4], В. Семенов [7].

В массовом сознании россиян присутствуют различные символические модели, мифологизированные представления о прошлом страны [3, 5]. Ряд вопросов анкеты был направлен на выявление «темпорального образа России», который включает представления о прошлом, настоящем и будущем России. В идеологическом дискурсе последнего времени акценты явно сместились в сторону прошлого (политика социальной памяти) и настоящего (в форме его легитимации). Будущее же представляется весьма туманным, расплывчатым [2]. Ключевые акторы общественного развития не предъявляют сегодня общественности какого-либо внятного проекта будущего. Поэтому образ будущего в массовом сознании является весьма неопределенным, размытым, вызывающим страх. В иерархии темпоральных образов будущее занимает последнее место, значительно уступая прошлому и настоящему. Перспективная ориентация на этом фоне выглядит малозначимой.

Хотят ли россияне возврата в том или ином виде к советской системе? С целью диагностики общественного мнения по данному вопросу в анкете предлагались две взаимосвязанные позиции. Первая имела характер отрицания («Современная Россия должна отказаться от попыток восстановления в том или ином виде советской системы»), вторая — позитивную коннотацию («Россия должна восстановить все хорошее, что было в СССР»). Интересным является факт, что 24,6 % представителей самого молодого поколения ничего не имеют против возрождения элементов советской системы. Этот вывод подтверждается и при анализе ответов на вопрос «должна ли Россия восстановить все хорошее, что было в СССР?». Очень схожие позиции наблюдаются у представителей позднесоветского поколения и постсоветской переходной генерации — согласие с предложенным тезисом продемонстрировали более 66,0 % респондентов в каждой группе, несогласие выразили более 33,0 % (треть респондентов в каждой из этих групп). Различия же по данному вопросу явно выражены у поколения стабильности и советского поколения. В частности, несогласие с предложенным тезисом выразили 24,7 % представителей поколения стабильности и 55,4 % представителей самого старшего советского поколения (более половины опрошенных респондентов).

Важным аспектом отношения к прошлому является оценка исторических событий. Особое место в современных дискуссиях занимает XX век в контексте двух революций, произошедших в начале и конце века, их последствий для страны. Прогрессивным шагом в развитии страны данное событие считают от 10,2 до 15,8 %, негативным — от 15,3 до 23,7 %. В оценке исторической роли революции 1917 года обнаруживается похожая тенденция — в младших поколенческих группах наблюдается слабая осведомленность о событии. Почти во всех группах преобладают позитивные оценки социалистической революции. Объяснимо и вполне ожидаемо, что положительное отношение наблюдается в старших группах.

Можно было ожидать, что события недавней истории России вызывают больший интерес у молодежи, что они лучше осведомлены о них и имеют личностную позицию. Однако результаты опроса это не подтверждают. Более 18,0 % молодежи ничего не знают об «августовском путче» 1991 года. 42,0 % представителей поколения стабильности и 33,5 % постсоветской переходной генерации затруднились ответить на предложенный вопрос. Содержательный дискурс о будущем диктуется сегодня достаточно узкой «повесткой дня», он направлен на круг проблем, связанных с российской идентичностью. Сама же проблема идентичности имеет фундаментальный характер, прежде всего, это относится к цивилизационной и геополитической идентичности России. Упрощенно можно представить две альтернативы, являющиеся центром современных дискуссий о глобальной российской идентичности. Первая альтернатива декларирует необходимость проведения политики «Великой державы» как драйвера будущего развития. Противостоящая ей позиция отстаивает приоритет внутренних целей развития страны, связанных с необходимостью повышения качества жизни и отказ от «внешних амбиций». Великодержавная, имперская установка в политике рассматривается при этом подходе как фактор, препятствующий развитию, распыляющий дефицитные ресурсы.

В этой связи ответы респондентов на вопрос, какой бы они хотели видеть Россию в первую очередь, весьма показательны. 43,9 % ответивших хотели бы видеть страну в первую очередь великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны. Несколько меньше респондентов (33,7 %) хотели бы видеть Россию страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных стран мира. Достаточно многие (22,5 %) затруднились ответить на данный вопрос. Полученные данные сравнивались с данными опроса старших групп респондентов. Параметры ответов достаточно сильно отличаются в зависимости от возраста. Несмотря на конфронтацию с западными странами, большинство участников опроса считают, что Россия является составной частью западной цивилизации. Количество несогласных с данным утверждением колеблется от 14,5 до 18,3 %, причем меньше таковых в старших поколенческих группах. Показателен разрыв во мнениях между самым старшим — советским поколением (полностью согласились с утверждением каждый четвертый респондент) и самым младшим — поколением стабильности (полностью согласились с утверждением каждый второй респондент). Таким образом, наблюдается зависимость — чем старше респонденты, тем в большей степени они согласны с утверждением, что Россия — составная часть западной цивилизации. При анализе ответов на вопрос должна ли Россия идти по «западному пути» наблюдается схожая тенденция. Несмотря на согласие большинства респондентов с предложенным тезисом и практически равномерное распределение данного согласия по четырем выделенным поколенческим группам (от 81,4 до 90,4 %), степень согласия в разных группах значительно отличается. Четко прослеживается тенденция — в более старших поколенческих группах степень согласия выше. Полное согласие с тезисом отметили 41,8 % представителей поколения стабильности, 45,5 % постсоветской переходной генерации, 50,9 % позднесоветского поколения, 69,5 % советского поколения.

Концепция «особого пути России» является одной из ключевых идей в современном российском идеологическом дискурсе. Результаты изучения общественных настроений в России с начала 2000-х годов показывают рост количества сторонников «особого пути» [1, 8, 9]. Результаты нашего исследования также показали высокую степень одобрения позиции, утверждающей непохожесть нашей страны на другие и особую траекторию развития. На фоне некоторого консенсуса трех младших поколений, в которых количество несогласных примерно одинаково — от 44,0 до 45,5 %, очевидно отличается советское, самое старшее поколение.

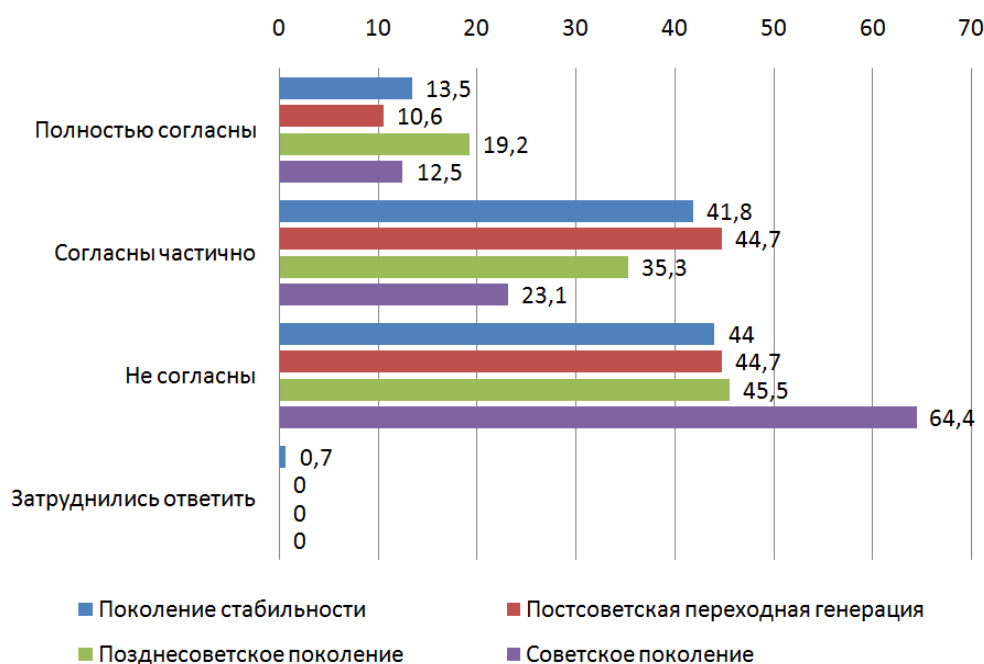

Рисунок. «Россия не похожа на другие страны, у нее свой «особый путь» (%)»

Количество несогласных с рассматриваемым тезисом здесь равно 64,4 % (фактически 2/3). Важным является, что значительная часть респондентов одновременно согласилась и с тем, что Россия должна развиваться по «западному пути», и с тем, что Россия не похожа на другие страны и у нее «особый путь» (рисунок).

В качестве обобщенного выступил вопрос, касающийся актуального вектора развития России. Большинство респондентов отметили свое частичное одобрение существующего направления развития страны. Во всех исследованных группах частичное согласие выразили более половины респондентов (от 54,3 до 57,1 %). Самая незначительная часть опрошенных полностью одобрили существующий курс развития страны. Наиболее несогласным с утверждением оказалось поколение стабильности (33,7 %), наименее несогласным — позднесоветское поколение (26,2 %).

Итак, несмотря на широкую поддержку современного курса России, существует значительный протестный потенциал среди молодежи. Вероятно, их представления о будущем страны не совпадают с вектором ее развития. Насколько эти представления будут отражены в социальной практике — выльются ли они в протестные и конструктивные движения или будут нивелированы под воздействием укрепляющихся социализирующих институтов — покажет время.

Список литературы

1. Верховский А. М., Паин Э. А. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2013. – № 4. – С. 23-46.
2. Гаврилюк В. В., Мехришвили Л. Л. Образ будущего в массовом сознании жителей российской провинции // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2015. – № 2. – С. 60-67.
3. Гудков Л. Д. Время и история в сознании россиян (Часть 1) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 3. – С. 84-102.
4. Левада Ю. Заметки о «проблеме поколений» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 2. – С. 9-11.
5. Маленков В. В. Образ России в восприятии жителей Тюмени // Власть. – 2015. – № 12. – С. 129-134.
6. Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е. Б. Шестопал. – М.: Аспект-Пресс, 2008. – 288 с.
7. Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003. – М.: ИС РАН, 2003. – С. 213-233.
8. Malakhov, V. S. Will We Fulfill a «Russian Project» in Russia? // Russian Social Science Review. – 2012. – Volume 53. – Issue 1. – Pp. 14-31.
9. Umland A. Russia's New «Special Path» After the Orange Revolution (Radical Anti-Westernism and Paratotalitarian Neo-Authoritarianism in 2005-8) // Russian Politics & Law. – 2012. – Volume 50. – Issue 6. – Pp.19-40

Сведения об авторах

Гаврилюк Вера Владимировна, д. с. н, профессор, зав. кафедрой социологии, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89088748430, e-mail: gavriliuk@list.ru

Маленков Вячеслав Викторович, к. с. н., доцент кафедры туризма, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, тел. 89058231641, e-mail: vvmalenkov@gmail.com

Gavrilyuk V. V., Doctor of Sociology, professor, head of the chair of sociology, Industrial University of Tyumen, phone: 89088748430, e-mail: gavriliuk@list.ru

Malenkov V. V., Candidate of Science in Sociology, associate professor of the chair of tourism, Tyumen State Institute of Culture, phone: 89058231641, e-mail: vvmalenkov@gmail.com

УДК 316.7

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ** CREATIVE POTENTIAL OF THE RUSSIAN PROVINCE YOUTH

Т. В. Гаврилюк
T. V. Gavriluk

Ключевые слова: ценности; молодежь; ценностные ориентации молодежи; креативность; творчество; креативный потенциал
Key words: values; youth; value orientations of youth; creativity; creative potential

В статье исследуется креативный потенциал российской провинциальной молодежи в его связи с выбором жизненных стратегий, восприятием и планированием будущего, а также представлениями об основных векторах развития российской культуры. Методом массового опроса эмпирически изучены представления молодежи об основных сценариях социокультурных изменений, отношение к творчеству как социальному феномену и собственная творческая активность. Исследование показывает высокую инновационную готовность молодежи, стремление к индивидуальному успеху и свободе самореализации, наличие креативного потенциала, парадоксально сочетающиеся с консерватизмом, этническим национализмом славянского толка, ориентацией на усиление государственного контроля над гражданским обществом, и ужесточение цензуры культурной сферы. Исследование вносит вклад в дальнейшую разработку проблематики соотношения динамики ценностей и креативности, его выводы могут использоваться в управленческой, общественной, преподавательской деятельности.

The purpose of this conceptual paper was to study the creative potential of the Russian province youth in its connection with the choice of life strategies, perception and planning of the future as well as views on the main vectors of the Russian culture development. The youth ideas about the main scenarios of socio-cultural changes, the attitude towards creativity as a social phenomenon and its own creative activity were empirically studied using the method of mass survey. The research shows the young people's high innovative readiness, their desire for a individual success and self-actualization freedom, a high creative potential presence, which are paradoxically combined with conservatism, ethnic nationalism of the Slavic domination arguments, a focus on strengthening of the state control over the civil society and supporting of the tightening of the cultural sphere censorship. The study contributes to further development of the topics associated with relationships between the value dynamics and creativity. The study findings can be used in administrative work, social activities and in the teaching process.

Урбанизированная городская среда, являющаяся следствием индустриального развития, формируется как конгломерат ранее изолированных культурных форм, порождая специфический образ жизни и восприятие социальной реальности. Глобальная унификация стилей, поведенческих паттернов и практик потребления сопровождается стремлением не только сохранять и транслировать сложившийся историко-национальный нарратив, но и продолжать непрерывную работу по его пересборке в различных идеологических версиях. В период социально-культурной турбулентности особое значение приобретает исследование представлений молодежи о содержании и направленности происходящих трансформаций, желательных и неблагоприятных сценариях развития культуры, готовности к инновациям и степени вовлеченности в процесс социального переустройства. В данной статье производится попытка анализа креативного потенциала молодых людей, живущих в провинции, в контексте более общих представлений о содержании и траектории культурной динамики. Данная цель реализуется посредством решения следующих задач:

- обобщение коллективных представлений в контексте полярных идеальных типов: «ориентация на инновации — традиционализм»; «креативность — конформизм»; «толерантность — гетерофобия»; «культурная свобода — государственный контроль»;

** Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00284а «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежью».

- выявление отношения молодежи к творчеству как социальному феномену, а также творческим профессиям как форме деятельности в контексте российской культуры;
- обозначение основных направлений креативной деятельности молодых людей, а также взаимосвязи между творческими увлечениями и профессиональным самоопределением респондентов.

Если мы трактуем молодежь как единую группу, то анализ в таком случае может строиться лишь как «среднее арифметическое» культурных различий множества групп, объединенных в «воображаемое сообщество» (термин Б. Андерсона [2]) идеологическими механизмами. Следовательно, мы осознанно осуществляем редукцию множественности с целью поиска общих закономерностей существования созданного нами объекта исследования. Концептуально данная исследовательская логика согласуется с фундаментальными теориями классического и современного этапа развития социологического и культурологического знания — структурно-позитивистской линией объяснения (Э. Дюркгейм [5], Т. Парсонс [10], П. А. Сорокин [7]), направлениями цивилизационного анализа (О. Шпенглер [9], А. Тойнби [8], Н. Я. Данилевский [4]), проектом культурологии Л. Уайта [6] и «сильной программой культурсоциологии» Дж. Александера [1]. При всем различии исследовательской аксиоматики данные концепции роднит стремление их авторов к генерализации, поиску структурных оснований культуры, выявлению тенденций ее динамики как на уровне отдельного общества, так и в качестве универсальных закономерностей. Данная методология может применяться и к анализу социокультурных характеристик отдельных групп, в процессе которого они выводятся из более широкой надындивидуальной совокупности смысловых, ценностных и нормативных регуляторов человеческого действия. Эмпирическое исследование феноменов коллективного сознания молодежи посредством анализа результатов массового опроса согласуется с рассмотренной выше логикой теоретизирования.

Эмпирическое исследование проводилось в рамках грантового проекта РГНФ № 15-03-00284а «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежью» в период с мая по сентябрь 2015 г. Использовался метод массового анкетного опроса посредством онлайн-сервиса «SurveyMonkey». В исследовании приняли участие 1252 человека: учащаяся, студенческая молодежь, молодые специалисты Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в возрасте от 15 до 30 лет. Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью статистического пакета программы IBM SPSS Statistics V.19. Основными видами статистического анализа выступили частотный анализ и анализ таблиц сопряженности.

Респондентам предлагалось оценить основные перспективы развития российского общества как целостности с помощью оценки предложенных суждений по жесткой шкале согласия/частичного согласия/несогласия. Схематизация выбора до бинарной оппозиции осуществлялась осознанно, с целью определения исходных допущений, к которым склоняется массовое сознание. Промежуточный вариант ответа «частично согласен» интерпретировался как разновидность поддержки высказывания.

Молодежь демонстрирует высокую инновационную готовность, разделяя идею высказывания «Мы должны смотреть только вперед, пробуя различные новшества, не оглядываясь на традиции» (78,9 %). Вместе с тем более половины согласившихся поддерживают его лишь частично, что, исходя из логики суждения, связано с неприятием второй его части, то есть готовностью порвать с традициями. При этом пик инновационной готовности приходится на группу 16–17-летних, в которой 42,6 % полностью разделяют указанную идею. Очевидной и вполне предсказуемой является тенденция усиления традиционализма в установках молодых людей по мере взросления: треть молодежи старше 23 лет не согласна с приведенным суждением. Подтверждает указанную тенденцию и иерархия личностных ценностных ориентаций респондентов: 50 % молодежи включили творчество и самореализацию в число жизненных приоритетов. Индивидуальный успех, воспринимаемый как возможность выбора жизненной стратегии, сочетается с высоким уровнем готовности принимать новшества.

Продолжая далее анализировать результаты исследования, отметим и отчетливо наблюдаемый этнический национализм славянского толка, приобретший статус социальной нормы в сознании молодежи. 65,9 % молодежи согласны или частично согласны с утверждением «Будущее нашей страны должно быть связано с доминированием славянского этноса. Принятие такого суждения в любой форме означает согласие с культурной гегемонией этнического большинства, что противоречит как целям и задачам государственной этнонациональной политики, так и нормам поликультурного коммуникационного пространства. Обращает на себя внимание последовательное увеличение числа полностью согласных с утверждением по мере взросления: в каждой возрастной когорте прибавляется в среднем около 2 % — от 17,5 % школьников младше 16 лет до 24,4 % тех, кто старше студенческого возраста (23 года). Аналогичная нетерпимость наблюдается и в отношении молодежных субкультурных сообществ, спад популярности которых с конца 2000-х гг. и по настоящее время очевиден. «Россия — не место для готов, фриков, хипстеров и прочих неформалов» считают 66,5 % опрошенных студентов и школьников. Причем половина из них не вполне уверена в поддержке высказывания, и это дает основание полагать, что некоторые избранные формы субкультурной активности у обозначенной части респондентов не вызывают подобного неприятия. Наблюдается ярко выраженная гендерная дифференциация ответов на этот вопрос, наблюдаемая и в других проведенных нами исследованиях по данной проблематике: почти половина (45,7 %) юношей готовы изгнать «неформалов» из нашей страны, полностью согласных среди девушек — только 22,1 %. Подобное неприятие групп «чужих», ярко демонстрирующих свою социальную идентичность, объяснимо с позиций теории социальной идентичности. Имиджевые молодежные субкультуры вызывают немедленное их восприятие в качестве аутгрупп, не релевантных группам «нормальной», «обычной» молодежи. Это порождает стремление несубкультурной молодежи придать собственной социальной идентичности более позитивную окраску путем сравнения с субкультурными аутгруппами и дискриминации последних, даже если их сферы деятельности, цели и интересы не пересекаются.

Консерватизм, демонстрируемый в оценках утверждений о цензуре, также противоречит общим инновационным установкам молодых людей. Высказывание «Ужесточение цензуры в области культуры и СМИ — необходимая мера, без которой развитие нашей страны станет затруднительным» поддерживает 66 % респондентов, причем четверть полностью уверена в этом. Государство в их глазах превращается в основного агента, осуществляющего регулирование культурной сферы, возможности самоорганизации культурного пространства не рассматриваются большинством молодежи в качестве эффективных механизмов его развития.

Как было указано выше, творчество и самореализацию молодежь помещает в высший ранг иерархии жизненных ценностей. Охарактеризуем основные направления активности молодежи в данной сфере. Три четверти молодежи имеют творческие увлечения, наиболее распространены рисование (25,8 %), музыка (18,6 %), танец (17 %), литературное творчество (17 %) и «хенд-мейд» (15,1 %). Типично женские хобби — это рисование (33,7 % девушек), хореография и танец (23,6 %), «хенд-мейд» (24 %); юноши же более склонны констатировать отсутствие творческих увлечений вообще (почти 40 %), среди девушек таких только 15,9 %. Самыми популярными у мужчин видами творческой активности являются музыка (20,7 %) и научные исследования (16,5 %). Зависимость хобби от возраста выражена не столь ярко, однако с взрослением наблюдается рост интереса к технически более сложным видам творческой деятельности, имеющим прикладную направленность, — к научным исследованиям, дизайну и фотографии. И еще один показательный факт: в когорте респондентов старше 23 лет в два-три раза больше людей занимаются рукоделием и «хенд-мейдом» (33,4 против 6–15 % в других возрастных группах), что также можно связать с «приземлением», усилением практической ориентации творчества в направлении декоративных целей. Можно предположить, что столь высокий интерес к данному виду творчества обусловлен периодом вступления молодых взрослых в фазу формирования собственной семьи, что смещает фокус внимания к более прагматическим сферам жизни, достижению комфорта и эстетическим преобразованиям окружающего частного пространства.

В следующем вопросе респондентам предлагалось выбрать вариант ответа, наиболее точно описывающий их планы относительно взаимосвязи творческих хобби и профессиональной самореализации. Большинство респондентов (61,2 %) готовы сохранить творческие увлечения как способ проведения досуга, но зарабатывать деньги они намерены другим способом. Вместе с тем около 20 % желают сделать творчество профессией, при этом 7,9 % из них надеются, что такая деятельность может принести славу и богатство, 11,3 % лишь желают совместить творческую и профессиональную самореализацию, не стремясь к головокружительному успеху в этой сфере. Обращает на себя внимание различие в возрастной дифференциации этих 20 % респондентов: среди них преобладают подростки до 16 лет, желающие воплотить свои мечты, и молодые взрослые, сознательно ориентирующиеся на творческие профессии. Порядка 20 % респондентов готовы отказаться от творческих увлечений, ориентируясь на «более важные дела», причем среди юношей количество тех, кто склоняется к данному варианту ответа, больше на 10 %.

Проанализируем более детально отношение молодежи к творчеству как феномену, а также форме деятельности в контексте российской культуры. Прежде всего отметим, что подавляющее большинство респондентов признают значение творчества в процессе формирования и развития личности: высказывание «Творчество — это ненужное занятие, отвлекающее от основных жизненных целей» решительно отвергли свыше 80 % молодых людей. Среди тех, кто с данным утверждением все же полностью или частично согласен, доминируют юноши (27,5 против 12,4 % девушек). Вместе с тем уверенность в ценности творчества снижается, когда люди начинают задумываться о взрослении. Так, половина молодежи полностью или частично принимает утверждение «Творчество, «поиск себя», «креатив» — дело молодых. Взрослые люди должны заниматься серьезными вещами». Причем стремление к «серьезным вещам» резко возрастает у старшеклассников, впервые принимающих решения относительно собственной судьбы (20 % абсолютно согласны с утверждением, в других группах — 9–11 %). После окончания вуза желание быть «взрослым и серьезным» резко проходит: здесь уже 60 % отвергают приведенное суждение.

Несмотря на высший ранг в шкале жизненных приоритетов и признание значения творчества, креативность и инновационное мышление вовсе не являются безусловной ценностью в сознании большинства молодых людей, что подтверждается анализом мнений относительно других высказываний. Творчество в самом широком смысле этого слова молодые люди воспринимают не как интенсивную работу, способ духовного и интеллектуального самосовершенствования, форму самореализации, в том числе профессиональной, а лишь как досуг, возможность «расслабиться, снять стресс, переключить внимание». Связь между креативностью и жизненным успехом неочевидна для молодых людей: только 20 % убеждены, «чтобы быть успешным человеку в современном мире необходимо быть творческой личностью», остальные полагают, что успеху креативность способствует только в сочетании с другими факторами (46,9 %), либо же не видят необходимости в инновационном, творческом мышлении в контексте достижения практических целей (32,5 %).

Рассмотрим отношение молодежи к творческим профессиям как феномену мировой и российской культуры. «Мир творческих людей закрытый, нам его никогда не понять» — с этим высказыванием полностью или частично согласны около половины респондентов, остальные уверены в обратном. Несформированность представлений относительно культурной специфики жизненного мира людей творческих профессий и, одновременно, десакрализация творчества давно уже стали реалиями современной культуры. Относительно социального положения представителей художественной сферы мнения столь же полярны: большинство полагает, что художник должен стремиться к общественному признанию и успеху (противоречие между сущностью творчества и общественным преуспеванием видят только 17 %), но в то же время выражение «художник должен быть голодным» отвергается уже не столь решительно (в данном пункте почти 60 % полностью или частично согласились, что слава и материальное благополучие портят творческих людей). Аналогичная ситуация складывается и с оценкой коммерческой привлекательности творческих профессий: «Творчество сегодня — это сфера коммерции, приносящая огромные прибыли» — уверены 21,6 % респондентов, еще 53,9 %

согласны частично, имея в виду специфику различных направлений креативной деятельности. Вместе с тем высказывание «В России представители творческих профессий никогда не будут получать достойную заработную плату» полностью поддерживает 17,5 %, частично — еще 42 %. В целом преобладают оценки, выражающие неуверенное согласие с большей частью высказываний. Мы также наблюдаем противоречие в оценках смежных позиций, что можно интерпретировать как неопределенность точки зрения, обусловленную некомпетентностью и отсутствием сформировавшегося мнения по этому вопросу.

Таким образом, исследование показывает рассогласованность проективных ориентаций молодежи относительно собственного будущего и будущего российского общества как надындивидуальной целостности. Высокая инновационная готовность молодежи, стремление к индивидуальному успеху и свободе самореализации парадоксально сочетаются с консерватизмом, панславянским национализмом, ориентацией на усиление государственного контроля над гражданским обществом и ужесточением цензуры культурной сферы. Причины подобной ситуации следует искать в двух тенденциях, действующих в противоположных направлениях: трансляция традиционно-патерналистских установок взаимодействия государства и гражданского общества от поколения родителей и воздействие на молодежь культурного контекста эпохи постмодерна: распад ценностно-смыслового единства в границах макросоциальных общностей, множественность самоидентификации, тотальная дигитализация культуры, плюрализм жизненных стилей в рамках дифференцированных сообществ, непрерывное становление и мутация культурных форм.

Несмотря на имеющийся у молодежи креативный потенциал, она слабо представляет специфику творческого труда. Собственное творчество не оценивается серьезно, рассматривается как форма досуга, а особенности профессиональной художественной деятельности, находясь вне жизненного мира респондентов, остаются недоступными пониманию. Высший ранг творчества и самореализации в самооценке жизненных приоритетов не позволяют нам говорить о креативности и инновационном мышлении как безусловной ценности в сознании большинства молодых людей, так как связь между креативностью и жизненным успехом для них остается неочевидной.

Список литературы

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова под ред. Д. Ю. Куракина. — М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
3. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. — СПб.: Университетская книга, 1998.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: Древнее и современное, 2002.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1991.
6. Работы Л. А. Уайта по культурологии. Сб. перев. — М.: ИНИОН РАН, 1996.
7. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. — М: Астрель, 2006.
8. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова; Сост. А. П. Огурцов; Вступ. ст. В. И. Уколовой. — М.: Прогресс. Культура, 1996.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1: Образ и действительность. — Новосибирск, 1993.
10. Parsons T. On the concept of value-commitments, *Sociological Inquiry*, Vol. 38, Issue 2 (April 1968), pp. 135 - 160 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1475-682X.1968.tb00679.x/abstract> (дата обращения: 29.11.2015).

Сведения об авторе

Гаврилюк Татьяна Владимировна, к. социол. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 83452683446, e-mail: tv_gavriluk@mail.ru
Gavriluk T. V. Candidate of Science in sociology, associate professor of the chair «Marketing and municipal management», Industrial University of Tyumen, phone: 83452683446, e-mail: tv_gavriluk@mail.ru

УДК 316.7

**ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ
МОЛОДЕЖИ КАК ЗАЛОГ ДУХОВНОГО КЛИМАТА ОБЩЕСТВА
FORMATION OF THE CONTEMPORARY YOUTH READERS' NEEDS
AS A PLEDGE OF THE SOCIETY'S SPIRITUAL CLIMATE**

Е. Б. Демерле, Л. Н. Белоножко
E. B. Demerle, L. N. Belonozhko

Ключевые слова: читательские потребности; духовный климат общества; мировоззренческие тенденции; ценностные ориентации; социальный интеллект; интеллектуальное развитие; социальная структура общества; письменная культура
Key words: readers' needs; spiritual climate of the society; reading; ideological trends; social intelligence; cognitive development; social structure; written culture

Рассматриваются особенности формирования читательских потребностей современной молодежи, живущей в век информационных технологий и имеющей доступ к большим объемам информации, для анализа и структурирования которой необходимо иметь интеллектуальную базу, сформировать которую возможно только посредством чтения, в том числе произведений классической литературы. Теоретические постулаты подкреплены результатами эмпирического социологического исследования, которое было проведено методом анкетирования.

The article considers the peculiarities of readers' needs of the contemporary youth, living in the age of information technology and having an access to large volumes of information, for the analysis of structuralizing of which one needs to have an intellectual base, that can be formed only through reading, including works of classical literature. The theoretical postulates are supported by the results of the empirical sociological research conducted using a questionnaire method.

Россия во все времена была одной из наиболее читающих стран мира, которая подарила мировой литературе многих великих поэтов и прозаиков, на чьих произведениях воспитано не одно поколение. По последним данным социологических исследований видно, что в последнее время население нашей страны стало намного меньше читать книги, что является тревожным сигналом. Обилие разнообразной информации, иногда сомнительного происхождения, повышенная значимость времени, трансформация образовательной системы, а также интенсивное развитие медиакультуры — это и многое другое в совокупности приводит к изменению потребностей и мотивов чтения, что сказывается на выборе литературы и видов читательских ресурсов.

Чтение — основной и ничем не заменимый источник социального опыта прошлого и настоящего, российского и зарубежного. Оно отражает многогранную жизнь и направление интересов общества и является важнейшим способом освоения социально-значимой информации — профессионального и быденного знания, культурных ценностей, сведений об исторических событиях и событиях современности. Чтение является самым мощным механизмом поддержки и приумножения богатства родного языка.

По мнению Кузьмина Е. И., Орловой Э. А., «если под «чтением» понимать чтение не только художественной, но и научной, научно-популярной, производственной, политической, экономической и другой социально значимой литературы, то поддержка и развитие чтения могут помочь в ... улучшении уровня жизни всего населения» [2]. Это обусловлено тем, что сформированная потребность в получении знания через книгу способствует выработке потребности данные знания прикладывать через свою трудовую деятельность, повышая личный и общественный уровень благосостояния.

Помимо того, книжная, журнальная и газетная продукция (в традиционном и электронном виде) используется «не только в качестве средства образования, приобретения профессиональных знаний, освоения социального опыта, источника эмоций, но и в качестве знака, символа, позволяющего улучшить собственный имидж, повысить социальный статус, примкнуть к определенной социальной общности» [1].

Анализ читательских потребностей россиян позволяет сделать вывод о том, что с течением времени процесс пополнения своего интеллектуального багажа через чтение меняет характер: становится более инструментальным, функциональным и прагматичным. Данное обстоятельство формирует следующие тенденции: во-первых, процесс чтения используется преимущественно для получения конкретных сведений или самообразования, во-вторых, чтение приобретает все более поверхностный характер, становится средством приятного времяпровождения, в то время как мировоззренческая функция чтения уходит на второй план. В то же время меняется отношение к книге как к источнику мудрости и знаний, накопленных поколениями предков, как к основному ресурсу, формирующему мировоззренческие основы и ценностно-ориентационную базу подрастающего поколения.

Распространение электронных книг и приложений для смартфонов закономерно приводит к уменьшению покупки книг на бумажных носителях. В то же время, с развитием Интернета большой популярностью начали пользоваться новостные ленты, блоги, которые, в свою очередь, формируют ощущение быстротечности, легкодоступности, а значит, и невысокой достоверности информации. Изменение мировоззренческой основы общества на фоне его вступления в информационный этап развития сказалось проявлением тенденции к преобладанию в качестве читательских предпочтений россиян справочных, утилитарных изданий (пособий по домоводству, садоводству, воспитанию детей и т. д.), а также словарей, энциклопедий и изменением характера чтения, который стал более инструментальным и прагматичным, а значит, и менее отягощенным мировоззренческой смысловой нагрузкой.

В свою очередь, данные мировоззренческие тенденции наиболее остро отражаются на подрастающем поколении, так как лишают его возможности иметь полную картину мира, разграничивать понятия добра и зла, добродетели и справедливости. И только потребность в чтении может сформировать образ мыслей молодых людей, способствующий развитию аналитического стиля мышления и познания социальной реальности. Читая произведения классической литературы, молодой человек не только пополняет свой интеллектуальный багаж новой информацией и пытается ее классифицировать и анализировать, но и приобретает социальный интеллект, который выражается в способности распознавать чувства и мысли других людей, мотивов их поведения. Таким образом, для того чтобы сформировать и сохранить интеллектуальный потенциал данного общества необходимо развивать потребности детей, подростков и молодых людей в чтении.

В процессе исследования читательских потребностей современной молодежи, было проведено пилотажное социологическое исследование, в котором приняли участие студенты первых и вторых курсов гуманитарного направления Тюменского государственного нефтегазового университета. Исследование проводилось методом анкетирования с целью выявления потребностей студенческой молодежи в чтении современной и зарубежной литературы, определения места чтения в иерархии досуговых предпочтений студенческой молодежи.

В результате данного исследования можно сделать следующие выводы: отвечая на вопрос об источниках информации, которым молодые люди отдают наибольшее предпочтение, 55 % респондентов ответили, что это Интернет, 24 % выделили телевидение, и лишь 17 % отметили печатные издания, в том числе книги, газеты и журналы, 4 % выбрали свой вариант (рис.1).

Рис. 1. Наиболее предпочтительные источники получения информации

49 % респондентов отметили, что чтение входит в пятерку их любимых занятий, 25 % отметили, что чтение входит в десятку любимых занятий и только 4 % сказали, что чтение не входит в сферу их интересов.

Помимо этого, отмечая основную цель чтения как формы проведения досуга, мнения респондентов разделились: так, 32 % отметили, что читают с целью отдыха и развлечений, 29 % опрошенных отметили, что основной целью чтения является расширение кругозора, 36 % читают для того, чтобы чувствовать себя на равных с другими, 3 % опрошенных выбрали другой вариант. Эти данные подтверждают тот факт, что интеллектуальное развитие является одной из основополагающих ценностей в среде студенческой молодежи, и для поддержания своего интеллектуального потенциала молодые люди занимаются самообразованием через усвоение художественной, научной, публицистической и специализированной литературы.

Что касается вопросов относительно периодичности чтения, то 37 % опрошенных отметили, что регулярно выделяют время для чтения, 32 % любят читать, но не имеют достаточно времени, 23 % сказали, что читают крайне редко, и только 8 % отметили, что не читают вообще (рис. 2).

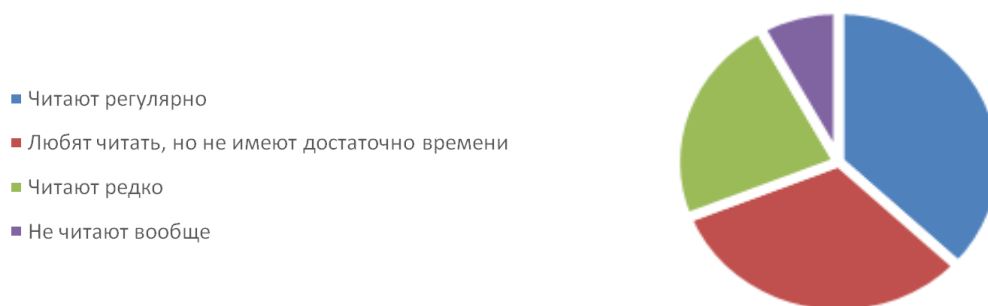

Рис. 2. Периодичность чтения

Характер читательских предпочтений студенческой молодежи можно определить, выявляя жанровые предпочтения, среди которых по итогам опроса на первом месте оказалась художественная литература (38 %), на втором месте — публицистическая (25 %), далее идет литература по специальности (22 %), а также учебники и пособия (15 %). Таким образом, это подтверждает факт о продолжении и воспроизведении читательских традиций современной студенческой молодежи, которая заинтересована в развитии своего интеллектуального потенциала через чтение в первую очередь художественных произведений, которые можно отнести в копилку русской и зарубежной классической литературы.

Что касается жанровых предпочтений художественной литературы, то результаты данного исследования продемонстрировали всю палитру литературных направлений: так, детективы выбрали 23 % опрошенных, фэнтези — 19 %, любовные романы — 26 %, исторические произведения — 14 %, научная фантастика — 18 %, приключения — 25 %, мистика — 15 %, поэзия — 6 %, русскую и зарубежную классику предпочитают 27 % опрошенных.

Предпочтительным для респондентов форматом книги оказалась электронная книга, за которую отдали предпочтение 57 % голосов, на втором месте находится книга в бумажном варианте (34 %), аудиокнига заинтересует 9 % опрошенных, что полностью соответствует современным тенденциям жизни в условиях постиндустриального информационного общества.

Таким образом, как отмечает Мелентьева Ю. П., «значимость чтения для функционирования общества определяет повышенный научный интерес к данному явлению, тем более на фоне общемировой тенденции снижения популярности чтения» [3]. В то же самое время изучение данного явления в молодежной среде еще более наглядно демонстрирует происходящие в обществе изменения и формирующиеся тенденции за счет динамичности и подвижности данной социальной группы.

В заключение следует еще раз обозначить значимость чтения, которое отражает многогранную жизнь и направление интересов общества и воздействует на духовную сферу общественной жизни, способствуя распространению идей и взглядов, соответствующих общественным интересам, вооружению людей конкретными знаниями для их активного участия во всех сферах жизни общества. В то время как понимание, оценка и освоение текущих изменений в России и в мире, особенно в условиях глобализации, меняющей социальную структуру общества, его мировоззренческие основы с невероятной скоростью, интеграция их в контекст уже существующего социокультурного пространства во многом зависит от степени усвоения подрастающим поколением письменной культуры.

Список литературы

1. Аскарова В. Я. Мода в чтении: постижение смысла всестороннего исследования // Мода в книжной культуре: границы дозволенного: Сборник научных статей / Челябинская государственная академия культуры и искусств. – Челябинск, 2010. – С. 10
2. Кузьмин Е. И., Орлова Э. А. Поддержка и развитие чтения — общенациональная задача // Поддержка и развитие чтения в библиотечном пространстве России: Сборник научно-практических работ / Составитель В. Я. Аскарова. – М., 2007.
3. Мелентьева Ю. П. От нации читателей к нации зрителей. Эволюция чтения и его изучения // Библиотечное дело. – 2006. – № 10. – С. 19-23.

Сведения об авторах

Демерле Екатерина Борисовна, к. с. н., доцент кафедры «Маркетинга и муниципального управления», Тюменский индустриальный университет, тел. 8(3452)208456, e-mail: katyushanya7@mail.ru

Белоножко Лидия Николаевна, ассистент кафедры «Маркетинга и муниципального управления», Тюменский индустриальный университет, тел. 7(3452)208456, e-mail: lnbelonozhko@gmail.com

Demerle E. B., Candidate of Science in sociology, associate professor of the chair «Marketing and municipal management», Industrial University of Tyumen, phone: 8(3452)208456, e-mail: katyushanya7@mail.ru

Belonogko L. N., assistant of the chair «Marketing and municipal management», Industrial University of Tyumen, phone: 8(3452)208456, e-mail: lnbelonozhko@gmail.com

УДК 316.4

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ PECULIARITIES OF RUSSIAN STUDENTS' VALUE ORIENTATIONS DYNAMICS

Т. Д. Косинцева, К. Ю. Шлык
T. D. Kosintseva, K. Yu. Shlik

Ключевые слова: ценности; ценностные ориентации; содержание ценностных ориентаций; студенчество; социальный портрет студента
Key words: value; value orientation; the contents of value orientations; student body; social portrait of a student

В статье проводится анализ динамики ценностных ориентаций студенческой молодежи, касающихся основных ценностей — личной безопасности, представлений об идентичности, предпочтений относительно социального, экономического устройства России, семейных ценностей, здоровья. По результатам социологического исследования в статье представлен социальный портрет современного студента.

The article analyzes the dynamics of students' values orientations concerning the basic values, i.e. personal security, perceptions of identity, preferences regarding the social and economic system of Russia, family values and health. Based on the results of sociological research a social portrait of a modern student is presented.

Формирование ценностных ориентаций российской молодежи имеет важнейшее значение в жизни не только молодого поколения, но и всего общества в целом. В последние 2–3 десятилетия в российском обществе наблюдаются резкие изменения в социально-экономической, социально-культурной областях общественного устройства, которые в свою очередь влияют на установки, ценностные ориентации, мировоззрение граждан общества, особенно молодежи [3]. Произошедшая смена официальной государственной идеологии, определявшей качественные характеристики всех сфер общественной жизни на протяжении более 70-ти лет, явилась одним из условий формирования свободной среды, благоприятной для любых инноваций, творчества, способствующей расцвету духовно-нравственной направленности в формировании личности. Одновременно с этим стали проявляться и негативные тенденции, которые, на наш взгляд, неизбежны при переходе общества от одной формации к другой. Так, результаты многочисленных исследований в области социологии, культурологии, этики, педагогики и психологии говорят об изменениях общественных установок, системы ценностей и нравственных ориентиров [4]. Определенная часть исследований тяготеет к выделению дезорганизационных тенденций: в результате смены формации общество лишилось, прежде всего, идейно-нравственных основ, обеспечивающих стабильность и создающих условия для дальнейшего развития. Хаос в политической и общественной жизни, индивидуализм, культ материального, девальвация «вечных» ценностей – таким представляется современное российское общество [3].

Но, с другой стороны, исследователи выделяют и положительные изменения в установках и ценностных ориентациях, связанные с тем, что на первый план по своей значимости выходят качества, которые ранее не получали должного развития: инициативность, предприимчивость, способность к нестандартному мышлению, творческому поиску, стремление реализовать свой креативный потенциал [5].

Изменения ценностных ориентаций, которыми сопровождаются любые, более или менее значимые общественные изменения, с одной стороны, характеризуются качественно новым содержанием, в то же время эти новшества не означают полного отказа от традиционных ценностных ориентаций и связанных с ними качеств, таких как исполнительность, обязательность, умение руководить и подчиняться, ограничивать собственные порывы, идущие вразрез общественным интересам и т. п.

Таким образом, можно говорить о динамике качественного соотношения ценностей, признающих значимыми обществом и индивидом. Наиболее динамической социальной группой в плане ценностных ориентаций является студенческая молодежь [3]. Во-первых, студенчество представляет собой особую мобильную социальную группу, специфическую общность людей, которые объединены одной организацией — высшим учебным заведением. Общность студенчества как социальной группы определяется ценностными ориентациями, которые связаны и с процессом обучения в вузе, и с получением профессионального образования. Во-вторых, студенчество охватывает довольно широкий возрастной период от 17 до 25 лет, а в настоящее время возрастной порог студентов повышается в связи с получением второго образования, переподготовкой и др. Таким образом, студенческая молодежь — это та группа, возрастной задачей которой является активное становление мировоззрения, ценностных установок и ценностных ориентаций.

Особенностью студенческой молодежи как группы является ее подверженность любым общественным изменениям, поскольку для молодежи свойственна ориентация на новое, отказ от старых традиций и форм жизнедеятельности. Студенческая молодежь во все времена являлась наиболее политически активной частью населения, ядром бунтарского духа, инноваций, изменений [4]. Студенческая молодежь является основным стратегическим ресурсом общества, поскольку за ней будущее страны и общества, именно она будет определять облик, мировоззрение, ценности последующих поколений. Поэтому важное значение сейчас имеет содержание тех ценностей, которые формируются в среде студенческой молодежи, и основная опасность заключается в том, что в состоянии неопределенности перестают действовать прежние стандарты поведения, а новые потребительские ценности, еще формирующиеся, становятся угрозой старым. В связи с этим механизм формирования

ценностных ориентаций студенческой молодежи подвергается существенным изменениям и нередко складывается стихийно.

Исследование проблем ценностных ориентации продиктовано практическими потребностями, поскольку негативные проявления оказывают непосредственное влияние на ролевую структуру современного российского общества. Актуальной в современной науке остается проблема изучения ценностных ориентаций, являющихся регуляторами социальной жизни, которые регламентируют деятельность личности, детерминируют поведение людей [1]. Ученые анализируют теоретические аспекты формирования ценностных ориентаций и их влияние на поведение человека и общества. Были проведены эмпирические исследования ценностей различных категорий населения (О. Г. Дробницкий, В. П. Тугаринов). Анализ динамики ценностные ориентации в период трансформации общества проводился под руководством Н. И. Лапина [6]. Анализ результатов исследования содержания ценностных ориентаций в России представлен в работах А. В. Андреевской, Л. Г. Ионина [2], Ю. А. Левады [7], В. А. Ядова [10], В. С. Магуна и др. [1].

С 60-х годов прошлого века активно изучались ценностные ориентации молодежи вообще и студенческой в частности в работах С. Н. Иконниковой, И. С. Кона, В. Ф. Левичевой, Е. Е. Леванова, В. Т. Лисовского [8, 9], В. Г. Немировского и др. Современные исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи представлены в работах И. В. Васениной, В. И. Добрыниной, Т. Н. Кухтевич, Н. Л. Смакотиной, Е. А. Гришиной, И. С. Болотина и др. [1].

Студенчество всегда являлось и является наиболее образованной, интеллектуальной, динамичной частью молодежи. Ей всегда были свойственны такие качества, как уверенность в себе, целеустремленность, чувство новизны. Эти позитивные качества молодых людей вступают в противоречие с неблагоприятной социально-экономической средой, которая сформировалась в России в последние годы. Поэтому на данном этапе важно выявить, понять те ценности, которыми руководствуются молодые люди, их собственные ценностные ориентации [3]. Студенческая молодежь оказывается наиболее социально незащищенной частью общества. Отсутствие жизненного опыта делает их легкой добычей криминальных структур, способствует неадекватной реакции на переживаемые трудности. В этих условиях увеличивается роль вузов, выполняющих функцию социально-экономического и нравственного характера. Возрастает роль организации досуговой деятельности студентов, которая направлена на развитие и саморазвитие личности и вносит вклад в создание социально-культурных ценностей. Приобщение к духовным ценностям заложено в осуществлении преемственности различных культур, реализации нравственно-эстетических норм культуры в разнообразных видах деятельности, формах общения и поведения [5].

Таким образом, исследование ценностных ориентаций, формирующих духовную жизнь студентов в период обучения в учебном заведении, является одной из наиболее актуальных проблем современной социологии.

С целью анализа динамики ценностных ориентаций студентов во время обучения в вузе нами было проведено срезовое экспериментальное исследование, в котором приняли участие студенты 1–4 курсов Тюменского государственного нефтегазового университета (ТГНГУ) (2004 г.) и студенты Сибирского института управления (СИБИУ) (2013 г.), всего в исследовании было задействовано 186 человек, студенты 1–4 курсов очного отделения.

Основные задачи исследования:

- содержательный анализ ценностных ориентаций;
- выделение наиболее актуальных проблем современной студенческой молодежи;
- составление социального портрета студента.

Исследование проводилось в отношении следующих ценностных установок:

- жизненные цели (наличие/отсутствие выезда за границу после окончания обучения в вузе);
- отношение к религии,
- актуальные проблемы (наиболее беспокоящие проблемы);
- поведение в непредвиденной фрустрирующей ситуации;

- отношение к вредным привычкам;
- оценка собственного здоровья;
- ценности семьи;
- ценность образования, получения высшего образования, удовлетворенность выбранной специальностью.

Анализ жизненных целей студентов показал, что возможность уехать за рубеж в 2004 году рассматривают 3,2 % студентов; в 2013 году — 11 % студентов.

Анализ ценностей и ценностных ориентаций показал следующие результаты:

- отношение к религии: верующих среди студентов в 2004 году было 55 %, а в 2013 году — 73 %;
- отношение к здоровому образу жизни: в 2004 году к употреблению наркотиков отрицательно относились 24,2 % студентов, положительно — 1,1 % студентов и считали употребление наркотиков сугубо личным делом 74,7 %; в 2013 году отрицательно относились к употреблению наркотиков 96 %, считали возможным употребление наркотиков 4 %;
- удовлетворенность своим здоровьем в 2004 году: 48 % были удовлетворены своим здоровьем, 1 % студентов были не удовлетворены состоянием своего здоровья; в 2013 году 23 % студентов были удовлетворены состоянием своего здоровья, 5 % — не удовлетворены;
- ценность семьи: в 2004 году 32,8 % студентов удовлетворены своими семейными отношениями, в 2013 году уже 90 % студентов удовлетворены своими семейными отношениями;
- ценность обучения, получения высшего образования, удовлетворенность выбранной специальностью: в 2004 году ценность высшего образования и обучения отметили 58,1 % студентов, в 2013 году — 58 %. Удовлетворенность от выбранной специальности в 2004 году наблюдалась только у 58,1 и у 72 % студентов в 2013 году.

Распределение удельного веса испытуемых в соответствии с ценностными ориентациями представлено на рисунке.

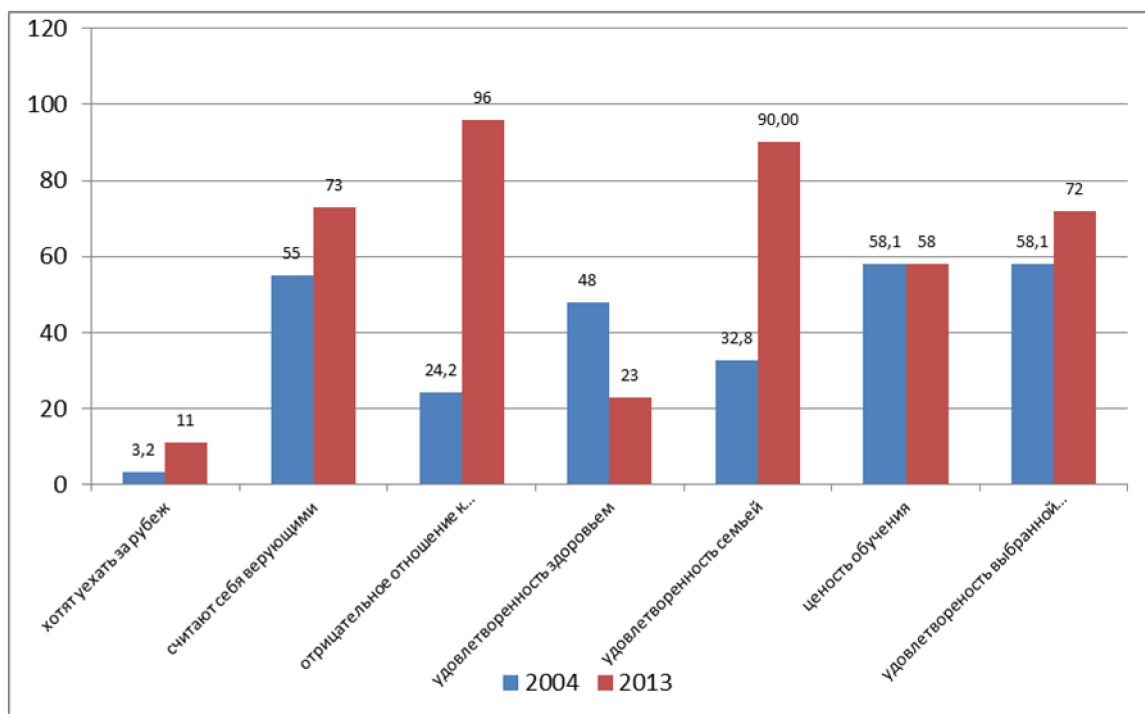

Рисунок. Распределение удельного веса студентов по выбранным ценностным ориентациям

Анализ рисунка позволяет сделать вывод о том, что удельный вес студентов, считающих себя верующими, отрицательно относящихся к наркотикам, удовлетворенных своей семейной жизнью, выбранной профессией, в 2013 году вырос по сравнению с 2004 годом ($p < 0,01$).

Снизился удельный вес студентов, удовлетворенных своим состоянием здоровья с 48 до 23 ($p < 0,01$), на наш взгляд, это связано не столько с объективным ухудшением состояния здоровья, сколько с возросшими требованиями к внешнему виду, состоянию тела, состоянию здоровья, повышением престижа здорового образа жизни, более внимательным отношением к своему здоровью. Ценность обучения осталась неизменной — более 50 % студентов считают обучение важным периодом своей жизни, ценным периодом получения опыта и знания.

Несмотря на то, что в 2013 году удельный вес студентов, удовлетворенных выбранной профессией, повысился, тем не менее материальная сторона профессии так же осталась важной, ее значение среди юношей в 2013 году выросло по сравнению с юношами в 2004 году.

Характеризуя жизненные цели современных студентов, можно сделать вывод, что удельный вес студентов, связывающих свое будущее с выездом за рубеж, повысился с 3,4 % до 11 % в 2013 году. Анализ наиболее актуальных проблем современных студентов позволил получить следующие данные: студентов в 2004 году беспокоили нестабильность 32,3 %, материальные проблемы — 49,5 %, личные проблемы — 42,5 %, преступность — 33,3 %. Для студентов в 2013 году характерны те же беспокойства, только удельный вес студентов, беспокоящихся из-за преступности, снизился до 28 % ($p < 0,01$).

Анализ особенностей поведения в непредвиденной ситуации (проблемной ситуации) показал, что будут надеяться на помощь и поддержку близких и друзей 67,2 % (2004) и 20 % студентов (2013); будут надеяться на собственные силы 33,9 % (2004) и 20 % студентов (2013); будут надеяться на помощь государства — 3,2 % (2004) и 5 % студентов (2013).

Таким образом, в результате проведенного исследования нами был составлен социальный портрет представителя современной студенческой молодежи.

Для современного студента важное значение приобретает религия, молодой человек — это, прежде всего, верующий, относящий себя к определенной конфессии. Для современной студенческой молодежи ценным является семья, семейные отношения, обучение и приобретение профессии, при этом современные студенты стремятся выбирать ту профессию, которая будет интересной, в которой можно будет развиваться, одновременно немаловажное значение имеет материальная сторона профессиональной деятельности — современные студенты практичны в выборе своего будущего, ориентация на материальную сторону профессии в большей степени характерна для юношей, чем для девушек. Свое будущее современные студенты связывают с проживанием в России. Наиболее актуальными проблемами для современной студенческой молодежи являются материальные и личные проблемы. Здоровье и здоровый образ жизни являются важной сферой жизни современного студента, что проявляется в негативном отношении к различного рода зависимостям, вредным привычкам, которые считаются не только сугубо личным делом, а также более внимательное отношение к своему здоровью. В проблемной ситуации современные студенты меньше всего будут рассчитывать на поддержку близких и друзей, так же они сами не стремятся разрешить свои проблемы, и в этом наблюдается несколько инфантильная позиция современного студенчества.

Список литературы

1. Биченко И. Г. Ценностные ориентации студентов российских вузов в условиях социальной анонимии: автореф. диссер. канд. социол. наук. — М, 2009. — 21 с.
2. Ионин Л. Г. Основания социокультурного анализа. — Москва: Изд-во РГГУ, 2010.
3. Косинцева Т. Д. Формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи. — Тюмень, ТГНУ, 2007. — 176 с.
4. Косинцева Т. Д. Проблемы формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи в досуговой деятельности: автореферат диссертации канд. социол. наук. — Тюмень, 2005. — 20 с.
5. Кузьмен О. В. Настоящее и будущее России в ценностных ориентациях представлениях студенческой молодежи // Мониторинг общественного мнения. Сентябрь — октябрь 2013. — № 5 (117) — С. 135-143.
6. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России // Социологические исследования. — 2010. — № 1. — С. 28-36.

7. Левада Ю. А. Заметки о «проблеме поколений»// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные проблемы. – 2002. – № 2.
8. Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. – СПб: СПбГУП, 2000.
9. Лисовский В. Т. Социальные изменения в молодежной среде // Теоретический журнал «Credo». – 2002.
10. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. – М.: ЦСПИМ, 2013. – 376 с.

Сведения об авторах

Косинцева Тамара Дмитриевна, к. с. н., доцент, Тюменский государственный медицинский университет, тел. 89199449030, e-mail: tamarakosinceva@mail.ru

Шлык Константин Юрьевич, к. соц. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89222739876, e-mail: Naive111@mail.ru

Kosintseva T. D., Candidate of Science in Sociology, Tyumen State Medical University, phone: 89199449030, e-mail: tamarakosinceva@mail.ru

Shlik K. Yu., Candidate of Science in sociology, associate professor of the chair «Marketing and municipal management», the Industrial University of Tyumen, phone: 89222739876, e-mail: Naive111@mail.ru

УДК 316.4

ДОМИНАНТНЫЕ ЦЕННОСТИ И ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ В РАЗВИТИИ НАРОДОВ СЕВЕРА: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА В ЮГРЕ DOMINANT VALUES AND POSSIBLE RISKS IN THE DEVELOPMENT OF THE NORTHERN PEOPLES: BASED ON THE SOCIOLOGICAL SURVEY IN YUGRA

В. В. Мархинин, И. В. Удалова
V. V. Markhinin, I. V. Udalova

Ключевые слова: этнос; доминантные ценности; риски для будущего; программа развития
Key words: ethnos; dominant values; future risks; development program

На основе данных массового социологического опроса 2014 г., взятых в контексте результатов опросов предшествующих лет, рассматриваются ценностные предпочтения в сфере межнациональных отношений и возможные риски для будущего коренных малочисленных народов Югры – ханты и манси. Делается вывод, что на современном этапе в сознании югорского сообщества коренных северных народов тесно сопрягаются ценности российской и этнической идентичности, местного югорского патриотизма. Происходит снижение уровня тревожности в плане исторической перспективы этнического существования этих народов. Подчеркивается необходимость развития ключевых сторон их образа жизни в рамках реализации программы, принятой в ХМАО – Югре.

On the basis of data of the mass sociological survey of 2014, treated in the context of previous years' survey findings, the author examines value preferences in the sphere of interethnic relations and possible risks for the future of small indigenous peoples of Yugra – Khanty and Mansi. The author comes to the conclusion that at the current stage the Russian and ethnic minority values and local patriotism blend in the minds of Yugra's small indigenous peoples' community. The level of anxiety about the historical perspective of ethnic existence of these peoples is decreasing. The author stresses the necessity to develop the key elements of their lifestyle under the program adopted in KhMAO-Yugra.

На основе данных массового социологического опроса 2014 г., взятых в контексте результатов опросов предшествующих лет, рассматриваются ценностные предпочтения в сфере межнациональных отношений и возможные риски для будущего коренных малочисленных народов Югры – ханты и манси. Делается вывод, что на современном этапе в сознании югорского сообщества коренных северных народов тесно сопрягаются ценности российской и этнической идентичности, местного югорского патриотизма. Происходит снижение уровня тревожности в плане исторической перспективы этнического существования этих народов. Подчеркивается необходимость развития ключевых сторон их образа жизни в рамках

реализации программы социально-экономического развития народов Севера, принятой в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре.

Изучение доминирующих ценностей, связанных с тенденциями динамики образа жизни коренных малочисленных народов Севера и содержащихся в ней рисков для их будущего, на современном этапе развития остается актуальным. В данной статье эта тема рассматривается на материале недавнего (2014 г.) массового социологического опроса представителей народов Севера, ханты и манси, и населения других национальностей Югры с учетом социальных сдвигов предшествовавшего времени.

Как отмечается в государственной программе развития народов Севера автономного округа, изложенной в документе «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2014–2020 годы», на сегодняшний день Ханты-Мансийский автономный округ — Югра является одним из ведущих субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития коренных малочисленных народов. Основным показателем, характеризующий социальное положение коренных малочисленных народов, заключается в положительной динамике демографических процессов. Общая численность коренного населения, проживающего на территории автономного округа, увеличилась за последние годы с 30 268 человек (2006 год) до 31 945 человек (2012 год). Положительный естественный прирост коренных малочисленных народов вырос с +12,1 человека на 1 000 человек населения в 2006 году до +20,8 человека на 1000 человек населения в 2012 году. Положительный естественный прирост по автономному округу в целом в 2012 году составил +11,4 человека на 1 000 человек населения. Это говорит о стойкой положительной тенденции демографических показателей и свидетельствует о правильно выбранной политике в отношении коренных малочисленных народов на территории автономного округа.

Важными положительными результатами реализации государственной политики в отношении коренных малочисленных народов в автономном округе на протяжении последних 2 десятилетий являются также: создание комплексной правовой базы, гарантирующей их права; рост их численности, снижение уровня младенческой смертности; снижение уровня безработицы; повышение заинтересованности в ведении традиционного образа жизни и видов традиционной хозяйственной деятельности; рост количества их общин. Обеспечено представительство интересов коренных малочисленных народов в органах государственной власти автономного округа (Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера Думы автономного округа). В автономном округе учреждены общественные организации коренных малочисленных народов: «Спасение Югры», «Союз оленеводов», «Союз мастеров традиционных народных промыслов коренных малочисленных народов «СорниЕш», «Молодежная организация обско-угорских народов», «Союз общин коренных малочисленных народов», «Совет старейшин коренных малочисленных народов» [1].

Данные социологического исследования, проведенного в Югре в 2014 г., показали, что самой важной ценностью подавляющее большинство представителей народов Севера (91 %) (равно как и большинство опрошенных респондентов всех других национальностей, проживающих в Югре (88 %) считают ценность «ощущать себя россиянином», что, несомненно, свидетельствует о высоком чувстве патриотизма, любви к стране, в которой они проживают. При этом на второе место (с незначительным разрывом от первого) опять же и народы Севера, и подавляющее большинство представителей многонациональной Югры, поставили такую важную для сохранения и развития своего этноса ценность, как: «знать язык и культуру своей национальности» (соответственно 89 и 86 %). Это говорит о том, что жители многонациональной Югры гордятся тем, что, проживая в России, желают и могут сохранять язык и культуру своей национальности (табл. 1).

Характерной особенностью представителей народов Севера, выявившейся в опросе, является то, что многие из них совмещают в некотором роде несовместимое: они способны «ощущать себя гражданином мира» (65 %), сохраняя при этом почти в такой же мере желание «жить среди людей своей национальности» (64 %). В целом по всему массиву опрошенных данное соотношение составляет (59 и 48 %), то есть для основной массы опрошенных не из

числа представителей народов Севера, (главным образом русских), ощущать себя «гражданином мира» оказывается важнее, чем жить среди людей своей национальности. Данное обстоятельство, скорее всего, можно объяснить тем, что большинство нынешних русских жителей Югры, являясь в значительной мере приезжими, сохраняют память о своих родных местах и испытывают ностальгию по прежним местам проживания.

Таблица 1

Распределение ответов представителей народов Севера и в среднем всех респондентов, проживающих в городах Югры, на вопрос «Насколько для Вас важны названные ниже ценности?» 2014 г. N = 453 чел. (% и рейтинг)

Насколько для Вас важно:	Народы Севера		Средний показатель по всему массиву респондентов	
	%	Рейтинг	%	Рейтинг
Ощущать себя россиянином	91	1	88	1
Знать язык и культуру своей национальности	89	2	86	2
Ощущать себя жителем округа	89	2	68	9
Соблюдать традиции своего народа	87	3	82	4
Ощущать себя представителем своей национальной (этнической) общности	84	4	75	6
Ощущать себя сибиряком	84	4	65	10
Ощущать себя жителем своего города (поселка)	84	4	74	7
Чтобы Ваши дети знали язык и культуру своего народа	81	5	85	3
Соблюдать религиозные обычаи своего народа	81	5	70	8
Уважать традиции и обычаи других народов	80	6	77	5
Ощущать себя гражданином мира	65	7	59	11
Жить среди людей своей национальности	64	8	48	12

На второе место по важности народы Севера поставили такую ценность, как «ощущать себя жителем округа — Югры». Что касается мнений всех опрошенных, то для них данная ценность не является в совокупности столь актуальной (68 %), как для аборигенов (89 %). Народности Севера также чаще (87 %), чем в среднем по всему массиву опрошенных (82 %), считают, что необходимо «соблюдать традиции своего народа».

На третье место по значимости все жители Югры поставили такую важную для сохранения своего этноса ценность, как желание, «чтобы их дети знали язык и культуру своего народа» (85 %). У народов Севера этот показатель, к сожалению, несколько ниже и стоит по значимости на пятом месте (81 %). Такую же долю составляют представители народов Севера, отметившие значимость для них ценности «соблюдения религиозных обычаев своего народа» (81 %), что значительно выше среднего показателя по всему массиву (70 %). При этом для представителей народов Севера, почти в той же мере, что и значение ценности «соблюдения религиозных обычаев своего народа», значима ценность, выраженная в тезисе «уважать традиции и обычаи других народов» (80 %). Надо подчеркнуть, что доли представителей народов Севера, отметивших свою готовность «уважать традиции и обычаи других народов», и доли таковых в общем массиве опрошенных практически равны. Это является свидетельством традиционно высокой степени взаимного межнационального согласия в современной Югре [2].

Социологический опрос 2014 г. показал, что представители народов Севера ощущают себя людьми, проживающими в комфортном человеческом окружении и межнациональном общении. Как видно из таблицы 2, большинство аборигенов оценивает отношение к себе со стороны других людей или как хорошее, или как нормальное.

Таблица 2

Как оценивают представители народов Севера отношение к себе со стороны других людей? (2014 г., N = 453 чел., %)

Представители народов Севера:	Хорошее	Нормальное	Недружелюбное	Конфликтное
Коллеги по работе/учебе	61	35	0,0	2
Руководители по работе/учебе	45	42	6	0,0
Соседи по дому	51	39	3	3
Другие жители	37	51	4	0,0

Особенно хорошие отношения у представителей народов Севера складываются с коллегами по работе или учебе (61 %), хорошие отношения преобладают и в общении с соседями по дому (51 %), а также с руководителями на работе (45 %). Отношения с другими жителями оцениваются ими как нормальные (51 %), а в заметной части также как хорошие (37%). Бывают, с их точки зрения, и случаи недружелюбного отношения со стороны руководителей на работе (6 %), со стороны соседей по дому (3 %) и со стороны других жителей (4 %). Однако до конфликтов дело доходит крайне редко: с коллегами по работе (или учебе) – в двух процентах случаев, с соседями по дому – в трех процентах случаев.

Рассмотрим теперь, какие социокультурные факторы, по мнению респондентов из числа представителей народов Севера, составляют главные опасности для будущего их народов, сопоставив ситуацию настоящего времени, отразившуюся в опросе 2014 г., с ситуацией предшествующих периодов, отразившуюся в опросах 2011 и 1994 гг. [3] (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов представителей народов Севера на вопрос «В чем, на Ваш взгляд, могут заключаться в настоящее время главные опасности для будущего Вашего этноса?», данные в 1994 г. (N = 760), в 2011 г. (N = 49) и в 2014 г. (N = 442 чел.), %

Опасность для будущего народов Севера	Год		
	2014	2011	1994
Утрата многими аборигенами национального языка народов Севера	84	94	43
Разрушение природной среды обитания	76	59	29
Рост пьянства и алкоголизма	57	50	57
Снижение рождаемости	37	12	9
Утрата национальных традиций, обычаев, верований	33	50	40

Сравнение данных за разные годы показывает, что утрата многими людьми своего национального языка осознается большинством представителей народов Севера как главная угроза будущему их этноса. Доля ответов, в которых выражено это мнение, возросла с 43 % в 1994 г. до 84 % в 2014 г. Нарастание данной озабоченности связано с тем, что доля владеющих языком своего народа у северных этносов постоянно сокращается.

Как отмечает С. Х. Хакназаров на основе материалов социологического опроса коренных малочисленных народов Севера в Югре в 2008–2011 гг., «практически во всех обследованных регионах большинство опрошенных считают, что их родные языки находятся под угрозой исчезновения». В то же время «значительное большинство респондентов практически во всех обследованных населенных пунктах хотели бы, чтобы их дети и внуки умели говорить и понимать свой родной язык, также читать и писать на своем родном языке» [4].

Главное условие сохранения позиций родного языка — это необходимость и возможность его применения в быту и производственной деятельности. В конечном счете это означает необходимость сохранения традиционных отраслей производства и, соответственно, природной среды традиционного хозяйства. Поэтому разрушение природной среды обитания также является одной из самых главных опасностей для будущего народов Севера Югры (76 %) [5]. Утрата национального образа жизни, традиций, обычаев и верований является, пожалуй, главной причиной роста алкоголизма у аборигенов [6].

Данные социологического исследования 2014 г. показали, что в целом из числа представителей народов Севера вполне удовлетворены своей жизнью 52 % респондентов, что несколько ниже среднего показателя по Югре (55 %). Вообще удовлетворенность разными сторонами образа жизни у народов Севера, как показывают опросы их представителей, в сравнении с удовлетворенностью в целом населения округа, отраженной в средних показателях по всему массиву респондентов, имеет свою специфику (табл. 4).

Из таблицы 4 видно, что представители народов Севера менее других довольны уровнем своих доходов: довольных уровнем доходов оказалось 25 % респондентов из числа представителей народов Севера при среднем показателе таковых по всему массиву опрошенных 33 %. Меньше среди представителей народов Севера довольных жилищными условиями (соответственно 37 и 53 %). Меньшую долю представители народов Севера составляют и среди всех респондентов, довольных содержанием своей работы (соответственно 46 и 52 %). Но при всем том представители народов Севера в заметно большей степени, чем в среднем по массиву опрошенных, удовлетворены работой местных органов власти (соответственно 41 и 26 %) и медицинским обслуживанием (38 и 32 %). Заметно больше другого населения представители народов Севера довольны работой учреждений образования (61 против 41 %) и культуры (61 против 54 %).

Таблица 4

Распределение ответов представителей народов Севера и в среднем всех респондентов, проживающих в городах Югры, на вопрос «Можно ли оценить как вполне удовлетворительные следующие стороны образа жизни населения Югры?» (2014 г., N=453 чел., %)

Условия жизни	Представители народов Севера	Средний показатель по всему массиву респондентов
Уровень доходов	25	33
Жилищные условия	37	53
Содержание работы	46	52
Медицинское обслуживание	38	32
Работа учреждений образования	61	41
Работа учреждений культуры	61	54
Работа местных органов власти	41	26

Отмеченное обстоятельство свидетельствует о более умеренных запросах коренного национального населения на комфортные условия жизни, что объясняется, вероятно, сохранением большего влияния традиции выживания в суровых условиях Севера на современный образ жизни этого населения. Тем не менее меньший запрос на комфорт не отменяет необходимости в достижении представителями коренных малочисленных народов большей, чем существующая в настоящее время, степени удовлетворенности уровнем доходов, качеством жилищных условий, содержанием трудовой деятельности.

Сравнение результатов социологических опросов, проведенных в 2011 и 2014 гг., показывает, что проблема будущего народов Севера, несколько утратив остроту, по-прежнему остается актуальной. Так, если в 2011 г. подавляющее большинство экспертов из народов

Севера (88 %) ответили, что будущее северных этносов находится в опасности, то в 2014 г. доля таких мнений среди опрошенных представителей народов Севера снизилась, однако составила значительную величину — 61 % (при среднем показателе по всему массиву опрошенных — 46 %) [7].

Анализ данных таблицы 5 показывает, что в 2014 г. в ответах на вопрос «Как Вы можете охарактеризовать отношение местных властей к представителям разных народов?», в целом по массиву опрошенных преобладали мнения, что отношение местных властей к представителям всех народов одинаково доброжелательное (33 %). Причем представители народов Севера указывали на это в полтора раза чаще других (47 %). Вдвое реже респонденты высказывали мнение, что местная власть безразлична к жизни представителей любых национальностей (17 %). То есть в целом по массиву доля положительных оценок деятельности местных властей в работе с местным населением и мигрантами выше отрицательных оценок. Тем не менее представители народов Севера в два раза чаще, чем в среднем по всему массиву, сетовали на то, что именно их этносу уделяется недостаточное внимание (соответственно 27 и 12 %).

Люди разных национальностей, проживающие в Югре, зачастую особенно пристрастно относятся к деятельности местных властей, поскольку она сказывается на решении жизненных проблем этнических сообществ региона и, прежде всего, проблем их собственного этноса. В целом по массиву 12 % респондентов считают, что местные власти уделяют недостаточное внимание именно их этносу, а приоритет отдается представителям других национальностей (12 %).

Таблица 5

Распределение ответов представителей народов Севера и в среднем всех респондентов, проживающих в городах Югры, на вопрос «Как Вы можете охарактеризовать отношение местных властей к представителям разных народов?» (2014 г. N = 453 чел., %).

Ответ	Народы Севера	Всего (по всему массиву)
Ко всем одинаковое доброжелательное отношение	47	33
Представителям моей национальности уделяется недостаточное внимание	27	12
Приоритет отдается представителям других национальностей	5	12
Власть безразлична к жизни представителей любой национальности	5	17
Трудно сказать	16	27
Всего	100	100

Представители народов Севера вдвое чаще (27 %), чем в среднем по массиву (12 %), сетуют на недостаток внимания со стороны местных властей к представителям своего этноса. Однако это обстоятельство они никак не связывают с тем, что местные власти отдают приоритет представителям других национальностей (последнее мнение высказали лишь 5 % респондентов из числа аборигенов). В целом представители народов Севера (имеющие льготы, как представители малочисленных этносов) в три раза реже (5 %), чем в среднем по всему массиву (17 %), высказывают мнение, что власть безразлична к нуждам этнических сообществ (и, естественно, их собственного этноса).

Социологический опрос 2014 г. показал, что большинство представителей народов Севера довольны работой местных органов власти (41 %), такая же доля не совсем довольных их работой, и только 17 % аборигенов сказали, что они недовольны работой местных органов власти (при среднем показателе по всему массиву опрошенных 29 %).

Тем не менее в качестве главного приоритета национальной политики в регионе с точки зрения представителей народов Севера должно выступать внимание к проблемам их народов. Так, отвечая на вопрос «Как Вы думаете, что нужно сделать местным властям для улучшения национальной политики?», большинство представителей народов Севера (более чем вдвое

чаще, чем в среднем по массиву: 64 % против 27 %) считают, что их этносам следует уделять больше внимания (таблица 6).

Таблица 6

Распределение ответов представителей различных национальных групп, проживающих в городах Югры, на вопрос «Как Вы думаете, что нужно сделать местным властям для улучшения национальной политики?» 2014 г. N = 453 чел. %

Ответ	Народы Севера	Всего (по всему массиву)
Следует больше внимания уделять мигрантам	4,3	14,3
Следует больше внимания уделять русскому населению	17,1	32,8
Следует больше внимания уделять народам Севера	64,3	27,8
Другое	14,3	25,2
Всего	100,0	100,0

Впрочем, мнение представителей малочисленных коренных народов округа о том, что местные органы власти должны уделять больше внимания проблемам народов Севера, очевидно, нужно понимать не как упрек местным властям за недостаток внимания, а как пожелание, чтобы и впредь внимание к этим проблемам оставалось приоритетом национальной политики на местах. В этом свете понятно, почему представители коренных народов в своем подавляющем большинстве не связывают упомянутое пожелание с тем мнением, что местные власти главное внимание уделяют проблемам других национальностей (тем самым, как могли бы думать некоторые респонденты, отодвигая на задний план заботу о нуждах народов Севера); такое мнение высказали лишь 5 % респондентов из аборигенов. В целом народы Севера (имеющие льготы, как представители малочисленных этносов) в три раза реже (5 %), чем в среднем по всему массиву (17 %), высказывают мнение, что местная власть недостаточно заботится о решении проблем жизнедеятельности этнических сообществ региона.

Таким образом, в целом национальная политика в Югре соответствует ценностным доминантам образа жизни коренных малочисленных народов Севера и способствует преодолению рисков для их будущего [8]. В последнее время имеются, как было отмечено на основании данных социологических опросов, признаки снижения уровня тревожности по поводу возможных угроз этническому существованию этих народов. Поскольку проблема возможных рисков для будущего народов Севера полностью не разрешена, необходимо, на наш взгляд, дальнейшее последовательное решение задач развития условий жизнедеятельности и в целом образа жизни северных этнических общностей, поставленных в названной выше окружной программе. К задачам, которые предстоит решать в среднесрочной перспективе, относятся: создание условий для устойчивого функционирования традиционных отраслей хозяйствования; поддержка традиционного образа жизни и природопользования; совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей взаимоотношения коренных малочисленных народов с хозяйствующими субъектами, ведущими свою деятельность в местах традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности; обеспечение повышения качества жизни, улучшения здоровья, создания системы жизнеобеспечения и социально-бытовых условий, способствующих удовлетворению жизненно важных потребностей коренных малочисленных народов; создание условий для сохранения культурно-исторического наследия, развития и популяризации языков, культуры, фольклора, ремесел и искусств коренных малочисленных народов.

Список литературы

1. Государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа —

Югры на 2014–2020 годы». Раздел 1. Характеристика текущего состояния социально-экономического развития коренных малочисленных народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: doc. cntd. ru/document/468961118

2. Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество Югры // Россия – Тюмень. Векторы евразийского развития / Под редакцией В. И. Левашова, Н. Г. Хайруллиной. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ. – 2015. – С. 202-220.

3. Мархинин В. В., Удалова И. В. Этнос в ситуации выбора будущего. – Новосибирск: Наука, 1993. 208 с.

1. Хакназаров С.Х. Состояние родных языков коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2008–2011 годах. – Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. – С. 134.

4. Мархинин В. В., Удалова И. В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс (социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе). – Новосибирск: Наука, 2002. – 254 с.

5. Мархинин В. В., Удалова И. В. Этнос и экология: социокультурные ориентиры народов Севера // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2011. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 60-65.

6. Мархинин В. В., Удалова И. В. Коренные народы Югры в системе межэтнических отношений // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2012. – № 1. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 56-63.

7. Мархинин В. В., Удалова И. В. Динамика тревог за этническое будущее (по материалам социологических опросов представителей народов Севера и русских Югры в 1991–2011 гг.) // Вестник угроведения. – 2013. – № 1 (12). – С. 91-100.

Сведения об авторах

Мархинин Василий Васильевич, д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой «Философия и право», Сургутский государственный университет, г. Сургут, тел. 8(3462)244322, e-mail: Markhinin@yandex.ru

Удалова Ираида Викторовна, к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск, тел. 8(383)3302240, e-mail: udalova.iraida@mail.ru

Markhinin V. V., PhD, professor, head of the chair of philosophy, Surgut State University, Surgut, phone: 8(3462)244322, e-mail: Markhinin@yandex.ru

Udalova I. V., Candidate of Sciences in Philosophy, Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk, phone: 8(383)3302240, e-mail: udalova.iraida@mail.ru

УДК 316.7

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕВИАЦИЯ МОЛОДЕЖИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ SOCIAL DEVIATION OF YOUTH AND FORMATION OF LEGAL CULTURE

С. В. Толмачева, А. А. Колтунова, Ю. И. Колтунова
S. V. Tolmacheva, A. A. Koltunova, J. I. Koltunova

Ключевые слова: правовая культура личности; социально-культурные процессы; девиантное поведение
Key words: legal culture of personality; social and cultural processes; deviant behavior

Проблемы формирования правовой культуры личности актуализируются в периоды социально-экономической нестабильности при усложнении социальной организации общества и активизации миграционных процессов. Важным показателем формирования правовой культуры в обществе является склонность к девиантному поведению. В статье анализируются результаты социологического исследования социальной девиации в молодежной среде. Результаты социологического исследования молодежной аудитории позволили выделить значимость проблемы социальной девиации среди молодежи, проранжировать основные проблемы, выявить мнение молодых людей о причинах возникновения социальных девиаций и обозначить факторы, позволяющие добиться снижения социальной девиации молодежи при решении проблем формирования правовой культуры общества. Обоснован вывод о возрастании роли государственной молодежной политики при формировании правовой культуры личности для поддержания социальной стабильности общества.

The problems of formation of personality legal culture are actualized in the periods of social and economic instability at complication of the society social organization and increased migration. An important indicator of the legal culture formation in the society is disposition to deviant behavior. The article analyzes the results of the sociological study of social deviation in the youth environment. The results of the research of the youth audience permitted to identify the significance of the problem of social deviation among young people, to rank the main problems, to disclose the opinion of young people about the causes of social deviations and to indicate the factors allowing to reduce the youth social deviation in solving the

problems of formation of the society legal culture. The conclusion about a growing role of the state youth policy in the formation of the legal culture of a person in order to maintain social stability is justified.

Система социально-культурных процессов определяется и взаимодействием личности и социальных групп в социуме. Современное общество постоянно усложняет свою социальную организацию, развитие общества реализуется и в увеличении возможностей социальной мобильности его членов [1]. Вхождение новых групп людей в сложившийся социум требует взаимопроникновения культур, их взаимодействия [2]. Не всегда эти процессы проходят безболезненно для социума и индивида. Сгладить возникающие межкультурные противоречия призвано, в первую очередь, формирование правовой культуры личности в рамках правовой культуры общества.

Актуализация проблемы формирования правовой культуры, усвоения социальных норм и правил в современном обществе возникает в периоды социально-экономической неопределенности, при активизации миграционных потоков, переселении народов [3]. Проблемы формирования правовой культуры являются насущными для любого государства. Можно утверждать, что стабильность государства во многом определяется принятием социумом единых правил и норм взаимодействия и последовательным исполнением их [4]. В России все больше говорят о необходимости формирования и развития правовой культуры, подчеркивая при этом, что рост преступности происходит из-за ее низкого уровня у россиян.

Одним из показателей формирования правовой культуры в обществе является склонность к девиантному поведению его членов, то есть «ненормальному», выходящему за пределы социальных норм, правил. В «Философском энциклопедическом словаре» предложено следующее определение: «Девиантное поведение — отдельные поступки или система поступков, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам: преступность и уголовно наказуемое поведение» [5]. Данным определением предложено воспользоваться при проведении социологического исследования в молодежной среде.

Непосредственным объектом исследования выбрана молодежь как особая социально-демографическая группа в структуре общества, ценностные ориентации которой обуславливают перспективное развитие общества. Молодость как определенный этап жизненного цикла и связанный с ней социальный статус зависят от культуры общества и закономерностей социализации данного общества [6]. Отличительной чертой данной фазы развития человека является и постоянная детерминация мировоззренческих установок, активное формирование ценностных ориентаций индивида и становление правовой культуры личности [7]. В данном исследовании воспользовались нормативно-юридическим критерием определения возраста молодежи как социальной группы общества, а именно, к молодежи были отнесены люди в возрасте с 14 до 30 лет. Так как у большинства членов общества вступление в силу критериев социальной зрелости (завершение процесса образования, начало самостоятельной трудовой жизни, вступление в брак и т. д.) происходит в возрастном промежутке от 14 до 30 лет, то определение возраста молодежи по нормативно-юридическому критерию является правомерным.

С целью выявления основных аспектов социальной девиации при формировании правовой культуры молодежи было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 113 человек в возрасте от 14 до 30 лет. В разведывательном исследовании участвовали молодые люди, жители города Тюмени, учащиеся школ города, колледжей и лицеев, студенты и работающая молодежь. Исследование проводилось методом анкетного опроса. Молодые люди высказывали свое мнение об остроте стоящих проблем, значимости и причинах социальной девиации молодежи. Опрос проводился в марте — апреле 2016 года.

В опросе приняли участия 113 человек, из них 45 % мужчин и 55 % женщин. Среди опрошенных 11 % составили молодые люди до 18 лет. От 19 до 22 лет было опрошено 48 % респондентов, от 23 до 30 лет — 39 %. То есть основную долю в выборочной совокупности респондентов заняли молодые люди в возрасте 19–22 года. Неполное среднее образование имеют 11 % респондентов учащихся школ, среднее образование — 10 % опрошенных,

учащихся колледжей и лицеев г. Тюмени. Основная масса молодых людей, принявших участие в исследовании, имеет незаконченное высшее образование (68 %), обучается в различных вузах г. Тюмени. Высшее образование имеет почти 19 % респондентов, это молодые специалисты, работающие в различных сферах народного хозяйства.

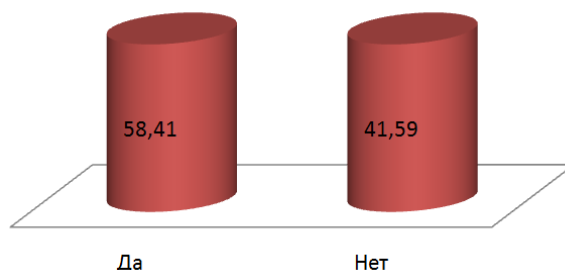

Рис. 1. *Встречались ли Вы с примерами социальной девиации среди своих друзей и знакомых*

Большинство молодых людей, принявших участие в опросе, встречались с примерами проявления социальной девиации у молодежи (рис. 1). Однако, по утверждению 41 % респондентов, среди их окружения нет людей с «отклоняющимся» поведением, и они даже не встречали социальных девиантов среди своего окружения.

Однако проблема социальной девиации осознается в молодежной среде: 72,5 % респондентов считают, что данная проблема стоит достаточно остро среди молодежи, и только 27,5 % опрошенных не осознают актуальность данной проблемы.

Особый интерес представляет мнение молодых людей о значимости различных проблем, таких как наркомания, алкоголизм, административные правонарушения, уголовные преступления, курение, нежелание работать, нежелание учиться, игромания, религиозный фанатизм. Анализ ответов респондентов позволил проранжировать ответы по степени значимости для молодежи. По результатам опроса можно выявить следующие значимые социальные девиации: наркоманию признали проблемой номер один почти 50 % респондентов; на втором месте большинство молодых людей обозначили алкоголизм. Третьей по значимости проблемой молодые люди назвали курение: в общей сложности 53 человека отдали этой социальной девиации первое, второе и третье место.

Необходимо отметить, что современное молодое поколение России подвержено влиянию социально-экономической ситуации, сложившейся в стране. Поэтому выявление причин возникновения девиантного поведения в молодежной среде является основополагающим элементом исследования для понимания проблем формирования правовой культуры общества.

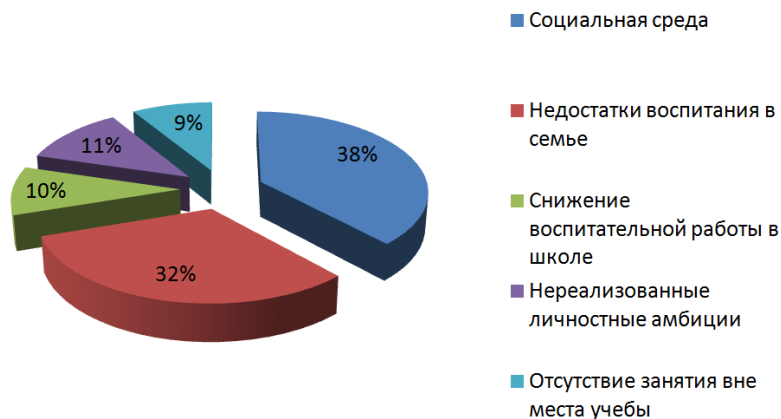

Рис. 2. *Причины возникновения социальной девиации у молодежи*

На рисунке 2 представлена структура ответов респондентов на вопрос о причинах возникновения социальных девиаций молодежи. Социальная среда названа 38,1 % респондентов как причина девиантного поведения. Еще 32 % опрошенных молодых людей называют недостатки воспитания в семье как вторую по значимости причину девиации молодежи. Примерно равное количество респондентов (9–11 %) назвали не реализованные личностные амбиции и снижение воспитательной работы по месту учебы как причину социальной девиации молодежи.

Особое внимание в социологическом исследовании уделяется выявлению мнений молодежи о возможности решения проблем формирования правовой культуры по снижению социальной девиации. В соответствии с анализом результатов исследования респонденты полагают, что проблемы социальной девиации могут быть решены в первую очередь только в рамках государственной молодежной политики (39,8 %). Значимость воспитательной работы в семье осознает половина опрошенных молодых людей (23,0 %). На третьем месте по значимости решения вопросов социальной девиации респонденты поставили самообразование и саморазвитие: данный фактор отметили 15,0 % респондентов. Молодежная политика местной власти и воспитательная работа по месту учебы отмечаются молодыми людьми, принявшими участие в исследовании, как необходимые, но не ведущие факторы формирования правовой культуры, способствующие снижению социальной девиации в молодежной среде.

Таким образом, социологическое исследование основных аспектов социальной девиации при формировании правовой культуры молодежи выявило, что прогноз развития российского общества при сохранении существующей позиции отношения властных органов к молодежной политике в обществе не может являться позитивным. Несмотря на то, что более сорока процентов респондентов не встречались с социальной девиацией в ближайшем окружении, что выглядит оптимистично, тем не менее более семидесяти процентов опрошенных считают, что данные проблемы стоят достаточно остро среди современной молодежи. Опрос подтвердил актуальность проблем наркомании, алкоголизма, курения, правового нигилизма в молодежной среде. Все это способствует не прогрессу, а регрессу общества при недостаточном внимании к проблемам формирования правовой культуры молодежи. Поэтому возникает необходимость акцентирования внимания на причинах и факторах формирования правовой культуры для снижения социальной девиации в молодежной среде.

Список литературы

1. Gaisina L. M., Bakhtizin R. N., Mikhaylovskaya I. M., Khairullina N. G., Belonozhko M. L. Social Technologies as an Instrument for the Modernization of Social Space in the Social and Labor Sphere. Biosciences Biotechnology Research Asia, December 2015. Vol. 12(3), 2947-2958
2. Gaisina L. M., Bakhtizin R. N., Mikhaylovskaya I. M., Khairullina N. G., Belonozhko M. L. Sociological Evaluation of Effectiveness of Labor Workers Behavior. Biosciences Biotechnology Research Asia, December 2015. Vol. 12(3), 3091-3100
3. Tkacheva N. A. Social regulation mechanisms of migration processes as a factor of improvement of the life quality of migrants and members of host association. Life quality of subjects of modern education – 2015: the scientific almanac / under the editorship of N. A. Golikov, E. G. Mironova, – Almaty: «Tsennyebumagi» publishing house. – 2015. – 198 p. PP. 67-71.
4. Толмачева С. В. Социальная реклама и формирование правовой культуры личности // European Social Science Journal. – 2014. – № 5-1 (44). – С. 415-418.
5. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 576 с.
6. Tolmacheva S.V. To The Question of Impact of Advertising Communication on Young Audience. Biosciences Biotechnology Research Asia, December 2014. Vol. 11(3), 1299-1302
7. Ustinova O.V. Deformation of values system as a reason of demographic crisis in Russia. Life Science Journal 2014;11(8s):465-468

Сведения об авторах

Толмачева Светлана Владимировна, д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет», г. Тюмень, тел. 89123825381, e-mail: svtolm@gmail.com

Колтунова Арина Анатольевна, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89091804616, e-mail: koltunova_blin@yahoo.com

Колтунова Юлия Ивановна, к. с. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89091943623, e-mail: qween200@mail.ru

Tolmacheva S. V. Doctor of Sociology, professor of the chair «Marketing and municipal management», Industrial University of Tyumen, phone: 89123825381, e-mail: svtolm@gmail.com

Koltunova A. A. postgraduate of the chair «Marketing and municipal management», Industrial University of Tyumen, phone: 89091804616, e-mail: koltunova_blin@yahoo.com

Koltunova J. I. Candidate of Science in Sociology, associate professor the chair «Marketing and municipal management», Industrial University of Tyumen, phone: 89091943623, e-mail: qween200@mail.ru_____

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 35:323:378.4

УНИВЕРСИТЕТ — ОСНОВА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО ОБЩЕСТВА UNIVERSITY — AS A BASIS OF COMPETITIVE SOCIETY

О. А. Зубчик
O. A. Zubchik

Ключевые слова: конкурентоспособность; человеческий капитал; высшее образование; государственная политика; университет; достойное трудоустройство
Key words: competitiveness; human capital; higher education; public policy; University; gainful employment

Показана связь высшего образования с конкурентоспособностью страны. Конкурентоспособность страны зависит от состояния ее человеческого капитала, который, в свою очередь, определяется такими ключевыми факторами, как уровень образованности населения, его научный потенциал, опыт успешных проектов личности. Для повышения конкурентоспособности Украины должно состояться максимальное включение высшего образования в систему экономических отношений. Государственная политика должна способствовать ускорению процесса сотрудничества по трансферу знаний и технологий университетов в современные производства и обратно.

The article shows relation between higher education and competitiveness of the country. The competitiveness of the country depends on the current level of its human capital, which is determined by such key factors as population's educational level, its research capability, success of completed projects by individuals. For the sake Ukraine's competitiveness, its higher education should be integrated as much as possible in the system of economic relations. State policy must promote acceleration of the process of cooperation in the field of knowledge and technology transfer from universities to modern production and back.

В современном мире для обеспечения устойчивого развития, а следовательно, экономического роста и конкурентоспособности страны, важное стратегическое значение все больше приобретают сферы науки и образования. Конкурентоспособность страны определяется факторами, среди которых важную роль играют уровень образованности населения, научный потенциал, опыт успешных проектов и, как результат, человеческий капитал. Ни ее естественные ресурсы, ни высокотехнологическое производство, а именно человеческий капитал, не являются гарантией высокой конкурентности и устойчивого развития экономик, государств и самих обществ. Кому же принадлежит главная роль в формировании человеческого капитала? Казалось бы, на первом плане должно быть высшее образование. Но

сегодняшняя ситуация явно показывает, что высшее образование (читай — университет), избавившись от аксиологических, эпистемических авторитетов, оказывается перед необходимостью поиска новых способов интеграции со средой современного экономического общества. Чтобы не остаться университетом прошлого, во-первых, должно состояться включение высшего образования в систему экономических отношений, во-вторых, должен наладиться и ускориться процесс сотрудничества по трансферу знаний и технологий университетов в современные производства и обратно.

Цель данного исследования — проанализировать текущее состояние позитивных инноваций и изменений в сфере высшего образования в Украине и связь высшего образования (университетов) с конкурентностью страны.

В международных рейтингах конкурентоспособности Украину относят к развивающимся странам, то есть характеризующимся повышенной политической и экономической нестабильностью, неблагоприятным инвестиционным климатом и чрезвычайно высокими рисками хозяйственной деятельности. По ежегодным данным отчета Всемирного экономического форума, Украина значительно уступает странам с развитой экономикой [19]. В то же время одной из причин причисления Украины к разряду развивающихся стран является то, что человеческий капитал страны — это самый недооцененный актив.

Что такое человеческий капитал? Чем он является для гражданина и для государства? Для гражданина это значит, что с качественными актуальными знаниями, навыками и затребованной профессией человек всегда будет иметь шанс на трудоустройство, моральное удовлетворение от своего труда, достойную заработную плату, обеспечивающую как минимум уровень среднего класса, что означает возможность здорового питания, оплаты ипотеки, содержания детей, автомашины, ежегодного отдыха — всего того, что входит в современное понятие западного стандарта «gainful employment» [4]. Либо как предприниматель он получит аналогичный (или более) доход от практического внедрения своей бизнес идеи.

Для государства качественный человеческий капитал — это конкурентные преимущества национальной экономики. Это и ноу-хау, и инновации, и специфические знания, и особые профессиональные компетенции трудового ресурса. Известно, что две трети национального богатства современной экономики приходится на человеческий капитал, формируемый в высшем образовании. 56 % ВВП вырабатывают специалисты с высшим образованием. Но главное, высшее образование дает человеку три основные возможности — быть развитой личностью, успешным в жизни, быть конкурентоспособным на рынке труда и способным сделать сознательный гражданский выбор. Поэтому качественным можно назвать образование, обеспечивающее реализацию всех этих трех возможностей. Как способствуют реализации этих возможностей современные университеты? Какова современная миссия университета?

Как считает проф. Влад Генин, декан факультета бизнеса Университета Феникса в Силиконовой Долине (США), «известно, что университеты делают все возможное, чтобы дать своим выпускникам глубокие современные теоретические знания и практические навыки (на основе андрогогической модели Платона — науки о том, как обучать взрослых) через достижение совершенства всех аспектов научной и учебно-академической деятельности... Университеты привлекают лучшие научно-педагогические кадры, внедряют новейшие методы и инструменты обучения, отвечающие требованиям подготовки студента 2016 года, который значительно отличается от студента 1990-х годов своей широтой кругозора, национальной и западной цивилизованностью, и, что очень и очень важно, уровнем компьютерной и интернет компетентности работы в виртуальных пространствах и социальных сетях. Сделано много, но далеко не все...» [4].

Чтобы продемонстрировать, чем на самом деле должен стать университет для конкурентоспособности страны, следует вспомнить пример Японии. Около 20 лет назад Гюнтер Паули, автор проекта «Синяя экономика — 10 лет, 100 инноваций, 100 миллионов рабочих мест» [6], изложил свою идею «Нулевых выбросов» Эйтору Гургулину де Соуза, ректору университета ООН в Токио. Тот сразу же взял его на работу как своего специального советника. Университет стал «воротами» и «лабораторией» этой идеи. Вскоре концепция «Нулевых выбросов» была распространена в Японии и других странах. Частные японские компании

быстро начали инвестировать в технологии и оборудование, чтобы на практике реализовать эту оригинальную концепцию, повышая конкурентоспособность страны.

Насколько достигают этой цели украинские высшие учебные заведения? Украинские вузы повышают свои рейтинги, но все еще остаются одними из малопопулярных в мире. За все 25 лет независимости лишь в 2014-м году двум украинским вузам удалось впервые попасть в 500 лучших мировых университетов по версии QS World University Rankings 2014/15. Это Киевский национальный университет им. Т. Шевченко (место 421–430) и Харьковский национальный университет им. В. Каразина (место 481–490) [20].

В чем же проблема? Среди основных проблем и рисков, которые фиксирует утвержденная Указом Президента Украины от 25 июня 2013 № 344/2013 «Национальная стратегия развития образования в Украине на период до 2021 года», недостаточная ориентированность структуры и содержания профессионально-технического, высшего и последипломного образования на потребности рынка труда и современные экономические вызовы, недоработка эффективной системы трудоустройства выпускников высших учебных заведений, их профессионального сопровождения, несовершенство системы национального мониторинга и оценки качества высшего образования [12].

По показателям охвата высшим образованием Украина входит в первую десятку стран мира. На душу населения вузов больше, чем, например, в Великобритании или во Франции: более 800 учреждений, из них 325 имеют III–IV уровень аккредитации. Но, к сожалению, количество вузов не конвертируется в качество образования. А само высшее образование не коррелирует с конкурентностью человеческого капитала. Хотя мы и на 10-м месте в мире по охвату высшим образованием, но на 47-й позиции по его состоянию. Очевидно, что Украина «перепроизводит» специалистов с высшим образованием. Соотношение выпускников с высшим образованием и выпускников с профессионально-техническим образованием в Украине составляет 70 на 30. Рынок нуждается в обратной пропорции. Это подтверждает и европейский опыт. Например, в странах Северной Европы эта пропорция может составлять 60 на 40 в пользу специалистов с профессиональным образованием.

Является фактом, что качество высшего образования не удовлетворяет рынок труда. Лишь 30 % выпускников украинских вузов устраиваются на работу по специальности в течение года после получения дипломов. В развитых странах этот показатель составляет 60–90 %. Около 7 % молодых людей сразу после окончания учебы обращаются в службу занятости с просьбой зарегистрироваться на бирже труда. В Украине учится сравнительно мало студентов из-за рубежа — лишь 3 % от общего количества. Причем среди этих 3 % студенты из развитых стран Запада составляют тоже всего 3 %. Иногда иностранцы с украинскими дипломами не могут подтвердить полученную квалификацию на родине, а значит, и найти достойную работу. По оценкам украинских работодателей, ежегодно тратится свыше 1 млрд грн на переобучение специалистов и усовершенствование профессиональной подготовки в соответствии с требованиями производства.

Несмотря на наличие отдельных прогрессивных научных школ и университетских лабораторий, украинские вузы не вырабатывают сегодня достаточного объема новых знаний. Кто-то скажет, что на это не хватает средств. С одной стороны, да, в высшей школе работают 80 % кандидатов и 90 % докторов наук, имеющих в стране, вместе с тем финансирование научной и научно-технической деятельности направляется большей частью в другие учреждения. В результате по объемам финансирования этой деятельности (6,3 %) сектор высшего образования уступает другим — академическому и предпринимательскому [9]. С другой стороны, Украина тратит на высшее образование большую долю общего бюджета образования — 31 % по сравнению с 25 % в среднем по ЕС. Почти половина средств, используемых на высшее образование в целом, — это средства из негосударственных источников. В странах ЕС на внебюджетные источники приходится лишь от 3 %. А из государственного бюджета страны ЕС в среднем выделяют на высшее образование 1,3 % ВВП [9]. В Украине этот показатель в последнюю пятилетку колеблется на уровне 2,3 % ВВП. Однако в абсолютных показателях в перерасчете на одного студента это, конечно, недостаточный уровень финансирования. Но, как заметил экономист Милтон Фридман, лауреат

Нобелевской премии, «заявляют, что система просвещения более всего нуждается в дополнительных средствах на строительство новых сооружений и на повышение зарплаты для привлечения хороших преподавателей. Мне представляется, что это ложный диагноз. Количество денег, истраченных на обучение, увеличивается чрезвычайно стремительными темпами, куда быстрее, чем наш общий доход... Проблема не в том, что мы тратим слишком мало, хотя это не исключено, а в том, что мы получаем слишком мало отдачи на каждый истраченный доллар» [15].

При таких условиях особое значение приобретает именно образовательно-научная составляющая конкурентоспособности Украины. С позиции государства следует понять, что конкурентное высшее образование — это конкурентное общество. А конкурентное общество — это конкурентное высшее образование.

С ориентиром на мировые стандарты качества образования в Украине в 2014 году принят в новой редакции закон о высшем образовании [8]. Сейчас происходит имплементация его норм. Кроме того, в конце 2015-го г. принят новый закон о научной и научно-технической деятельности. Также готовится в новой редакции базовый закон об образовании [7]. Конечно, создание надлежащих условий для формирования человеческого капитала и повышения конкурентоспособности страны только реформами в высшем образовании не исчерпывается. Ведь реформы достигают успеха, когда они системны и комплексны. А это значит, что должны быть достаточно высокими и другие показатели по таким критериям, как качество государственных институтов, инновационный потенциал, макроэкономическая стабильность, здоровье, эффективность и развитость рынков товаров и услуг, труда, финансов, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка, конкурентоспособность компаний, инфраструктура.

Конкурентоспособное общество предполагает наличие широкой прослойки «среднего класса». Это люди с качественными актуальными знаниями, навыками и востребованной профессией. Они всегда имеют большие шансы на трудоустройство, моральное удовлетворение от своего труда (наемного или предпринимательского), достойную заработную плату (доход), обеспечивающую возможность оплаты здорового питания, ипотеки, содержания детей, автомашины, ежегодного отдыха — все то, что входит в современное понятие западного стандарта «gainful employment». Таким образом, человеческий капитал страны, как результат уровня образованности населения, развития научного потенциала, накопления опыта реализации масштабных национальных и локальных проектов, является гарантией высокой конкурентности и устойчивого развития экономик, государств и обществ.

Мировая практика показывает, что ключевая роль формирования человеческого капитала принадлежит современному университету. Университеты сегодня делают многое, чтобы дать своим выпускникам глубокие современные теоретические знания и практические навыки, но для повышения конкурентоспособности страны этого недостаточно. Здесь является важным углубление специализации университета, превращающее его в флагман в отдельной узкой области. Это, в свою очередь, вызывает необходимость непрерывных крупных инвестиций для развития специализированной науки (будь то высокоточная отрасль или гуманитаристика или ресурсы венчурного капитала).

Высшее образование, избавившись от аксиологических, эпистемических авторитетов, оказывается перед необходимостью поиска новых способов интеграции со средой современного экономического общества. Во-первых, должно состояться включение высшего образования в систему экономических отношений, а во-вторых, должен наладиться и ускориться процесс сотрудничества по трансферу знаний и технологий университетов в современные производства и обратно. Миссия современных высших учебных заведений — это обучение, исследование, взаимодействие между образованием, наукой, бизнесом, местными общинами и другими сообществами. Когда три составные части миссии объединяются, высшее образование достигает цель, которую перед ним ставят современные общества, — формирование инновационной экономики. А сами университеты и академии превращаются в площадки, генерирующие новые знания, идеи, технологии, стратегии развития.

Государственное управление высшим образованием, в особенности госвузами, является важнейшим фактором повышения конкурентоспособности страны. Государственная политика должна сосредоточивать усилия прежде всего на тех направлениях, где роль государства незаменима, на развитии образования и науки (создавать и поддерживать условия развития образовательной, научной, научно-технической, инновационной деятельности университетов, академий, институтов, колледжей, а также способствовать осуществлению государственно-частного партнерства в сфере высшего образования).

Список литературы

1. Абрамов Р. Н. Оценка качества и содержания высшего технического образования российскими инженерно-техническими специалистами // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 2 (49). – С. 69-74.
2. Антипина Н. Л., Гюрджинян А. С. Социальное самочувствие студенческой молодежи в условиях изменяющегося общества // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 2 (49). – С. 74-79.
3. Войтенко Г. О., Войтенко В. П., Теліс Л. О. Проблеми та шляхи реформування вищої освіти в Україні [Електронний документ]. – Режим доступу: http://fd.snu.edu.ua/info/files_articles/collection_14/article27.pdf (дата звернення: 15.08.2016).
4. Генин Влад. Научный доклад на конференции философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.philosophy.kiev.ua/en/article/214> (дата обращения: 17.08.2016).
5. Гриневич Л. «Наша країна буде конкурентоспроможною, якщо наука продукуватиме інновації, які зможуть посилити наші економічні позиції» // Віче. 11, червень 2014.
6. Гюнтер П. «Синя Економіка: 10 років, 100 інновацій, 100 мільйоні в робочих місць» / Гюнтер Паулі. – Фонд Богдана Гаврилишина, Міжнародний фонд «Скорочення ризиків», 2012 р. – 320 с.
7. Гриневич Л. План демонополізації освіти і науки [Електронний документ] // Педпреса. Освітній портал. – Режим доступу: <http://pedpresa.com.ua/blog/86392-liliya-hrynevych-sklala-plan-demonopolizatsiji-osvity-i-nauky.html> (дата звернення: 15.08.2016).
8. Закон України «Про вищу освіту» (Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2002, N 20, ст. 134) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2984-14> (дата звернення: 08.08.2016).
9. Зубчик О. Якісна вища освіта: формування людського капіталу та підвищення конкурентоспроможності держави / О. А. Зубчик // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Державне управління. – 2014. – Вип. 1. – С. 25-28.
10. Кайку М. Фізика майбутнього/ Переклала з англ. Анжела Кам'янець. – Львів: Літопис, 2013. – 432 с.
11. Квіт С. Реформи в освіті направлені на дерегуляцію та децентралізацію // Міністерство освіти і науки України Офіційний вебсайт [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://old.mon.gov.ua/ua/actually/45189-sergiy-kvitreformi-v-osviti-napravleni-na-deregulyatsiyu-ta-detsentralizatsiyu> (дата звернення: 15.08.2016).
12. Національна стратегія розвитку освіти в Україні на період до 2021 року. Схвалено Указом Президента України від 25 червня 2013 року № 344/2013. – Режим доступу: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/344/2013> (дата звернення: 18.08.2016).
13. Портер Е. Майкл. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / Майкл Е. Портер; Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 454 с.
14. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Competence in Modern Society. Its Identification, Development and Release: пер. с англ. Дж. Равен. – М.: Когито-Центр, 2002. – 400 с.
15. Фридман М. Капитализм и свобода / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2006. – 240 с.
16. Якісна вища освіта: роль партнерств. Щорічна доповідь / Зінченко А., Саприкіна М., Янковська О., Вінніков О. – Проект USAID «Доступ до правосуддя та правової обізнаності «Правова країна»». Якісна вища освіта: роль партнерств. – К.: 2013 – 20 с.
17. Human Development Report 2015. Work for Human Development [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/2015-report> (дата обращения: 15.08.2016).
18. Society at a Glance 2014 / OECD Social Indicators [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.oecd.org/els/societyataglance.htm> (дата обращения: 15.08.2016).
19. The Global Competitiveness Index The Global Competitiveness Report 2015 – 2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf (дата обращения: 15.08.2016).
20. QS World University Rankings 2013/14 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2014> (дата обращения: 18.08.2016).

Зубчик Олег Анатольевич, к. ф. н., доцент кафедры государственного управления, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина, тел. +380679943043 e-mail: zubchuk@ukr.net, orcid.org/0000-0001-6480-409X, SPIN-код: 6950-9324

Zubchuk O. A., Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine, phone: +380679943043, e-mail: zubchuk@ukr.net, orcid.org/0000-0001-6480-409X, SPIN-код: 6950-9324

УДК 316.4

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВУЗАХ ТАТАРСТАНА EDUCATIONAL PROCESSES IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF TATARSTAN

Г. И. Макарова
G. I. Makarova

Ключевые слова: русский язык; татарский язык; этноязыковая политика; языковое образование в вузах
Key words: Russian language; Tatar language; ethno-language policy; language education in higher education institutions

На основе данных опроса студентов Казани и интервью с преподавателями русского и татарского языков, с использованием результатов массового анкетирования населения Татарстана в статье рассматривается, как эти, введенные в процесс обучения в вузах предметы, воспринимаются основными участниками образовательного процесса, анализируется оценка их целесообразности, количества отводимых на них часов и форм преподавания.

Based on the questionnaire of students in Kazan and the interview with the Russian and Tatar languages teachers with using the results of mass poll among the Tatarstan population the article analyzes how these subjects, introduced in the teaching process in higher education institutions, are apprehended by the main participants of the educational process. These subjects appropriateness, the amount of hours provided for their study and teaching forms are also evaluated.

В 1990-е гг., на волне роста значимости этничности, формирования новой языковой политики региона [1, 2], в высших учебных заведениях республики Татарстан начинает вводиться изучение татарского языка. В 2000-е гг. в силу ряда причин, в том числе появления Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), в этом направлении обозначается спад. Как результат, татарский язык преподается сегодня не на всех факультетах и не во всех вузах республики, а в некоторых ведется факультативно. Как правило, ему обучаются студенты, чья будущая профессия связана с татарской историей и культурой. Он часто ведется для тех, кому предстоит работать с населением, а также для специалистов сельскохозяйственного профиля, ориентированных на трудовую деятельность в селах Татарстана. Нередко вводится данный предмет и инженерам различных направлений.

Курс «Русский язык и культура речи» был включен в Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования РФ в 2000-е гг. в русле общего укрепления статуса русского языка как государственного [3]. Его начали преподавать во всех вузах республики, хотя и здесь наметилась тенденция уменьшения количества часов и его исключения из подготовки студентов по ряду специальностей. Это связано с общим сокращением времени, отводимого на лекционные и практические курсы, и с переходом на двухступенчатую систему высшего образования, приведшим к секвестированию предметов общегуманитарного цикла.

Между тем массовый опрос населения РТ в 2014 г. показал, что большая его часть признает важность изучения названных языковых предметов в вузах Татарстана. Среди горожан 83 % татар и 80 % русских отметили необходимость преподавания в них русского языка; с ними

согласились сельчане (77 % татар и 66 % русских). Указали на важность обучения в вузах татарскому языку горожане (73 % татар и 57 % русских) и сельчане (75 % татар и 62 % русских). И хотя в последнем случае доля положительных ответов ниже, эти показатели можно считать высокими, поскольку татарский язык был принят в республике как государственный и введен в качестве обязательного в систему среднего и среднего специального образования, а также начал вводиться в систему высшего, относительно недавно. Однако на уточняющий вопрос «В каких формах нужно изучать татарский язык в вузах РТ?» 52 % татар и 59 % русских горожан, а также 51 и 66 % соответственно сельчан, указали вариант «как факультатив для желающих»; в то время как на аналогичный вопрос, касающийся русского языка, большая часть респондентов (67 % татар и 69 % русских горожан; 63 % татар и 53 % русских сельчан) ответили: «как обязательный предмет для всех студентов».

Цель исследования — раскрыть, как названные предметы воспринимаются основными участниками образовательного процесса, проанализировать целесообразность введения русского и татарского языков в вузах РТ, количества часов и форм обучения. Статья базируется на данных опроса студентов Казани (2015; n 406), 13 экспертных интервью с преподавателями с использованием данных анкетирования по республике (2014; n 1210). Исследования осуществлялись в рамках реализации Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы», рук. Г. Ф. Габдрахманова.

В связи с тем, что русский язык преподается большинству студенческой молодежи Казани, критерием отбора респондентов стало изучение ими в вузе татарского языка. О масштабах генеральной совокупности при этом говорить сложно, поскольку подобная статистика в Татарстане не ведется. Тем не менее в ходе консультаций выяснилось, что доля обучающихся не превышает трети студентов. И если их число в Казани на 1 октября 2014 г. — более 120 тыс. чел. (информация о контингенте студентов, обучающихся в образовательных организациях высшего образования РТ, предоставлена Министерством образования РТ.), то перспективно оцененная генеральная совокупность будет составлять около 40 тыс. чел.

При том, что достижимая выборка составила 406 чел., доверительный интервал равен примерно 4,86 %. И все же, учитывая отсутствие статистики, отметим, что полученные результаты позволяют судить лишь об общих тенденциях в оценках изучаемой целевой группой преподавания языков, и что они не могут быть экстраполированы на всех обучающихся в вузах города.

К занятиям по русскому языку относятся положительно три четверти принявших участие в опросе студентов. Вместе с теми, кто ответил «скорее положительно», они составили абсолютное большинство опрошенных: 94 % татар, 92 % русских и 96 % респондентов других национальностей. Таким образом, язык, являющийся в стране государственным, инструментом делового общения и межнациональной коммуникации, признается ими безусловно важным для изучения. Интересно, однако, что и татары (76 %), и русские (84 %), отвечая на вопрос «Почему они относятся к нему положительно?», выделяли в первую очередь такой, не указывающий напрямую на утилитарные мотивы вариант ответа, как «Я хочу красиво и грамотно говорить по-русски» (респонденты могли выбрать до трех вариантов). Возможно, это говорит о том, что хорошее владение русским языком при общем снижении грамотности населения выступает сегодня неким показателем культурности и становится престижным среди образованной части молодежи. Так или иначе, полученные данные свидетельствуют об эффективности проводимой в России в 2000-е гг. политики по укреплению позиций русского языка.

Несколько уступает в «популярности» вариант ответа «это пригодится мне в дальнейшей жизни». Его отметили 67 % татар, 70 % русских и 77 % представителей других национальностей. На третьей и четвертой позициях у всех ответивших оказались «пригодится мне в будущей работе» (50 % татар и 38 % русских) и «поможет построить карьеру» (25 % и 20 % соответственно). При этом обращает на себя внимание, что в отношении русского языка для татар больше, чем для русских, важна прагматическая аргументация; в то время как для русских, больше, чем для остальных, — эмоционально окрашенная «культурно-эстетическая» («хочу красиво и грамотно говорить по-русски»), поскольку русский — родной для них язык.

В аналогичных данных, касающихся занятий по татарскому языку, очевидна разница в показателях по татарам и русским. 66 % первых указали, что относятся к ним «положительно», среди вторых таких 21 %. Правда среди русских оказалось больше тех, кто относится к предмету «скорее положительно». Если суммировать положительные и относительно положительные ответы, получим 89 % татар и 57 % русских. Среди представителей других национальностей эта сумма составила 69 %. Учитывая, что татарский язык начал поддерживаться региональными властями только в последние десятилетия, это неплохой результат. Хотя более трети русских ответили, что относятся к занятиям по татарскому языку в их учебном заведении «скорее отрицательно» и «отрицательно». С ними согласилась четверть респондентов других национальностей и только 8 % татар.

Такой показатель мог получиться за счет приезжих. Анализ ответов на вопрос о том, где респонденты получали среднее образование, показал, что среди русских отвечали «отрицательно» и «скорее отрицательно» чаще те, кто учился в Казани и в других городах РТ — 42 %. Приехавшие из других регионов России давали такие ответы в два раза реже — 20 %. Характеризуемый показатель может являться результатом непродуманной методики обучения татарскому языку в школах Татарстана. Это также может быть связано с тем, что ответившие таким образом русские считают уже усвоенным в ходе получения среднего образования необходимый им минимум знаний по данному предмету.

Рассмотрим, почему студенты относятся к занятиям по татарскому языку положительно либо отрицательно. Татары проявляли большую активность при ответе на первый из соответствующих вопросов. При этом 60 % ответивших татар отметили, что хотят уметь красиво и грамотно говорить и писать по-татарски; среди русских, давших ответ на данный вопрос, таковые составили 21 %. Подобная разница объяснима, так как, во-первых, многие татары уже неплохо владеют татарским языком, и для них стоит задача его совершенствования. Во-вторых, он является языком их этнической группы, поэтому для них более значимо включающее эмоциональный компонент обоснование.

Другие предложенные варианты татары и русские отмечали в относительно равной степени. 53 % татар и 40 % русских указали, что он пригодится в жизни (от всех опрошенных это 47 и 22 % соответственно); 28 % татар и 31 % русских — что он понадобится в будущей работе (это — 25 % от общего числа респондентов-татар и 18 % от опрошенных русских); 16 % тех и других признали, что это поможет построить карьеру (14 % всех татар и 9 % русских); наконец, 14 % татар и 17 % русских отметили, что интересно построенную программу предмета.

От общего числа опрошенных видно, что татарский язык трактуется сегодня как нужный в жизни почти половиной респондентов-татар и менее чем четвертой частью русских. Его значимость в работе осознается четвертью татар и пятой частью русских, а в построении карьеры — шестой частью татар и десятой русских. Это относительно небольшие цифры, если учесть, что нашей целевой аудиторией были те, кому, по мнению руководства вузов, прежде всего нужен татарский язык. Причем более десятой доли ответивших указали, что «на этих занятиях можно отдохнуть».

При ответе на вопрос «Почему Вы относитесь к занятиям по татарскому языку отрицательно?» три пятых ответивших русских (20 % от всех респондентов-русских) выбрали вариант «он мне не пригодится в жизни». То есть на отрицательном отношении к предмету сказывается, прежде всего, слабая мотивация к его изучению. В то же время две пятых русских (14 % всех опрошенных русских) указали, что им не нравится программа, темы и учебники. Среди татар, отметивших отрицательное отношение к занятиям по татарскому языку, оказалось всего 17 человек.

В завершение обобщим те замечания и предложения, которые были высказаны преподавателями по отношению к формам и методам ведения в вузах татарского и русского языков. Общей для них стала негативная тенденция исключения из процесса подготовки специалистов высшего звена многих гуманитарных предметов, сокращения количества часов на них. Кроме того, по отношению к татарскому языку указывалось:

а) на необходимость дальнейшего перехода к обучению студентов, прежде всего, навыкам коммуникации на татарском языке (по вопросам методики преподавания см. также [4]);

б) на целесообразность сохранения их деления на группы по уровню знания татарского языка в процессе его изучения;

в) на оптимальность выпуска, наряду с едиными для всего Татарстана учебниками, пособий, разработанных преподавателями конкретных вузов;

г) на особую значимость творческого подхода к обучению татарскому языку ввиду относительно слабой заинтересованности студентов в его овладении.

Преподавателями русского языка были актуализированы следующие моменты:

а) необходимость уменьшения числа студентов в группах по изучению предмета, чтобы сохранить его практическую направленность;

б) значимость дифференцированного подхода к обучению, когда в одном случае предпочтение должно отдаваться развивающим курсам по риторике и культуре речи, в другом случае — практическим занятиям, продолжающим изучение русского языка в школе;

в) уместность выпуска, наряду с общероссийскими учебниками, методических пособий по русскому языку преподавателей вузов Татарстана, в частности ориентированных на языковую адаптацию выпускников национальных школ РТ;

г) насущность дальнейшего совершенствования ЕГЭ по русскому языку, чтобы он давал не только срез знаний учеников, но и картину усвоенных поступающими в вузы навыков речи.

Выводы

• В 1990-е гг. в большинстве вузов Татарстана начинает преподаваться татарский язык; в 2000-е гг. в них вводится «Русский язык и культура речи». Однако в настоящий период данные языки, особенно татарский, изучаются не на всех факультетах и не во всех университетах и институтах региона и его столицы.

• Массовый опрос 2014 г. показал, что названное нововведение находит поддержку среди большей части населения региона. Однако часть татар и русских считает, что эти языки, в первую очередь татарский, должны изучаться в вузах республики факультативно.

• Студенты Казани, согласно данным опроса 2015 г., относятся к отмеченным языковым курсам по большей мере позитивно. Однако в оценке преподавания татарского языка при большинстве положительных ответов очевидна разница в их доле среди представителей двух основных по их численности в регионе этнических групп — татар и русских. Это обусловлено, прежде всего, ограниченной сферой его социального функционирования, слабостью прагматических оснований в мотивации к его изучению. Сказываются и некоторые сохраняющиеся проблемы в области языкового образования, в том числе вузовского.

Список литературы

1. Закон Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» от 8 июля 1992 года № 1560-XII // Ведомости Верховного Совета Татарстана. – 1992. – № 6. – С. 80.
2. Макарова Г. И., Габдрахманова Г. Ф. Языковая политика Республики Татарстан (1990–2000-е гг.) // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. – Казань: Артефакт, 2014. – С. 5-16.
3. Архарова Л. В. Обучение студентов неязыковых вузов русскому языку и культуре речи на материале связных текстов: автореф. диссертации на соискание ученой степени канд. пед. наук. – Ярославль, 2008. – С. 3.
4. Габдрахманова Г. Ф. Учительский корпус и учебно-методический комплекс по татарскому языку и литературе для средней школы: оценки участников образовательного процесса // Языки в системе образования Республики Татарстан: по материалам этносоциологического исследования. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – С. 78-103.

Сведения об авторе

Макарова Гузель Ильясовна, д. с. н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, тел. 2928199, 2751019, e-mail: makarova_guzel@mail.ru

Makarova G. I., Doctor of Sociology, associate professor, leading scientific worker of the department of ethnological researches of the Institute of History named after Sh. Mardjani, Academy of Sciences of Republic of Tatarstan, Kazan, phone: 2928199, 2751019, e-mail: makarova_guzel@mail.ru.

УДК 316

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА
ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ**
SOCIOLOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF IMAGE
OF THE EDUCATIONAL INSTITUTION

Е. В. Рязанова, Л. В. Ребышева
E. V. Ryazanova, L. V. Rebisheva

Ключевые слова: имидж образовательного учреждения; социологические исследования имиджа образования; рейтинг высшего учебного заведения; оценка образования.
Key words: the image of the educational institution; sociological researches of image formation; the rating of the higher educational institutions; evaluation of education.

В статье рассматривается значимость имиджа как фактора повышения конкурентоспособности высшего учебного заведения, анализируются имиджеобразующие факторы, применимые в образовательной среде и способы их корректировки. На основе вторичных данных приведен краткий анализ сложившегося в обществе имиджа системы высшего образования. Даны рекомендации по изучению данной проблематики.

The article discusses the significance of the image, as a factor in improving the competitiveness of higher education institution, analyzed factors of image creation in the educational environment and methods of correct. On the basis of secondary data is a brief analysis of the prevailing social image of the higher education system. Recommendations for the study of this problem.

В условиях высокой конкуренции наблюдается рост и ужесточение требований работодателей на рынке труда, влияющих на уровень запросов со стороны потребителей образовательных услуг. Их выбор образовательного учреждения в большинстве случаев формируется после взаимодействия с учебным заведением на основе сложившегося имиджа. Следовательно, формирование правильного и положительного имиджа образовательного учреждения является одним из значимых факторов привлечения потребителей образовательных услуг. Отсюда становится актуальным выявление и определение аспектов, влияющих на имидж учебного заведения, способов их корректировки и регулирования для достижения вузом поставленных целей.

В настоящее время отмечается увеличение популярности социологических исследований, направленных на изучение имиджа того или иного объекта. Данная тенденция связана с тем, что ученые увидели эффективность имиджа как инструмента влияния на настроение и оценку населения в отношении интересующего объекта. Наиболее часто понятие «имидж» встречается в коммерции и предпринимательстве ввиду того, что свободная рыночная экономика и растущая конкуренция на рынке влияют на потребность формирования определенного имиджа фирмы или товара, наиболее выгодного для целевой аудитории.

Чтобы понять сферу влияния исследуемого явления, необходимо рассмотреть мнения ученых, чьи работы были посвящены изучению имиджа, как социологического процесса.

Считается, что впервые термин «имидж» ввел в употребление американский исследователь К. Болдуинг в 60 гг. XX века. В России понятие впервые стало употребляться в работах В. М. Шепеля. В российской лексике понятие имидж, как правило, отождествляют с понятием «образ», однако имидж содержит более объемное содержание (таблица).

Анализ представлений ученых о понятии имиджа, позволяет заключить, что имидж — это сложившееся в процессе прямого или косвенного взаимодействия с объектом представление о нем рационального и эмоционального характера, формирующее к нему определенное социальное поведение.

Трактовки понятия «имидж»

Определение	Источник/автор
Искусственная имитация или подача внешней формы определенного объекта, особенно личности. Он является мысленным представлением о человеке, товаре или институте, направленно формируемым в общественном сознании с помощью паблисити, рекламы или пропаганды» [1]	Словарь
«Символический образ субъекта», где центральными проблемами выступают изучение общественной психики людей, связей и отношений между различными феноменами, позволяющими определить содержание имиджа, выяснить его зависимость от способности восприятия различными социальными группами [7]	Перельгина Е. Б.
Система социального программирования духовной жизни и поведения субъектов (индивидов и групп) общецивилизационными и ментальными стереотипами и символами группового поведения, опосредованную мощью мотивации успеха, эталоном желаемого впечатления, миметическими особенностями субъекта и ситуаций» [9]	Федоров И. А.
Стержневая основа имиджа — это «возможность передать (через определенные имидж-сигналы) информацию о себе, о своих истинных (личностных и профессиональных) устоях, идеалах, планах, деяниях» [5]	Маркин В. М.
Образ, выражающий представления общественности о социальной роли субъекта [4]	Кошлякова М. О.
Некий синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта; содержит в себе значительный объем эмоционально окрашенной информации об объекте восприятия и побуждает к определенному социальному поведению [10]	Ушакова Н. В., Стрижева А. Ф.
Адекватное внешнее представление всеми средствами выразительности ведущей интенции, генеральной внутренней цели персоны. Это система социального программирования поведения (ориентации) людей ментальными стереотипами и символами группового поведения с целью не критического, мимически-символического следования, основанного на влечении к социальному успеху [8]	Горчакова В. Г.
Имидж объекта — это мнение рационального и эмоционального характера об объекте (человеке, предмете, системе), возникшее в психике — в сфере сознания и/или в сфере подсознания определенной или неопределенной группы людей на основе образа, сформированного целенаправленно или произвольно в их психике в результате либо прямого восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта, либо косвенного с целью возникновения аттракции — притяжения людей к данному объекту [6]	Панасюк А. Ю.

Отсюда следует, что социальную имиджологию можно охарактеризовать как практико-ориентированную социальную науку, нацеленную на разработку методологической и методической базы для профессиональной деятельности по формированию и корректировке имиджа в социально-коммуникативном пространстве. В этом аспекте имиджология активно использует методы социологических исследований, на основании которых разрабатываются стратегии формирования имиджа для конкретного субъекта социальной активности, создавая прогнозы жизнеспособности того или иного типа имиджа. Г. Г. Почепцов рассматривает цель социологических исследований в области имиджологии как отражение событий под углом зрения улучшения имиджа, создание самих событий, которые в результате должны привести к улучшению имиджа [3].

Исследования в области стратегий формирования имиджа ведутся разными средствами и в различных направлениях. Тем не менее социально-коммуникативные стратегии функционирования имиджа в настоящее время изучены недостаточно, так как не складываются в концептуальное видение различных ученых и практиков. Например, социологи сосредоточены на стереотипах массового сознания, специалисты в сфере социальной психологии — на роли бессознательного в продуцировании и восприятии

имиджформирующего сообщения, коммуникативистики — на различных аспектах ролевого поведения; стилисты и дизайнеры — на вещных смыслах; представители коммуникационного менеджмента считают, что смысловые поля репутационного менеджмента, социальной ответственности и есть описание смыслов имиджа и пр. Таким образом, границы и перспективы междисциплинарного синтеза в изучении имиджа и его структурных элементов в настоящий момент остаются размытыми.

Аналогичная проблема складывается и в отношении изучения имиджа образования, исследования которого носят относительно молодой характер (с начала 2000-х гг.). Анализ работ различных авторов демонстрирует, что в качестве объекта исследования чаще всего предлагаются непосредственно образовательное учреждение (вуз, школа и т. д.), педагог или учитель, администрация вуза, имидж которых формируется на основе оценочных данных взаимодействующих субъектов — студентов, научных сотрудников, родителей и работодателей, единого системного подхода к рассмотрению имиджа не наблюдается.

В частности, мнение об образовательном учреждении формируется на основе следующих факторов:

- компетенция, опыт работы, уровень профессионализма профессорско-преподавательского состава;
- оценочные суждения студентов об уровне организации образовательного процесса и преподавательской деятельности;
- территориальный аспект;
- популяризация образовательного учреждения в средствах массовой информации;
- оформление и оснащение учебного заведения;
- прозрачность и открытость учебного заведения;
- репутация руководителя организации, профессионализм руководства;
- перспективы профессионального развития образовательного учреждения;
- востребованность выпускников на рынке труда, уровень их зарплаты и карьерного продвижения;
- отношение сотрудников организации к обучающимся.

Однако изучение высшего учебного заведения находится в тесной связи с изучением системы высшего образования в целом. Поэтому имиджформирующие факторы вуза распространяются на более глобальную область и включают в себя также следующие элементы: пропаганду имиджа системы высшего образования в СМИ, оценку населения государственной политики в системе высшего образования, имидж Российского образования на международном рынке.

Примером, отображающим процесс формирования имиджа системы высшего образования в СМИ, являются так называемые рейтинги вузов по уровню образования, составляемые международными организациями, которые также для определения места в рейтинге учитывают ряд факторов. В частности, организация всемирного сотрудничества и развития (ОЭСР) ежегодно предоставляет доклад «Обзор образования: индикаторы ОЭСР», который позиционируют как источник достоверно и актуальной информации о состоянии образования в мире: о структуре, финансировании, результатах образовательных систем 34 стран — членов ОЭСР и также некоторых стран, входящих в «Большую двадцатку» (G20) и стран-партнеров [2].

В рейтинге эффективности национальных систем образования Россия занимает 13-е место, а список возглавляет Южная Корея, Япония, Сингапур. Рейтинг составляется из учета когнитивных навыков (качества чтения и понимания текста, качества математического и естественно-научного образования, образовательных достижений учащихся) и уровня образования (индекса грамотности населения, индекса совокупной доли учащихся, получающих среднее и высшее образование).

Так, по данным отчета, 94 % россиян имеют образование не ниже полного среднего, что существенно выше среднего показателя для стран ОЭСР (75 %), однако Россия является единственной страной, в которой средний уровень грамотности взрослых с высшим

образованием ниже 280 баллов по международному исследованию грамотности взрослых, проведенному ОЭСР.

Величина бюджетных расходов на образование в России по отношению к ВВП и госрасходам в целом отстает от средних показателей стран ОЭСР. Расходы на образование в целом составляют в Российской Федерации 3,9 % ВВП и 10,9 % от общей суммы бюджетных расходов. В среднем по странам ОЭСР эти показатели составляют, соответственно, 5,6 и 12,9 % [11].

В 2014 году был проведен опрос населения Левада-центром на предмет удовлетворенности системой высшего образования. Опрос был проведен среди 1 600 человек сельского и городского населения. Результаты показали, что показатели удовлетворенности увеличились с 21 до 34 %. Тем не менее большая часть населения настроена негативно (55 %). Из числа опрошенных 62 % убеждены, что после получения высшего образования с трудом устроятся на работу в своем населенном пункте. Мнение респондентов о возможности получить в России качественное образование разделилось (49 % «оптимистов» против 42 % «пессимистов»). В целом сотрудники Левада-центра, видя настроение населения, объясняют улучшение результатов не положительными переменами в системе высшего образования, а увеличением негативного отношения к Западу. Соответственно, население мыслит по схеме: «Наше лучше, потому что наше» [9].

Анализ имиджформирующих факторов высшего учебного заведения, позволяет констатировать:

- Во-первых, имидж высшего учебного заведения, помимо оценки взаимодействующих субъектов, формируется под влиянием следующих факторов: воздействия средств массовой информации, оценки населения образовательных учреждений, сформированной на основе личного опыта, и оценки населения реформ, проводимых Министерством высшего образования и науки РФ.

- Во-вторых, на данный момент, согласно результатам многочисленных социологических исследований, имидж высшего образования среди населения носит негативный характер. Подобное мнение складывается вследствие множества факторов: проводимых в стране реформ системы высшего образования, общей оценки населения качества образования. Существование и весомость последнего фактора подтверждается результатами международных рейтингов, согласно которым по мировым стандартам в России «страдает» грамотность населения.

- В-третьих, социологические исследования имиджа образования на данный момент носят обрывочный характер. Объекты имиджевых исследований более локальны: преподавательский состав, образовательное учреждение. Однако важно исследовать имидж системы высшего образования в целом, чтобы выстраивать правильную имиджевую политику и влиять на общую оценку образования.

Таким образом, смещение концентрации усилий специалистов, изучающих данный процесс локально с образовательных объектов, на систему образования в целом позволит дать более глубокое представление о сложившемся имидже вуза. Более точная корректировка факторов, влияющих на имидж высшего учебного заведения, поможет повысить лояльность потребителей высшего образования к вузу, в частности и к процессу образования в целом, поднять общий поведенческий настрой населения в отношении высшего образования, снизить «утечку мозгов».

Список литературы

1. Webster's dictionary of English usage Springfield (Mass.) Merriam-Websterinc. Cop. 1989.
2. Ежегодный доклад «Обзор образования: индикаторы ОЭСР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oecdru.org/obraz.html>
3. Имиджелогия – 2008: Имидж как инструмент привлекательности и конкурентоспособности: материалы Шестого Международного симпозиума по имиджелогии / Под ред. Е. А. Петровой. – М.: РИЦ АИМ, 2008.
4. Кошлякова М. О. Социальное пространство имиджа. – М: Инфра-М, 2013, – 152 с.

5. Маркин В. М. «Я» как личностная характеристика государственного служащего // Имидж госслужбы. – М., 1996.
6. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники – 3 изд., стер. – М.: Изд. «Омега-Л», 2009.
7. Перелыгина Е. Б. Психология имиджа. – М.: Аспект Пресс, 2002.
8. Прикладная имиджология: учебное пособие / В. Г. Горчакова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 478 с.
9. Результаты опроса населения Левада-центра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//www.levada.ru/old/18-09-2014/udovletvorennost-sistemoi-obrazovaniya](http://www.levada.ru/old/18-09-2014/udovletvorennost-sistemoi-obrazovaniya)
10. Ушакова Н. В. Имиджология: учебное пособие / Н. В. Ушакова, А. Ф. Стрижова. – М.: Дашков и К, 2012.

Сведения об авторах

Рязанова Екатерина Владимировна, аспирант направления «Социология управления» кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел.: 89220407080, e-mail: katrinkastar@gmail.com

Ребышева Лидия Васильевна, к. с. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, тел. 89129243030, e-mail: rebisheva_lida@mail.ru

Ryazanova E. V., a graduate student direction «Sociology of management» of the Department of Marketing and municipal management, Industrial University of Tyumen, phone: 89220407080, e-mail: katrinkastar@gmail.com

Rebisheva L. V., Candidate of Science in sociology, Associate Professor of Chair of Marketing and the municipal management, Industrial University of Tyumen, e-mail: rebisheva_lida@mail.ru, phone: 89129243030

УДК 316.023.6

ТИПОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНОГО ВУЗА*

TYPES OF PROFESSIONAL PRIORITIES OF ENGINEERING UNIVERSITY STUDENTS

Ш. Ф. Фарахутдинов
Sh. F. Farakhutdinov

Ключевые слова: профессиональные приоритеты; высшее образование; социологическое исследование; кластерный анализ

Key words: professional priorities; higher education; sociological research; cluster analysis

В статье приводятся результаты кластерного анализа данных социологического исследования, направленного на изучение профессиональных приоритетов студентов инженерного вуза. Выделены 5 типов обучающихся с различными установками. Показаны особенности каждого из типов, выявлены их некоторые социально-демографические различия.

The paper presents results of cluster analysis of sociological research data, which aimed at studying the professional priorities of engineering college students. Allocate 5 types of students with different settings. Marked characteristics of each of the types. Identified some of the socio-demographic differences.

Профессиональное становление нового поколения россиян является ключевым жизненным аспектом не только для самой молодежи как социальной группы. Если рассмотреть современных молодых людей как важнейший социальный ресурс, вовлечение молодежи в трудовую сферу можно обозначить как проблему, значимость которой приобретает национальный масштаб. В условиях динамично изменяющихся социально-экономической и социокультурной си-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00284 «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежью» (Руководитель д. соц. н., Гаврилюк В. В.)

туаций в России отечественные исследователи отмечают существующий дисбаланс в этой сфере [2]. Он во многом обусловлен ценностной системой молодежи, которая формируется в условиях самостоятельного, слабо детерминированного выбора образовательных и профессиональных стратегий. Профессиональная социализация личности, протекающая в ряде случаев хаотично и бессистемно, не соответствует общему вектору целей, преследуемых государством [1]. В этой связи изучение ценностей и приоритетов современной молодежи в профессиональной сфере приобретает особое значение.

В январе 2016 года автором было проведено исследование студентов, цель которого заключалась в выявлении профессионально-трудовых ориентаций студентов, обучающихся по специальности, связанной с нефтепереработкой и нефтехимией. Использовался сплошной тип выборки: были опрошены присутствующие на занятиях студенты указанной специальности всех курсов. Объем выборки составил 146 человек. Исследование осуществлялось посредством заполнения студентами анкеты, разработанной в сервисе онлайн опросов Survey Monkey. Для этого ими были использованы собственные мобильные телефоны.

Одной из задач исследования являлась классификация студентов исходя из их отношения к наиболее значимым факторам выбора места работы. За основу был взят вопрос анкеты: «Что для тебя является наиболее значимым в выборе будущего места работы? Выбери не более 3 вариантов». Для классификации был применен иерархический кластерный анализ с использованием метода Уорда и меры «Квадрат Евклидова расстояния» для бинарных шкал. Использование этого метода дает возможность построения множества различных вариантов классификаций. В ходе перебора была выбрана 5-ти кластерная модель, которая позволила избежать излишней детализации, затрудняющей содержательный анализ, но в то же время выделить относительно устойчивые типы студентов. Дендрограмма, полученная в результате осуществления указанной процедуры, представлена ниже (рисунок). Для удобства восприятия графического материала были выделены границы кластеров, а также обозначена их принадлежность.

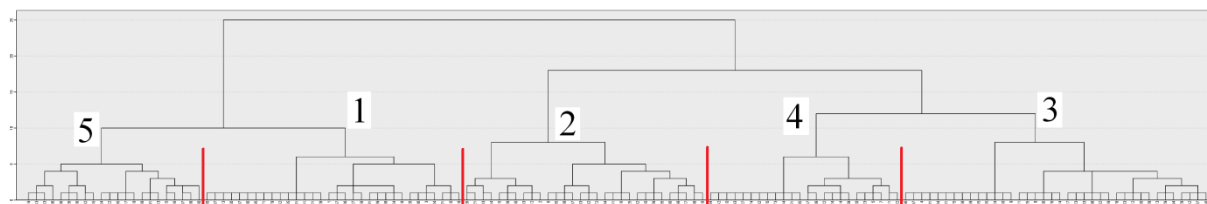

Рисунок. Дендрограмма кластерного анализа

Дендрограмма показывает, что 2, 3 и 5-й кластеры менее однородны с точки зрения содержания набора требований студентов к будущему месту работы, чем 1 и 4 кластеры (количество итераций, произошедших до полного формирования кластера здесь больше).

В таблице представлена содержательная интерпретация состава кластеров. Выделенные ячейки таблицы показывают наиболее значимые факторы.

Содержательная интерпретация таблицы заключалась в описании полученных кластеров с присвоением каждому из них условного названия, характеризующего его тип. Ниже приведем результаты.

1 кластер — 32 человека (увлеченные карьеристы). Для студентов этой группы наибольшей ценностью является интересное содержание работы, а также возможность карьерного роста — подавляющее большинство выбрали именно эти варианты. Хорошие материальные условия важны для половины студентов этого типа, а на фактор престижности предприятия указал каждый пятый.

2 кластер — 30 человек (обеспеченные труженики). Основной ценностью этого типа студентов является широкая сфера применения. Соответствие работы способностям также является вариантом, который респонденты выбирали намного чаще, чем в остальных группах. Нельзя сказать, что возможность карьерного роста для них несущественна, так как 56,7 % отметили этот вариант, и все же это не самый высокий показатель среди других групп. А вот материаль-

ные стимулы для ребят этого типа, по сравнению с другими, гораздо менее актуальны. Второй по значимости группой факторов, влияющих на выбор места работы, являются большое общественное значение, интересный дружный коллектив, а также престижность предприятия.

Доля факторов выбора места работы у различных типов студентов (%)

Факторы выбора работы	Кластеры				
	1	2	3	4	5
Интересное содержание работы	97,0	3,3	0	0	90,5
Соответствие работы твоим способностям	6,1	33,3	15,8	8,3	23,8
Возможность творческого подхода к работе	3,0	3,3	13,2	4,2	38,1
Возможность культурного развития	3,0	3,3	2,6	0	9,5
Большое общественное значение	3,0	10,0	0	0	4,8
Широкая сфера применения	0	76,7	0	0	23,8
Удобное и комфортное рабочее место	3,0	6,7	15,8	8,3	23,8
Возможность карьерного роста	87,9	56,7	97,4	50,0	4,8
Возможность работать в большом городе	6,1	6,7	7,9	8,3	4,8
Хорошие материальные условия (зарплата, соц. Пакет, жилье)	51,5	26,7	100,0	100,0	47,6
Интересный, дружный коллектив (корпоративная культура на предприятии)	12,1	20,0	36,8	25,0	4,8
Престижность предприятия	21,2	26,7	0	91,7	4,8
Количество студентов в кластере	32	30	38	24	22

3 кластер — 38 человек (амбициозные, холодные прагматики). Эта группа характеризуется мощной направленностью ребят на материальное благополучие и карьерный рост. В то же время для них значимы комфортные условия осуществления трудовой деятельности, что можно объяснить выбором вариантов «интересный и дружный коллектив», «удобное и комфортное рабочее место». Небезразличны ребята и к возможности творческой самореализации на работе. Примечательно, что ни один из респондентов этого кластера не выбрал варианты: «престижность предприятия», «большое общественное значение», «интересное содержание работы», «широкая сфера применения».

4 кластер — 24 человека (прагматики с «самоуважением»). Эта группа по характеру выбора вариантов во многом схожа с предыдущей, но ее отличает приоритетность престижности предприятия перед возможностью карьерного роста. Также в этой группе чаще, чем в других, отмечали необходимость возможности работы в большом городе.

5 кластер — 22 человека (увлеченные романтики). Это студенты, для которых важно интересное содержание работы, возможность творческого подхода к работе. Хорошие материальные условия для этих ребят также важны, но не в такой степени, как мы наблюдали в предыдущих двух кластерах. Примечательно, что возможность карьерного роста и престижность предприятия их совсем не интересует, а фактор «удобное и комфортное рабочее место» в этом кластере отмечали чаще, чем в остальных.

Для идентификации полученных типов были проанализированы сопряженности кластеров с социально-демографическими характеристиками респондентов. Из результатов становится понятно, что за редким исключением они почти не влияют на состав кластеров. Студенты из различных регионов, разного пола и курса обучения равномерно распределены среди кластеров. Очевидно, что различия являются следствием социально-психологических особенностей студентов, сформированных в ходе их первичной социализации. Отметим те исключения, которые все же имели место и выделялись на общем фоне.

Пол: девушки несколько чаще попадают в 3-й кластер, в то время как парней реже можно встретить в 4-м и 5-м.

Курс обучения: первокурсники чаще встречаются в 3-м и 5-м кластерах, а меньше всего их в 4-м. Студентов второго курса в два раза больше в 3-м кластере чем в 4-м. Ребят с 3-го курса можно чаще встретить в 3-м кластере, а с 4-го курса — в 1-м. Мало студентов 4-го курса в 5-м кластере.

Регион проживания: жители юга области несколько реже встречаются в 4-м кластере, ребята из ХМАО распределены относительно равномерно, а вот ямальцы гораздо чаще встречаются во 2-м кластере. Те, кто приехал из другого региона, концентрируются в 3-м кластере.

Размер населенного пункта: тюменцы распределены равномерно по всем кластерам, приезжие из других городов реже попадают в 5-й, а селян заметно больше в 3-м.

Успеваемость: более половины студентов-троечников можно увидеть в 4-м кластере, по остальным кластерам они распределены равномерно. В 4-м кластере меньше всего тех, кто рассчитывает получить средний балл в дипломе, близкий к 4. Твердые хорошисты почти не попадают в 5-й кластер, а отличников больше всего в 3-м.

Подводя итог, отметим следующее. Представленную классификацию не следует рассматривать как неизменную совокупность типов, характерную для современных студентов. Типология довольно условна, и в рамках каждой из показанных групп существуют различные по своим характеристикам подгруппы молодых людей, которые могут значительно отклоняться от общей модели типа. Скорее, здесь можно говорить о существовании социально-психологического пространства в студенческой среде с несколькими видами ценностных ядер, относительно которых молодые люди могут располагаться ближе или дальше. Социально-демографические различия выявленных кластеров зачастую находятся в пределах статистической погрешности, поэтому использовать эти данные при принятии решений следует очень осторожно.

Результаты могут быть полезны для понимания профессиональных настроений, имеющих место в студенческой среде. Опираясь на них можно более эффективно осуществлять воспитательную работу, совершенствовать деятельность, связанную с выбором мест прохождения производственных практик и стажировок, целенаправленно привлекать к научной деятельности склонных к этому студентов.

Список литературы

1. Разуваев С. Г., Разуваев И. С. Профессиональная социализация и профессиональное самоопределение обучающихся в многоуровневом образовательном комплексе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2014. – № 4. – С. 99-102.
2. Шавырина И. В., Гладкова И. А., Музылева Е. С. Векторы диспропорций профессионально-образовательных интенций молодежи // Казанский педагогический журнал. – 2016. – Т. 2. – № 2 (117). – С. 410-414.
3. Пяльченков В. А., Корнеев В. И. Региональные исследования социального развития жителей Тюменской области // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 47. – С. 118-121.

Сведения об авторе

Фарахутдинов Шамиль Фаритович, к. с. н., доцент, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, тел. 89068274437, e-mail: fshamil@mail.ru

Farakhutdinov Sh. F., Candidate of Science in Sociology, associate professor, Industrial University of Tyumen, phone: 8(3452)453523, e-mail: fshamil@mail.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна — д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна — д. с. н., профессор, профессор кафедры социологии Тюменского индустриального университета

Барбаков Олег Михайлович — д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Гаврилюк Вера Владимировна — д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Тюменского индустриального университета

Генин Влад — декан факультета бизнеса, менеджмента и информационных технологий университета Феникс, содиректор международных программ Стэнфордского университета и университета УС Лос-Анджелеса, полномочный представитель Академии высшего образования в ООН, главный специалист фонда Фулбрайт, доктор бизнес-администрирования, Ph.D, профессор инжиниринга и международного менеджмента (США)

Докторов Борис Зусманович — д. ф. н., профессор, действительный член Российской академии социальных наук, независимый исследователь и лектор (США)

Егоршин Александр Петрович — д. э. н., профессор, ректор Нижегородского института менеджмента и бизнеса

Голенкова Зинаида Тихоновна — д. ф. н., профессор, заместитель директора Института социологии РАН

Звонников Виктор Иванович — д. пед. н., профессор, проректор по развитию учебно-методического объединения и качества управленческого образования Государственного университета управления

Левашов Виктор Константинович — д. с. н., профессор, руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Нарбут Николай Петрович — д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна — д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович — д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями ОмГУ им. Ф. М. Достоевского

Силин Анатолий Николаевич — д. с. н., профессор, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

EDITORIAL BOARD

Professor Belonozhko, Marina Lvovna — Editor-in-Chief, Doctor of Sociological Sciences, Chair of the Department of Marketing and Municipal Government, Industrial University of Tyumen, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Khayrulina, Nursafa Gafurovna — Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology, Industrial University of Tyumen

Professor Barbakov, Oleg Mikhaylovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Doktorov, Boris — professor, member of the Russian Academy of Social Sciences, independent researcher and lecturer

Professor Gavriluck, Vera Vladimirovna — Doctor of Sociology, Professor, Chair, Department of Sociology, Industrial University of Tyumen

Professor Genin, Vlad — Doctor of Business Administration, Ph.D, Technical Sciences, Professor of Engineering and International Management Science, Chair of the College of Business, Management, and Information Technologies, University of Phoenix, General Editor and Program Co-Director, Stanford University, UCLA, Plenipotentiary Representative of the Academy of Higher Education in the United Nations, Senior Specialist, Fulbright Foundation, U.S. Department of State

Professor Golenkova, Zinayida Tikhonovna — Doctor of Philosophical Sciences, Deputy Director, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Professor Levashov, Viktor Konstantinovich — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, Head of the Laboratory, Research Institute of Society, Industrial University of Tyumen

Professor Narbut, Nikolai Petrovich — Doctor of Sociological Sciences, Chair, Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Professor Plyonkina, Vera Vladimirovna — Doctor Of Economical Sciences, Chair, Department of Management, Director, Institute of Management and Business, Industrial University of Tyumen

Professor Roy, Oleg Mikhailovich — Doctor of Sociology, Professor, Chair, Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after Dostoevsky F.M.

Professor Silin, Anatoliy Nikolaevich — Doctor of Sociology, Professor, Professor, Department of Marketing and Municipal Government, Industrial University of Tyumen

Professor Yegorshin, Alexander Petrovich — Doctor of Economics, Professor, Rector of Nizhny Novgorod Institute of Management and Business

Professor Zvonnikov, Victor Ivanovich — Doctor of Pedagogy, Professor, Vice Rector for Development, Educational and Methodical Association of Education and the Quality of Management of the State University of Management

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Известия высших учебных заведений РФ. Социология. Экономика. Политика» — это академический журнал, акцентирующий внимание на теории и методологии исследований социальных социально-экономических, социально-политических и социокультурных процессов. В нем освещаются новейшие исследования, концепции и теории, свежие практические идеи и инициативы, результаты.

Редакция журнала принимает статьи от российских и зарубежных авторов по следующей тематике:

- Теория и методология исследования социальных процессов
- Управленческие процессы
- Политические и правовые процессы
- Экономические и демографические процессы
- Культурные традиции и новации
- Проблемы и перспективы развития науки и образования
- Информационные технологии и виртуальное пространство

Эмпирические исследования, концепции, мета-анализ, рецензии на книги, количественные и качественные исследования, социальные инновации, обзоры литературы, ретроспективы, взгляды практиков — все это может быть объектом исследований.

Журнал выходит ежеквартально в марте, июне, сентябре и декабре.

Каждая статья рецензируется. После того, как рецензент признает ее пригодной для публикации, редакционная коллегия решает, возможна ли публикация статьи, нужно ли ее доработать или отказать в публикации.

Присланная статья (материалы) не должна быть ранее нигде опубликованной, не может быть послана для публикации в другие издания. Если статья будет принята в журнале, она не должна публиковаться в той же форме на английском или каких-либо других языках без письменного согласия редакционной коллегии. Автор статьи несет ответственность за подбор и объективность приведенных фактов, данных и прочих сведений, а также за отсутствие в присланных материалах плагиата и неправомерного заимствования. Редакция журнала не несет ответственность за достоверность и объективность материалов, представляемых авторами.

Редакция оставляет за собой право на сокращение и редактирование статей.

Направление материалов в редакцию для публикации означает согласие автора с приведенными выше требованиями.

Пожалуйста, посылайте Ваши статьи: профессор Нурсафа Хайруллина — зам. главного редактора

Телефон / Факс +7(3452) 20-94-24

E-mail: nur@tsogu.ru, nursafa@inbox.ru

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСИ

Рукопись, предоставляемая в редакцию, должна иметь название статьи, ФИО авторов, их должностную и контактную информацию (телефон, e-mail) название учреждения, где выполнена работа, аннотацию (резюме), ключевые слова — все вышеперечисленное на русском и английском языках, введение (краткое), цель исследования, материал и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы или заключение, список литературы, включающий не менее 10 наименований.

При написании и оформлении статей для печати редакция журнала просит придерживаться следующих правил.

1. Заглавие статьи должно соответствовать следующим требованиям:

- быть информативным;
- включать только общепринятые сокращения;
- не должно содержать больше 8–9 слов.

2. Библиографический указатель (список литературы) дается авторами в конце статьи в порядке последовательности ссылок в тексте. Ссылки на литературу и источники даются в квадратных скобках в тексте (например, [12, 67]; 12 по списку литературы в конце текста, страница 67). В списке литературы указываются: а) для журналов и сборников — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала (сборника), номер или том, место и год издания, стр.; б) для книг — фамилии и инициалы авторов, название книги, место издания, название издательства, год издания, стр. В список литературы вносятся только те работы, которые опубликованы в печати. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 2008.

3. Статья должна иметь индекс УДК по таблицам Универсальной десятичной классификации, имеющимся в библиотеках.

4. Объем аннотации должен включать минимум 100–250 слов (по ГОСТ 7.9-95 — 850 знаков, не менее 10 строк). Аннотация объемом не менее 10 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней результаты.

Рукопись предоставляется в редакцию в виде файла, набранного с использованием Winword, размер шрифта 11 (Times New Roman), интервал одинарный, абзац 1,25, страницы не нумеруются, не допускаются постраничные сноски. Ввод формул производить в редакторе формул Microsoft Equation 2.0. Иллюстрации выполняются на компьютере и вставляются в файл статьи. В таблицах все наименования представляются полностью, без сокращения слов. Объем статьи до 4 страниц. Параметры страницы: верхнее поле — 2,5 см, нижнее поле — 2 см, левое поле — 2,5 см, правое поле — 2,5 см.

Если статья была или будет направлена в другое издание или же была ранее опубликована, необходимо сообщить об этом в редакцию.

Рукописи, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста рукописей. Корректур статей авторам не предоставляется.

Электронный вариант статьи высылается по адресу e-mail.

Заголовок рукописи должен быть набран заглавными буквами, жирным шрифтом, и по центру в верхней части первой страницы. Автор(ы) и представляемые ими организация (и) должны находиться по центру, жирным шрифтом, через один интервал на третьей строке под заголовком. Не используйте звания, такие как д-р или профессор, и т. д. Шрифт имени (имен) должен быть "БОЛЬШОЙ". (12). Например:

Джон Смит, Тюменский государственный нефтегазовый университет Мэри Джонс, Университет Калифорнии, Беркли

John Smith, Tyumen State Oil and Gas University Mary Jones, University of California, Berkeley

Если у вас более одного автора и все они представляют одну организацию, используйте следующий формат:

**Джон Смит
Кэти Мэттьюз
Тюменский государственный нефтегазовый университет
John Smith
Kathy Matthews
Tyumen State Oil and Gas University**

MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES

A manuscript submitted for publication should have the article title, authors, their officials and contact information (phone, e-mail) name of the institution where the work was performed, the abstract, keywords - all of the above both in English and in Russian, the introduction (short), the purpose of the study, material and methods, results and discussion, conclusions, or conclusion, references, consisting of not less than 10 names. When writing and drafting articles for the publication the Editorial Board asks to follow these editorial guidelines.

1. The title of the article should meet the following requirements:

- Titles of scientific articles should be informative;
- You can use only standard abbreviations in the title.
- Title of the article should not contain more than 8-9 words.

2. References should be in alphabetical order - first domestic and then foreign authors and executed in accordance with GOST 2008 7.0.5. References should be listed and numbered at the end of the paper. References cited in the text should appear as the corresponding numbers in square bracket with or without the author's names in front. (for example, [12, 67] - the source of T70; 12 on the list of references at the end of the text, page 67). References should be given in the following form: a) for Journal Articles - Author(s) last name, followed by first and middle initials; Article Title; Journal Title; Volume Number; Location; Year of Publication; Pages; b) for Books - Author(s) last name, followed by first and middle initials; Book Title; Publisher Location; Name of Publisher; Year of Publishing; Pages (GOST 7.1 -84). References should list only those works which are already published.

3. The article should have an index on UDC (Universal Decimal Classification) tables, available in libraries.

4. The volume of abstracts must include a minimum of 100-250 words (According to GOST 7.9-95: 850 characters, not less than 10 lines). Abstract of not less than 10 lines should summarize the main subject of the article and contain the results of the research.

Papers submitted for publication must meet three criteria: One, the manuscript must contribute to knowledge, theory, and practice; Two, the manuscript content must be accurate and scholarly; and Three, the manuscript must conform to the editorial guidelines of the Journal presented below:

The paper should be submitted as a file and via email. The paper should be in APA style and typewritten in Microsoft Word with font size 11 (Times New Roman), Do not insert page numbers.

Footnotes are not allowed. All formulas and/or equations (if any) should be done by using Microsoft Equation 2.0. and be placed on separate lines and numbered consecutively, with the equation/formula numbers placed in parentheses and aligned against the left margin.

Tables, figures, and graphs should be typed as close as possible to the location where they are cited. No abbreviations (all words appearing in tables should be fully spelled out). Headings should be centered, bold-faced, and in all capital letters above the table or figure. All tables must be in boxes. The size of the heading for each table or graph should be "LARGE."

The body of the manuscript should be single space. Double space before and after first-level and second-level headings. Triple space between the title and before and after the author's name.

All paragraphs should be indented with a tab of five (5) spaces, paragraph 1.25. You must leave a space after each paragraph. The margins should be as follows: Left Margin: 1 inch or 2.5 cm Right Margin: 1 inch or 2.5 cm Top Margin: 1 inch or 2.5 cm Bottom Margin: 0,7 inch or 2 cm

All spelling, grammar, and punctuation are the responsibility of the author(s). No corrections will be made by the Journal Editors. Therefore, all articles must be edited prior to submission.

Note: Rejected manuscripts will not be returned to the author(s).

Manuscripts which fail to meet the specifications will be returned to the author and risk not being published or at the very least, delaying the publication schedule.

A manuscript submitted for publication in the Journal should not have appeared or be under consideration for publication in other journals. Citation of the original work must be included.

After acceptance by the Journal, a paper or any portion of a paper may not be published elsewhere without prior written approval from the Editors. A manuscript published in the Journal becomes the property of the Journal, with the Journal possessing exclusive right to publication. All copyrights will belong to the Journal.

The Journal reserves the right to edit manuscripts for brevity, clarity, and consideration of style.

The electronic version of it should be sent to: nur@tsogu.ru, nursafa@inbox.ru

The title of the manuscript should be in all capital letters, bold-faced, and centered at the top of the first page. The author(s) and affiliation(s) should be centered, bold-faced, and single-spaced beginning on the third line below the title. Do not use titles such as Dr. or Professor, etc. The size of the name(s) should be "LARGE." (12 point). For example:

John Smith, Tyumen State Oil and Gas University Mary Jones, University of California, Berkeley

If you have more than one author and all authors have the same affiliation, use the following format:

John Smith

Kathy Matthews Tyumen State Oil and Gas University

CALL FOR PAPERS

The «News From Higher Educational Institutions: Sociology, Economics, Politics» is an academic Journal focusing on the theory and methodology of research of socio-economic, socio-political and socio-cultural processes. It highlights cutting edge research, new concepts and theories, and fresh practical ideas and initiatives. The editors of the Journal welcome contributions from throughout the world in the following research areas:

- Management processes
- Theory and methodology of research of social processes
- Political and legal processes
- Economic and demographic processes
- Cultural traditions and innovations
- Development of science and education: challenges and future outlook
- Information technologies and online world

Empirical studies, conceptual papers, meta-analyses, literature reviews, case studies, quantitative and qualitative studies, pedagogical innovations, practitioner perspectives, and book reviews are all welcome. Papers can adopt a historical perspective, a current perspective or a future perspective. Contributions from practitioners along with academics in the field, reporting on the latest strategies, new thinking and initiatives being applied are published as well.

The Journal is published quarterly in March, June, September and December. Each paper is reviewed by the Editors, and, if judged suitable for this publication, is then sent to our referees for double blind peer review. The Editors then decide whether the paper should be accepted as it is, revised or rejected.

Submission of a paper implies that it has not been published previously, that it is not under consideration for publication elsewhere, and that if accepted it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, without the written consent of the publisher.

The author is responsible for the selection and objectivity of the facts, data and other information, as well as the absence in the materials submitted plagiarism and unauthorized borrowing. The Editors are not responsible for the accuracy and objectivity of the materials submitted by the authors.

The editors reserve the right to cut and edit articles.

Contributing to the editor for publication constitutes acceptance by the author the above requirements.

Подписано в печать 19.09.2016. Формат 60х90 1/8.
Уч.-изд. л. 10,33. Усл. печ. л. 14,50. Тираж 500. Заказ № 556

Библиотечно-издательский комплекс
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса